

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 1 (67) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Бабкова М.В., Трубникова Н.Н.** Место действия в рассказах «Собрания стародавних повестей»: провинции Японии, их уроженцы, наместники и гости.....5
- Романчев Д.Д.** Послания Энмото Такэаки как ключ к пониманию феномена «Республики Эдзо».....18
- Хисамутдинова Н.В., Чу Тяньгэ** Профессор-китаевед А.В. Рудаков и его научное наследие.....26

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Хэ Юймэн** Результаты археологических исследований бохайских могильников в КНР.....33
- Степанова О.Б.** Традиционная обрядовая пища северных селькупов.....48
- Хаховская Л.Н.** Этнокультурные сдвиги в традиционном природопользовании Крайнего Северо-Востока: от пушного промысла к клеточному звероводству.....57

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Берестенникова Е.А.** Развитие кооперации на российском Дальнем Востоке в начале XX в.68
- Глушков А.В., Козлова К.О., Исмакаева И.Д.** Брошюры как форма агитационных материалов в период переселенческих кампаний в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.75
- Береснева Н.А.** Короткая история, «неидеальные деловые люди» и борьба за символический капитал: Дальний Восток на страницах региональных учебных пособий.....85
- Петрук А.В.** Наследие В.К. Арсеньева и практики работы с ним в сфере публичной истории (к итогам Года Арсеньева в России).....97

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Наденна Д.А., Мезенцев И.В.** К вопросу о соотношении космологии Л.П. Карсавина и православной традиции.....107
- Нестеров О.Г.** Принципы новой этики труда позднего капитализма.....118

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 28.02.2024. Дата выхода в свет 22.03.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,21. Тираж 30 экз. Заказ 061.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 1 (67) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1>

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Babkova M.V., Trubnikova N.N.** Places of action in *Konjaku-monogatari-shū*:
the provinces of Japan, their natives, governors, and guests.....5
- Romanchev D.D.** The messages of Enomoto Takeaki as a key to understanding the phenomenon
of the Republic of Ezo.....18
- Khisamutdinova N.V., Chu Tiange** Professor of sinology A.V. Rudakov and his scientific legacy.....26

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- He Yumeng** The results of archaeological studies of Bohai burial grounds in China.....33
- Stepanova O.B.** Traditional ritual food of the Northern Selkups.....48
- Khakhovskaya L.N.** Ethnocultural shifts in traditional environmental management of the Far North-East of Russia:
from fur hunting to fur farming.....57

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Berestennikova E.A.** The development of cooperation in the Russian Far East in the early XXth century.....68
- Glushkov A.V., Kozlova K.O., Ismakaeva I.D.** Brochures as a form of propaganda materials during the period
of voluntary resettlement campaigns in the USSR in the late 1950s – early 1960s.....75
- Beresneva N.A.** «Short history», «imperfect business people» and the fight for symbolic capital: presentation
of the Russian Far East in regional textbooks.....85
- Petruk A.V.** Vladimir Arseniev's heritage and the practices of working with it in public history
(to the results of Arseniev's Year in Russia).....97

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Nadeina D.A., Mezentsev I.V.** On the issue of the relationship between Lev Karsavin's cosmology
and the orthodox tradition.....107
- Nesterov O.G.** The principles of the new work ethic of late capitalism.....118

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

УДК 821.521

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/5-17>

М.В. Бабкова, Н.Н. Трубникова*

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗАХ «СОБРАНИЯ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»: ПРОВИНЦИИ ЯПОНИИ, ИХ УРОЖЕНЦЫ, НАМЕСТНИКИ И ГОСТИ**

Среди сборников японских поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку-моногатари-сю*», 1120-е гг.) выделяется не только объемом, но и широтой географического охвата. Достопамятные случаи из жизни японцев помещаются здесь в мировой контекст, за счет общих мотивов перекликаются с преданиями о жизни Будды и другими индийскими легендами, с эпизодами китайской истории, и вместе с тем каждый из рассказов о Японии имеет местные особенности. В статье рассматриваются функции топонимов в структуре рассказов и способы привязки повествования к местностям на карте Японии, а также прослеживается связь между каждым из таких способов и типом источника, к которому восходит рассказ. На примере нескольких японских провинций авторы анализируют контексты упоминания их названий, задаваясь вопросом о возможном единстве мотивов в рассказах, объединенных не просто местом действия, но и топонимом. В приложении к статье приводится перевод одного из рассказов собрания (26–17), в котором упоминается край Этидзэн.

Ключевые слова: Япония, *сэцува*, «Собрание стародавних повестей», топонимы, география, местные традиции

Places of action in *Konjaku-monogatari-shū*: the provinces of Japan, their natives, governors, and guests. MAYA V. BABKOVA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), NADEZHDA N. TRUBNIKOVA (Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality)

Among collections of Japanese *setsuwa* tales, *Konjaku-monogatari-shū* of the XIIth century stands out not only for its volume, but also for its breadth of geographical coverage. Memorable incidents from the life of the Japanese are placed here in a global context, while at the same time each of the Japanese tales has local characteristics. The article examines the functions of toponyms in the structure of the tales and ways of linking the narrative to places on the map of Japan,

* БАБКОВА Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: maymayl@yandex.ru

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 22-28-01384.

© Бабкова М.В., Трубникова Н.Н., 2024

and traces the connection between each of these ways and the type of source to which a tale goes back. Focusing on several Japanese provinces, the authors analyze the contexts in which their names are mentioned, searching for the possible unity of motives in the tales united not just by the place of action, but also by a toponym. The appendix to the article contains a Russian translation of the tale, which mentions the region of Echizen (26–17).

Keywords: Japan, *setsuwa* tales, *Konjaku-monogatari-shū*, toponyms, geography, local traditions

Японские поучительные рассказы *сэцува* воспроизводят многие сюжеты, известные и по буддийским преданиям Индии, и по китайским сводам «историй об удивительном», и по притчам и сказкам разных народов мира. Казалось бы, место действия в таких текстах не слишком важно, все могло бы случиться «в некотором царстве, в некотором государстве». Однако *сэцува* излагаются как правдивые истории, и их достоверность подчеркивается разными средствами, в том числе точным указанием места действия. Чудеса важны для рассказчика сами по себе, но важно и то, где именно они совершились, в какой точке на умозрительной карте мира можно приобщиться к благим последствиям того или иного чуда, почтить будду, бодхисаттву или божество за его милость к людям. А кроме легенд о чудесах в жанре *сэцува* представлены исторические повествования, биографии знаменитых людей, придворные анекдоты и многие другие тексты, имеющие обязательную привязку к эпохе и стране. Большие своды *сэцува* дают обширный материал для изучения представлений японцев об их собственной стране и иных землях. И с этой точки зрения особенно интересно «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», далее – «*Кондзяку*»)¹. Оно охватывает весь известный рассказчикам мир – Индию, Китай и соседние страны, включая государства на Шелковом пути, на морском пути из Индии на восток и на Корейском полуострове. Буддийские рассказы, кроме того, постоянно упоминают области за пределами людского мира: от небес и райских Чистых земель будд до адских «подземных темниц». Однако в этой статье мы сосредоточимся

на тех историях, действие которых происходит в Японии.

«*Кондзяку*» дает почти полную картину Японского архипелага: хотя бы по одному разу упомянуты все провинции кроме двух (островных Ики и Цусимы); заходит речь даже о Хоккайдо (рассказ 31–11) и об островах Рюкю (11–12)², хотя до вхождения этих земель в состав японского государства остается еще много веков. Перечень храмов, святилищ, мест паломничества далеко не ограничивается центром страны. В этом состоит важное отличие собраний *сэцува* от японских памятников других жанров X–XI вв., в большей мере сосредоточенных на столице. Конечно, и в «*Кондзяку*» во многом преобладает взгляд из столичного региона, куда кроме собственно столицы, города Хэйан/Киото, входят город Нара, а также прилегающие земли – места, откуда правили древние государи, когда городов еще не было. Как и в других средневековых японских текстах, движение в столицу здесь обозначается как подъем, из столицы – как спуск. Однако никак нельзя сказать, что для рассказчиков за пределами столичной округи нет жизни: жизнь есть, во многом пугающая, но часто и увлекательная. Из 689 рассказов японской части 228 имеют местом действия столицу и город Нара, 272 – провинции, включая ближние к столице. В 174 рассказах герои путешествуют из столиц в провинции и наоборот, а также за море и в «подземные темницы» (мы учитываем те случаи, где герои, побывав на том свете, возвращаются к жизни). Еще в двух историях японцы действуют за пределами Японии, а в 22 место действия неясно (например, «усадьба» такого-то знатного семейства, неясно, столичная или провинциальная, топонимом не обозначенная).

¹ В данной работе мы используем следующее издание «*Кондзяку*»: [2], все подсчеты произведены по следующему электронному изданию: [3]. Материалы проекта полного русского перевода «*Кондзяку*» см.: [4].

² Здесь и далее при ссылках на рассказы «*Кондзяку*» первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем.

Внимание рассказчиков к разным провинциям неравномерно, и до какой-то степени по распределению рассказов можно судить о том, какие местности к началу XII в. остаются в кругу литературного интереса. Круг этот был шире в пору становления японского государства в VIII в., а в последующие триста лет постепенно сжимался – как сокращалась и поддержка провинциальных храмов и святилищ из центра. В эти же века при постепенном распаде древнего «государства законов» (по замыслу – высокоцентрализованного, с единой системой обрядов и т.д.) происходит, с одной стороны, укрепление местных центров власти, с другой – перераспределение земель в провинциях между владельцами, такими как столичные знатные семьи или крупные храмы столичной округи. Все это в середине и в конце XII в. приведет к междоусобным войнам, а столетием раньше их предвестниками уже были столкновения на северо-востоке. В мире «*Кондзюку*» присутствие центральной власти в провинциях ощутимо: там руководят назначенные из столицы наместники, а воины из числа тех, кто усмирлял мятежи, дают примеры ратной доблести. Во многом именно воины создают славу северо-восточного края Митиноку – провинции, первой по частоте упоминаний в «*Кондзюку*» (о ней заходит речь 75 раз). С XIII в., с установлением воинского правления – сёгуната, начнется резкое расширение круга авторов, в литературе заново заявят о себе «Восточные земли», в традиции *сэцува* появятся, например, такие тексты, как «Собрание песка и камней» («*Сясэкисю*:»), где «центральных» и «восточных» рассказов примерно поровну. Однако, на наш взгляд (оценка зависит от способа подсчета), дорожных историй станет меньше, единство действия в пределах рассказа будет соблюдаться последовательнее. В этом смысле «*Кондзюку*», где герои активно перемещаются по стране, ближе к текстам, специально посвященным теме странствий.

И географическая привязка событий, и сами способы обозначения места действия в «*Кондзюку*» во многом зависят от того, к каким источникам восходят рассказы. Те, что взяты из «Японских легенд о чудесах» («*Нихон рё:ики*», рубеж VIII–IX вв.), относятся или к Наре (тогдашней столице), или к различным провинциям, причем место действия указывается наиболее подробно, с точностью до уезда и селения. Истории из «Японских записок о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон о:дзё: Гоку-*

раку-ки», конец X в.) или из «Записок о чудесах Лotosовой сутры в великой стране Японии» («*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*», середина XI в.) уже в большей мере тяготеют к столичной округе и к горе Хиэй (северо-восточнее города Хэйан), где расположены храмы самой влиятельной в X–XI вв. буддийской школы – Тэндай. Правда, и здесь встречаются отсылки ко многим провинциям, если не как к месту действия, то как к месту рождения героя, а список упоминаемых храмов отчасти сокращается за счет провинциальных, отчасти пополняется новыми святынями столицы и ближних к ней краев. Коль скоро два названных сборника разрабатывают в традиции *сэцува* поджанр *рэйгэнки*, «записок о чудесах», место действия в них чаще указывается с точностью до храма или иного святого места; некоторые из этих храмов соотнести с современными не удастся, их традиции пресеклись или сильно изменились. Если же рассказ восходит к воинскому сказанию *гунки*, то в нем походы и сражения бывают описаны во всех топографических деталях: возвышенности, речки, переправы и т.д. То же можно сказать об историях из жизни столицы: порой в них адреса указаны с точностью до улицы и переулка, и мы можем проследить по карте города Киото все перемещения героя (чиновника, монаха, вора и пр.); правда, источник этих рассказов неизвестен, возможно, они бытовали изустно и впервые были записаны для «*Кондзюку*».

Топонимы в рассказах «*Кондзюку*» встречаются в четырех основных функциях. Помимо собственно указания на место действия это могут быть имена или прозвища героев. Таковы, например, величания знатных особ по их усадьбам, пример – «господин Удзи», прозвище канцлера Фудзивара-но Ёримити (992–1074), в рассказах 23–14, 24–29, 24–33, 26–16, 28–30. Именно его покровительство, по преданию, позволило Минамото-но Такакуни (1004–1077), большому любителю занимательных историй, проводить досуг в местности Удзи на пути из Хэйана в Нару, зазывать к себе путников, записывать их рассказы и тем самым положить начало составлению «*Кондзюку*». Люди незнатные тоже часто прозываются по местностям: «плотник из Хиды» (24–5), «помощник из Оосуми» (16–25) и пр.

Иной случай составляют топонимические характеристики героев. Таково место рождения для монаха, который «покинул свой кров» и подвижничает, например, на горе Хиэй, но

для рассказчиков важно, откуда он родом. В еще большей мере место, выбранное для уединения, характеризует отшельника, а странника – маршруты его странствий. Вся Япония в «Кондзяку» обозначается как «пять областей вокруг столицы и семь дорог» и «шестьдесят с лишним краев» (рассказ 13–24); второе из этих выражений встречается также в рассказе 15–28, и в обеих историях речь идет о монахах-странниках, обошедших всю страну³. Мирянина характеризует место службы: «наместник края такого-то» – часто вершина карьеры, и подобным образом в рассказах знатный господин бывает представлен не реже, чем как «глава такого-то ведомства». Знатные женщины, по именам не называемые вообще, появляются под прозвищами в честь места службы их отцов, мужей или других родичей («Исэ, служительница государевой опочивальни» в рассказе 24–31). Условия службы не предполагали постоянного присутствия наместника во вверенной ему провинции, и в рассказах многие наместники действуют в столице, но для «Кондзяку» связь между человеком и местом службы не случайна, а определяется законом воздаяния. Одно из подтверждений тому – возможность предсказать, назначат ли в такой-то край такого-то чиновника. В рассказе 31–25 принц Тоёсаки (801–864) «хорошо знал, как что делается на свете, помыслы его были прямы, он прекрасно различал, что хорошо, а что дурно в делах службы. Когда при дворе готовились объявить новые назначения, он взвешивал, кто ожидает своей очереди и хочет получить должности в краях, где есть свободные места. И говорил: вот его завтра назначат наместником в такой-то край, а этот человек не пройдет, какие бы доводы в его пользу ни приводили... И так – для каждого из краев». Точность его предсказаний

³ Пять ближних к столице краев – это Ямато, Ямасиро, Сэтцу, Идзуми и Кавати, они окружают столичные города Нара и Хэйан в середине острова Хонсю и часто называются «столичной округой», 機内, *Кинай* (в «Кондзяку» это слово встречается в рассказе 11–2). Четыре дороги расходятся из центра на восток и на запад Хонсю по побережьям, обращенным к океану или к материку; пятая дорога ведет на восток по горам, шестая, южная, захватывает полуостров Кии и остров Сикоку; седьмая пролегает по острову Кюсю. Из семи дорог в «Кондзяку» упомянуты четыре: Восточная приморская, То:кайдо:, и Восточная горная, То:сандо: (25–1), Северная материковая, Хокурукудо: (15–29), Дорога по светлой стороне гор, Санъё:до: (25–2).

удивительна, хотя не все при дворе ему верят и некоторые даже считают безумным; как и во многих случаях в «Кондзяку», здесь неясно, исходит принц просто из житейского опыта или обладает более глубоким знанием кармических закономерностей. Наконец, топонимы могут служить характеристиками животных или вещей, как правило, особенно ценных: «конь из края Каи», «бумага из Митиноку» и т.п.

В «Кондзяку» лишь изредка встречаются истории о том, почему то или иное место называется так, а не иначе; топонимы в основном берутся как данность. Отметим, что при переносе рассказа из сборника в сборник именно топонимы оказываются устойчивее прочих подробностей; один из примеров мы обсудим ниже.

Рассмотрим контексты, в которых появляется название одной из провинций. Пусть это будет Этидзэн в регионе Коси северо-восточнее города Киото (Рис. 1). Провинция относится к крупным; японские источники не обходят ее вниманием, начиная с древности (см.: [6; 7]). В Новое время сравнительные описания провинций называют климат Этидзэн холодным, указывая, что жители здесь «сообразительны и смекалисты» [5, с. 171]. В «Кондзяку» край Этидзэн упомянут в десяти рассказах, всего 14 раз.

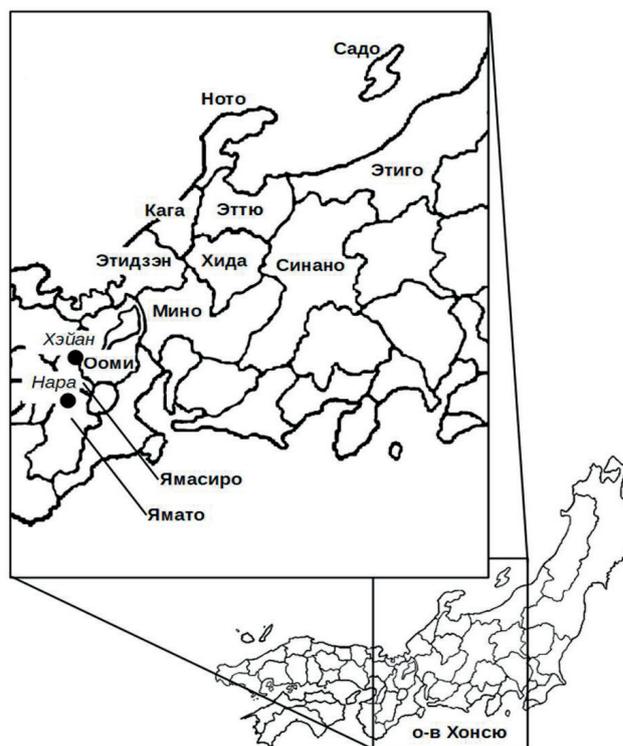

Рис. 1. Исторические области в центральной части о. Хонсю

В одном случае (15–11) это место, откуда родом герой-монах: учился он на горе Хизэй, затем жил в столице или странствовал, читал «Лотосовую сутру», за плату исполнял обряды по заказам мирян. Под старость он потратил нажитое на благие дела: на изготовление статуи будды Амиды и картин для храма, а также на переписывание сутры. Когда скончался, близкие его видели во сне, что он возродился в краю Высшей Радости – Чистой земле будды Амиды. Здесь перед нами жизнеописание обычного, рядового монаха, не сделавшего карьеры в крупном храме, не имевшего знаменитых учеников, но и не ушедшего в отшельники; место рождения занимает одну из строчек в этой короткой биографии. В другом случае (11–9) второстепенный персонаж, Фудзивара-но Кадономаро (755–818), назван «наместником края Эtidзэн» – по высшей из его должностей, однако в самом рассказе говорится о более ранней его службе: он возглавлял посольство в Китай в 804–805 гг., когда туда ездил на учебу главный герой рассказа – знаменитый монах Кукай (774–835). Более поздний наместник Эtidзэн, Фудзивара-но Тамэмори (ум. 1029), появляется в рассказе 28–5. Место действия тут – город Хэйан. Наместник должен из податей, поступающих из провинции, выплачивать жалованье воинам дворцовой стражи; он медлит с этим, и стражники начинают роптать. Наместник находит способ на время отложить вопрос: устраивает для стражников большой пир, чтобы они объелись и перепились на потеху их же товарищам и всей столице. С чем была связана задержка выплат (с неурожаем, неумением наместника наладить сбор податей или с прямыми злоупотреблениями), в рассказе не говорится.

Должность наместника Эtidзэн как таковая оказывается в центре внимания в рассказе 24–30: Фудзивара-но Тамэтоки (949–1029), давно и успешно служащий в столичных ведомствах, надеется получить повышение и стать наместником какого-нибудь края, но – тщетно. В печали он слагает стихи и передает их ко двору, там его строки производят впечатление, и его все-таки назначают наместником в Эtidзэн. В истории японской словесности Тамэтоки известен не столько собственными стихами, сколько творчеством его дочери – Мурасаки Сикибу, сочинительницы «Повести о Гэндзи». В рассказе, правда, о его семье речь не заходит, как и о том, успешно ли он управлял вверенным ему краем;

перед нами лишь пример того, как стихи трогают людские сердца.

Эти четыре случая не касаются самого края Эtidзэн, но упоминание названия провинции в них добавляет сказанному конкретности, соотносит рассказ *сэцува* с такими жанрами документальной словесности, как монашеское жизнеописание и послужной список мирянина. Однако Эtidзэн служит также и местом действия нескольких историй.

Наместник этого края по имени Фудзивара-но Такатада (даты жизни неизвестны) в рассказе 19–13 находится на месте службы, когда зимним утром замечает, что один из его свитских убирает снег во дворе, одетый слишком легко. Наместник предлагает ему сложить песню о холоде, и свитский сочиняет пятистишие:

*Хадака нару
Вагами-ни какару
Сироюки-ва
Утифуруэ домо
Киэсэдзари кэри*

На голое
Тело мое
Падает белый снег.
Но хоть и дрожу я весь,
Все же совсем не растаю.

Такатада оделяет свитского теплым кафтаном со своего плеча, супруга наместника прибавляет еще накидку. После этого свитский исчезает, какое-то время все думают, что он сбежал, а он на самом деле отправился в местный горный храм к отшельнику, преподнес ему полученную в дар одежду и объявил, что хочет принять монашество. Отшельник совершает обряд, новопостриженный монах уходит неизвестно куда, позже наместник отзывается о поступке свитского с уважением.

В рассказе 14–8 край Эtidзэн упомянут в ряду других, основные события разворачиваются в соседнем краю Эттю. Небогатый человек, писарь, узнает, что для спасения своей умершей супруги из «подземных темниц» должен переписать «Лотосовую сутру» тысячу раз. Он вместе с детьми принимается за работу, хотя и понимает, что задача непосильна. Наместник Эттю, прослышав о том, рассылает письма в соседние провинции Ното, Кага, Эtidзэн. И там, и в Эттю находятся отзывчивые люди, тысячу

списков сутры удастся изготовить, и умершая возрождается на небесах.

Через Этидзэн лежит путь героя рассказа 16–7 – сына наместника края Мино, молодого вдовца. Он по делам направляется в край Вакаса и по пути ночует близ гавани Цуруга в усадьбе, когда-то богатой, но запустевшей. Там он влюбляется в хозяйку, тоже вдовую обедневшую даму. Он оставляет у нее часть своей свиты (вероятно, вместе с лошадьми), сам едет дальше (видимо, морем), а на обратном пути забирает с собой и свитских, и хозяйку. Направляет его в пути бодхисаттва Внимающий Звукам (Каннон, санскр. Авалокитешвара): этого бодхисаттву преданно чтит вдова, молится ему о помощи, и Каннон в вещем сне сообщает ей: «Я решил выдать тебя замуж, вызвал жениха сюда, и уже завтра он прибудет». Бодхисаттва приходит в дом, приняв облик девушки-простолюдинки и назвавшись дочерью служанки, когда-то давно работавшей у родителей вдовы. Девушка добывает все надобные припасы, чтобы принять гостя и кормить потом его многочисленных свитских; в благодарность вдова дарит ей свою одежду, а перед отъездом, зайдя помолиться в домашнюю молельню, находит эту одежду на изваянии Каннон. Супруги живут долго и счастливо и многие годы ездят в Цуругу на поклонение. То, что в этом месте почитают именно Внимающего Звукам, неудивительно – ведь он покровитель не только женщин, но и мореплавателей.

Отметим, что дочь служанки, располагающая немалыми средствами, не вызывает недоумения. Героиня удивляется только, почему девушка взялась помогать ей, а та отвечает: в память о покойных господах своей матушки. Вероятно, в гавани Цуруга возможно встретить простолюдинов, разбогатевших на торговле и морских перевозках. Этот мотив звучит также в рассказе 20–19. При государе Сёму (в середине VIII в.) купец по имени Ивасима, житель города Нара, берет займы денег у крупного храма Дайандзи и отправляется в Цуругу за товарами. Обратный путь его лежит через края Ооми и Ямасиро; по дороге герой заболевает и вдобавок замечает за собой слезку. В Ямасиро у моста через реку Удзи ему удастся поговорить с преследователями. Это не люди, а демоны, они служат царю Эмма (санскр. Яма), вершащему суд над умершими. Пока герой не вернет деньги храму, его не могут вызвать на суд, иначе говоря – он не может умереть, хотя срок его

уже подошел. Демоны жалуются, что устали гоняться за Ивасимой из Нары к морю и обратно, тот делится с ними дорожными припасами, потом приглашает к себе в гости, щедро угощает и договаривается с ними, чтобы они якобы ошиблись – доставили на посмертный суд другого человека. Чтобы избавить демонов от наказания, Ивасима заказывает ради них прочесть «Алмазную сутру», долг храму так и не возвращает – и доживает до глубокой старости. О подобных ошибках служителей царя Эмма говорится в нескольких рассказах «Кондзяку» (9–32 и др.); о мостах как местах, где проще всего встретить демонов, также речь заходит не раз (16–32, 27–13, 27–14). Рассказ об Ивасиме через эти мотивы соотносится с историями, где действие происходит в Китае или в других краях Японии. Обратим внимание, однако, на мотивы богатства и угощения.

В «Кондзяку» встречаются сюжеты, общие для традиций многих народов. Один из них связан с Этидзэн (17–47). Мелкий чиновник, служащий здесь (уроженец соседнего края Кага), усердно молится богине Китидзё (санскр. Лакшми) о том, чтобы выбиться из нужды, и та сначала сама в образе прекрасной женщины приносит ему риса, а потом выдает расписку. С этой бумагой нужно подняться в горы и у тамошнего демона получить пропитание. Демон вручает бедняку мешок, в котором рис не тратится, сколько ни бери, и вскоре об этом узнает наместник края (здесь он по имени не назван). Дальше сюжет подобных историй может развиваться по-разному: хитростью или силой у бедняка отнимают сокровище, оно начинает вместо богатства приносить неприятности и т.д. В «Кондзяку» наместник честно выкупает мешок за огромное количество риса, надеясь со временем получить еще больше. Но выдав ровно столько, сколько было заплачено, мешок пустеет, наместник возвращает мешок бедняку, и неистрачиваемый рис появляется снова. В японских текстах эта история встречается в разных изводах (например, в «Рассказах, собранных в Удзи», «Удзи сю:и-моногатари», XIII в., рассказ 192), в ней меняются имена бедняка и демона, и даже помощником выступает другое божество, но привязка к краю Этидзэн сохраняется.

Наконец, в рассказе 26–17 соединяются мотивы, уже знакомые нам по предыдущим историям. Здесь снова бедный чиновник и его мечта – наесться досыта; правда, мечтает он о кон-

кретном кушанье – каше из батата. Здесь есть и поездка через несколько провинций, причем дорога выглядит особенно пугающей, ведь герой не понимает, куда его везут. Холод и попытка согреться; чудесный помощник (в этом случае – лисица-оборотень); и клич, брошенный окрестным жителям, и их совместные усилия по выполнению трудной задачи; и баснословно богатое пиршество – все это отсылает к другим рассказам «*Кондзяку*» о крае Этидзэн. Но главным благодетелем героя здесь выступает человек – знатный господин, и движет им не милосердие, а скорее желание развлечься. История эта стала одной из самых известных в «*Кондзяку*» благодаря тому, что ее пересказал писатель Акутагава Рюноске в рассказе «Бататовая каша» («*Имогаю*», 1916 г.); на русском языке рассказ Акутагавы публиковался не раз в переводе А.Н. Стругацкого. В приложении к нашей статье приведен перевод рассказа из «*Кондзяку*».

Итак, можно проследить единство мотивов в рассказах, объединенных не просто местом действия, но также и топонимом Этидзэн. В целом мотив нехватки/изобилия пищи в «*Кондзяку*» – один из частых, но преобладающим для всего собрания его назвать нельзя; в нашей выборке он звучит гораздо заметнее, чем в среднем по собранию. При этом каждый из рассмотренных рассказов на своем месте в структуре собрания соотнесен общей темой с соседними рассказами: в свитке 11-м это история передачи Закона Будды из Китая в Японию, в 14-м – чудеса «Лотосовой сутры», в 15-м – возрождение в Чистой земле, в 16-м – чудеса бодхисаттвы Каннон, в 17-м – чудеса разных бодхисаттв и богов, в 19-м – уход мирян в монахи, в 20-м – встречи с нечистой силой, в 24-м – человеческие таланты, включая поэтический, в 26-м – удивительное действие закона воздаяния, в 28-м – человеческая глупость. Но если по разным свиткам отобрать упоминания Этидзэн, то, как нам кажется, возможно вычленим связанные с этим краем людские нужды и пристрастия.

Такая закономерность, конечно, наблюдается не для всех провинций. Сравним рассказы о крае Этидзэн с рассказами о двух соседних краях – Эттю и Этиго.

Край Эттю упомянут в семи рассказах, всего 16 раз. Наместники Эттю появляются в трех историях. Рассказ 12–24 повествует о явлении одного из будд в образе вола; наместник приобретает его в Эттю, затем вол несколько раз пе-

реходит от одного хозяина к другому, а чудеса являет уже ближе к столице. В рассказе 15–45 наместник Эттю преданно читает «Лотосовую сутру» и возрождается на небесах. А в рассказе 31–28 мы встречаем уже знакомого нам стихотворца Фудзивара-но Тамэтоки, назначенного на сей раз руководить краем Эттю. Речь, однако, не о нем, а о его сыне, брате Мурасаки Сикибу; поехав в Эттю к месту службы отца, сын тяжело заболевает, монах пытается дать ему предсмертное наставление, но он не проникается мыслями о мирах будущего рождения, а слагает вместо этого песню о столице и о том, что пора в дорогу, – и, не дописав последней буквы, умирает. В этих трех рассказах едва ли можно выделить общие мотивы – за исключением того, что герои сознают, когда им пришло время умирать, и сообщают об этом: вол – в вешем сне, наместник и сын наместника – наяву.

Остальные истории об Эттю связаны с местом под названием Татияма (14–7, 14–8, 14–15, 17–27), на них приходится большая часть упоминаний, 10 из 16. «Среди гор широкая каменная долина, там во впадинах сотни и тысячи горячих источников бьют из глубоких ям. Хотя ямы и скрыты под скалами, пар вырывается с силой, бьет из-под скал, ворочает огромные камни. Все полно жаром, кто заходил туда и видел, говорят: очень страшно!.. С давних пор люди рассказывают: многие из жителей страны Японии, кто грешил, попадают в этот ад Татияма» (14–7). Странники, приходя в долину, встречают узников ада и узнают, как их выволить (14–7, 14–8, 17–27); также в этом страшном месте можно узнать о причинах своих трудностей, обусловленных законом воздаяния (14–15). Татияма – не единственное место в горах Японии, где, по преданиям, открывается вход в ад (или где расположена некая отдельная область ада); при высокой вулканической активности на Японских островах появление таких преданий ожидаемо. Рассказы о Татияме объединяет не общность мотивов на уровне построения рассказов, а традиция странствий по горам, к которой эти рассказы отсылают. В «*Кондзяку*» есть и другие примеры провинций, упоминаемых обычно (но не всегда) в связи с каким-то одним чтимым местом: такова Великая гора Хоки для края Хоки (14–18, 17–15). Любопытно, что самые знаменитые места не таковы: край Исэ упоминается не только в связи со святилищем Солнечной богини, а край Суруга – не только в связи с горой Фудзи.

Край Этиго упомянут также в семи рассказах, всего 13 раз. Один случай – все то же спасение жены писаря: среди участников был монах, как раз в ту пору оказавшийся в Этиго и ходивший оттуда в Эттю переписывать сутру; через этого монаха история стала известна в столице (14–8). Два других случая связаны с горой Кугами (12–1, 13–23). В древности на ней возвели храм и пагоду, бог-громовник несколько раз разрушал постройку ударом молнии, пока монах Дзинью (682–767) не усмирил его; бог навсегда защитил Кугами от молний и отворил на горе родник, чтобы монахам из храма не надо было носить воду издалека. Позже в этом храме другой подвижник читал «Лотосовую сутру», и ему служили неведомо откуда взявшиеся отроки, вполне добросовестные, но со страшными именами (на самом деле это были демоницы-ракшасы, чья помощь хранителю сутры предсказана в самом ее тексте). В рассказе 14–6 монах-отшельник в Этиго читает «Лотосовую сутру», и к его хижине приходят обезьяны. Задавая им вопросы и наблюдая за их поведением, отшельник решает: обезьяны хотят, чтобы он переписал сутру ради них. Он соглашается, и обезьяны начинают носить ему лесные плоды для пропитания и кору для изготовления бумаги (помощь диких зверей подвижнику также предсказана в сутре). Потом обезьяны погибают, и монах на время откладывает начатую работу. Много лет спустя в Этиго назначают нового наместника; он, к удивлению подчиненных, сразу по прибытии вместе с женой направляется в лес к отшельнику и сообщает: мы – те самые обезьяны, благодаря работе над сутрой мы смогли переродиться людьми (и, видимо, знатными, раз мужчина дослужился до высокой должности). Наместник снабжает монаха всем необходимым, чтобы переписать сутру до конца. Отметим здесь кармическую связь человека с тем местом, куда его назначают служить.

Как сообщается в рассказе 31–18, к берегам Этиго (но не соседних провинций) море иногда выносит корабрики, совсем как настоящие, со следами износа в морском походе, но очень маленькие, рассчитанные на карликов, и пустые, без моряков; откуда они приплывают, неизвестно. И еще в двух случаях Этиго служит прибежищем от властей неправедных. Жителей края Ното, ведших морской промысел, тамошний наместник обложил непомерными податями, и они бежали в Этиго (31–21). В свите

наместника края Митиноку состоял конюший, вполне справлялся с делами, но отчего-то господин его невзлюбил и бросил по дороге из столицы в Митиноку без средств к существованию (здесь можно усмотреть отсылку к самому началу собрания, к рассказам 1–4 и 1–5, где царевич Сиддхартха, уходя странствовать, расстается со своим верным колесничим; такая пародия на поступок Будды не предвещает благополучного исхода). Случайно конюший находит в ручье сосуд, принимает его за урну с прахом какого-то умершего, но обнаруживает внутри золотой песок. Конюший отправляется к наместнику Этиго, с которым был знаком раньше. Тот рад его принять, но и разочарован: он-то надеялся, что в Митиноку конюший разбогатеет и у него можно будет раздобыть золота, нужного, чтобы завершить отделку статуи будды Амиды (сияющее золото в «*Кондзяку*» прочно связано с образами Будды Шакьямуни и других будд, а о том, что именно золото из Митиноку лучше всего подходит для украшения храмовых изваяний, говорится в рассказе 11–13). «Золото есть!» – сообщает конюший, помогает наместнику Этиго исполнить его обет, благополучно служит при новом господине и даже находит случай поквитаться с прежним, когда тот возвращается из Митиноку (26–14). В случае Этиго единство мотивов нам представляется менее выраженным, чем для Этидзэн, и все-таки его можно проследить: не просто неожиданные пришельцы или находки, но еще и неоднозначные, польза/вред от которых поначалу неочевидны (или вовсе неизвестны, как в случае с корабриками). Однако все связанное с «Лотосовой сутрой», с золотом или со службой конюшего дает, на наш взгляд, более явные отсылки к рассказам, не имеющим отношения к Этиго.

Пройдет менее ста лет после составления «*Кондзяку*», и образ края Этидзэн начнет меняться – его известность по всей Японии начиная с XIII в. во многом будет определяться тем, что там после отъезда из столицы проповедовал дзэнский наставник Догэн (1200–1253), основатель традиции Сото-Дзэн (см.: [1]). Как и в других провинциях Японии, в Этидзэн местные традиции – как в области религий, так и в области словесности – оформятся к началу Нового времени (см.: [8; 9]). Но, на наш взгляд, для составления полной картины этих традиций материал «*Кондзяку*» и в целом рассказов *сэцува* весьма полезен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкова М.В. Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения. М.: Кругъ, 2016.
2. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей). Токио: Иванами, 1993–1999.
3. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей). URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html
4. Собрание стародавних повестей 今昔物語集, «Кондзяку моногатари-сю» в истории японской религиозно-философской мысли // Сайт Н.Н. Трубниковой. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1>
5. Родин С.А. Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 168–179.
6. Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: АСТ; Восток–Запад, 2005.
7. Суровень Д.А. Покорение земель северо-восточной Японии режимом Ямато (по материалам «Куни-но мяцую хонки» [«Реестра наместников провинций»]) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 3–15.
8. Tomohiro, Y., 2021. Literacy in early modern Echizen and Wakasa regions. In: Rubinger, R. ed., 2021. A social history of literacy in Japan. London; New York: Anthem Press, pp. 99–126.
9. Xiaolong Huang, 2021. Authority and competition: Shingon Buddhist monastic communities in medieval Japanese regional society. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 48, no. 1, pp. 103–123.

REFERENCES

1. Babkova, M.V., 2016. *Nastavnik sozertsaniya Dogen: zhizn' i sochineniya* [Dōgen

Zenji: life and written works]. Moskva: Krug. (in Russ.)

2. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 東京: 岩波書店, 1993–1999. (in Japanese)

10. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

11. Sobranie starodavnikh povestei 今昔物語集, «Kondzyaku monogatari-syu» v istorii yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli [Konjaku Monogatari-shū in the history of Japanese religious and philosophical thought]. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx>

12. Rodin, S.A., 2020. Predstavleniya o vliyani prirodnkh uslovii sredy obitaniya na formirovanie kharaktera cheloveka v Yaponii: analiz soderzhaniya i bytovaniya tekstov «Dzinkokuki» i «Sin dzinkokuki» [Conceptualizations of natural habitats' influence on the formation of the people's character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* texts' and studies' analysis], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 168–179. (in Russ.)

13. Simonova-Gudzenko, E.K., 2005. Yaponiya VII–IX vekov. Formy opisaniya prostranstva i ikh istoricheskaya interpretatsiya [Japan in the VIIth–IXth centuries. Forms of the description of space and their historical interpretation]. Moskva: AST; Vostok–Zapad. (in Russ.)

14. Suroven', D.A., 2011. Pokorenie zemel' severo-vostochnoi Yaponii rezhimom Yamato [The conquest of northeastern lands of Japan by the Yamato regime], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)

15. Tomohiro, Y., 2021. Literacy in early modern Echizen and Wakasa regions. In: Rubinger, R. ed., 2021. A social history of literacy in Japan. London; New York: Anthem Press, pp. 99–126.

16. Xiaolong Huang, 2021. Authority and competition: Shingon Buddhist monastic communities in medieval Japanese regional society. *Japanese Journal of Religious Studies*, Vol. 48, no. 1, pp. 103–123.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ТОСИХИТО В МОЛОДОСТИ ЕЗДИЛ С ЧИНОВНИКОМ ПЯТОГО РАНГА ИЗ СТОЛИЦЫ В ЦУРУГУ

Перевод и комментарии М.В. Бабковой

В стародавние времена, когда человек по имени Главногокомандующий Тосихито был еще молод, его называли [...]⁴. Тогда он состоял на службе у одного очень знатного господина⁵ и выполнял свои обязанности с большим усердием. В краю Этидзэн у него был тесть по имени [...]–но Арихито, богатый и уважаемый человек, и Тосихито часто бывал в тех местах.

Как-то на Новый год в доме господина устроили пир. В те времена объедки после больших пиров забирали люди, которых звали подъедателями⁶, но сюда вход им был запрещен, и вместо них остатки доедали приближенные. Среди них был один чиновник пятого ранга⁷, служивший уже очень много лет и тем заработавший себе почет. И вот этот чиновник вместе с другой челядью уселся доедать остатки от пирушки. Он ел бататовую кашу, причмокивал и говорил:

– Ах, вот бы наесться бататовой каши досыта!

Тосихито услышал его слова и спросил:

– Так значит, до сих пор тебе не приходилось досыта наесться бататовой кашей?

– Нет, пока не случалось, – ответил чиновник

А Тосихито на это сказал:

– Что ж, надо бы как-нибудь тебя накормить.

– О, почел бы за великое счастье!

Поговорили так и разошлись.

Через несколько дней Тосихито пришел туда, где тот чиновник жил и нес службу, и сказал ему:

– Изволь же, едем со мной. Близ Арасиямы уже кипятят воду.

⁴ Здесь и далее многоточия в квадратных скобках обозначают пропуски в сохранившемся тексте «Кондзюку».

⁵ Речь идет о регенте сэссё: или канцлере кампаку, скорее всего, о Фудзивара-но Мотоцунэ (канцлер в 876–880 гг.).

⁶ 取食 (торибами) – «берущие еду», «подъедатели».

⁷ Самый низкий чин из всех присутствующих.

Чиновник отвечает:

– С превеликим удовольствием. Вчера ночью я весь исчесался, так что и уснуть не мог. Только вот ехать мне не на чем.

Тосихито на это отвечал, что лошадь уже приготовлена. Тогда чиновник воскликнул: «Ах, как хорошо!» Поверх двух тонких халатов он нацепил на себя грязно-голубой охотничий наряд – сползающую с плеч куртку и продранные снизу шаровары без нижних штанов. Вздернутый нос с покрасневшим кончиком и целое болото под носом, как будто он вообще никогда не вытирал соплей, – вот как он выглядел. Сзади куртка у него скомкалась: хоть он и заправил ее за пояс, да получилось криво. В общем, выглядел чиновник весьма причудливо. Но Тосихито пропустил его вперед, они сели на коней и отправились вверх по реке Камо-гаве. У чиновника не было даже захудалого мальчишки, а за Тосихито ехали двое – оруженосец и слуга.

И вот, когда они добрались до истока реки Камо и приближались к проходу Аватагути, чиновник спросил: «Куда мы едем?» Тосихито на это ответил: «Уже близко!» И так они миновали Ямасину. Чиновник подивился:

– Близко, говорите, а Ямасину проехали!

Тосихито ответил:

– Да вон туда! – и проехал теперь Сэкияму.

Наконец они прибыли туда, где жил знаемец Тосихито, монах из храма Миидэра.

Чиновник сказал себе: «Так вот, значит, где кипят воду. Это ж надо было забраться в такую даль!» Монах-хозяин вышел им навстречу, но сказал, что не ждал гостей, и стал хлопотать по хозяйству. Горячей водой тут, похоже, и не пахло. Чиновник спросил: «А где же вода?» – на что Тосихито ответил:

– Вообще-то мы едем в Цуругу.

Чиновник запричитал:

– Ах, что за странная мысль пришла господину! Если бы вы сказали мне об этом в столи-

це, я бы взял с собой прислугу. Как же я могу ехать так далеко совсем без слуг! Как печально!

Тосихито расхохотался и произнес:

– Ты едешь со мной, а значит, считай, у тебя тысяча слуг.

И он был прав.

Они поели и поспешили дальше. А Тосихито теперь закинул за спину свой колчан.

По пути в месте Мицунохама они заметили лисицу. Увидав ее, Тосихито воскликнул: «Вот кто нам пригодится!» Догнал лисицу и схватил ее. Та пыталась было выскользнуть из его рук и сбежать, но Тосихито с бранью привязал ее за задние лапы к сбруе своего коня, чтобы никуда не делась.

Конь Тосихито, хоть и выглядел вполне обычным, оказался таким быстрым, что нагнал лисицу. Когда чиновник прискакал туда, где Тосихито поймал зверя, он услышал, как тот говорит:

– Ты, лисица, отправляйся-ка в Цуругу, в дом к Тосихито, и скажи там, что хозяин едет и гостя везет. Завтра в час Змеи⁸ пусть оседлают двух лошадей да приезжают с ними вместе к Такасиму [встречать нас]. И только попробуй не передать то, что я сказал! Ты ведь лисица-оборотень, а значит уже сегодня непременно там будешь.

Сказал так и выпустил лису. Чиновник говорит:

– Вот это посланец у господина!

А Тосихито отвечает:

– Поглядим. Не может быть, чтобы не передала.

Лисица же и вправду бежала по дороге впереди них, все оглядываясь, пока не исчезла из виду.

Путники скакали всю ночь и добрались до места уже на рассвете. А в час Змеи они действительно увидели впереди в 20–30 дзэ⁹ всадников, скачущих в их сторону.

– Это к нам, – сказал Тосихито, завидев их. – Значит, лисица вчера добежала и передала им, чтобы встречали.

Чиновник только и сказал: «Вот это да!»

Всадники подъезжали все ближе и ближе, и вот уже один из них спешил и сказал:

– Смотрите! И правда, вон господин.

Тосихито заулыбался во весь рот:

– Что такое?

И тогда старший всадник выступил вперед, а Тосихито опять спросил:

– Вы приготовили лошадей?

– Двух, господин, – ответил тот, достал из запасов еду, и путники прямо там же сели перекусить.

Пока они ели, старший сказал:

– Вчера вечером у нас такое произошло – чудеса, да и только.

Тосихито спросил:

– А что случилось?

И старший рассказал:

– Вчера вечером, около часа Пса¹⁰, у нашей госпожи вдруг заболело в груди. Никто не мог понять, что с ней, и тут она как заговорит: «Я – [...]. Я ничего дурного вам не сделаю. Днем я была на побережье Мицу, а мне навстречу из столицы ехал зять вашего господина. Я хотела было сбежать, но он догнал меня, схватил и велел мне бежать скорей сюда и передать вам, чтобы приготовились встречать господина и его гостя и завтра в час Змеи отправили людей с двумя оседланными лошадьми в Такасиму, ему навстречу. Еще господин сказал, что если я сегодня же не передам его слова, мне придется плохо. Так он сказал. Немедленно сделайте все, как он велел, иначе господин накажет меня за обман». Так говорила наша госпожа, а сама все дрожала и никак не могла успокоиться. «Ну хорошо, это ведь не сложно», – решил тогда наш господин [Арихито], отдал нужные распоряжения, и только после этого госпожа наконец пришла в себя. Ну а после уже мы встали пораньше и поехали [вас встречать].

Выслушав его, Тосихито опять заулыбался и переглянулся с чиновником, а тот подумал про себя: «Удивительно!»

После еды поспешили в путь и засветло успели добраться до дому. Поднялся переполох, по всему дому раздавались крики: «Смотрите, так и есть, [приехали]!» Чиновник слез с лошади и оглядел роскошный дом, стоявший перед ним. Хоть на чиновнике и были два халата, да сверху еще ночной плащ, который ему дал Тосихито, он продрог до костей. Но тут внесли длинную жаровню, [...] горячих углей, расстелили множество циновок и подали изысканно нарезанные фрукты и прочие лакомства. Да еще со словами: «Вы, наверное, замерзли в дороге!» Чиновнику на плечи накинули целых три светло-желтых халата из плотной ткани, так что он почувствовал себя полностью счастливым.

После еды, когда стало потише, пришел господин Арихито и сказал зятю:

⁸ С 9 до 11 утра.

⁹ 60–90 м.

¹⁰ С 7 до 9 вечера.

– Ты так неожиданно приехал, и это невероятное послание, да еще супруга твоя занемогла – так нехорошо вышло.

Тосихито рассмеялся и ответил:

– Да мне просто захотелось посмотреть, что будет. А ведь получилось: лисица вправду прибежала и передала послание.

Тесть в ответ усмехнулся: «Чудеса!» И продолжал:

– Так этот господин и есть тот гость, о котором ты предупреждал?

Тосихито ответил:

– Он самый. Как-то мы с ним обсуждали то, что ему никогда раньше не приходилось досыта наестся бататовой каши, и я обещал его накормить, вот мы и приехали.

Тогда хозяин дома обратился к чиновнику:

– Неужели никогда не приходилось? А ведь какая простая еда!

Чиновник на это отвечал:

– Да вот, господин сказал, в Арасияме греют воду, я собрался [помыться], а он привез меня сюда.

Так они шутили да болтали до поздней ночи, а потом хозяин удалился к себе в покои.

Чиновник тоже отправился спать. Постель ему приготовили с ватным одеялом в 4–5 сун¹¹ толщиной. В его истершихся грязных халатах, похоже, кто-то завелся, то тут, то там у него чесалось, так что чиновник скинул все, что на нем было, надел на себя все три новых халата, улегся и попытался уснуть, но ему не спалось. Не привык он к теплу, лежал да потел – и тут почуял, что к нему кто-то придвинулся. «Ты кто?» – спросил чиновник, а женский голос ему отвечал: «Меня прислали растереть вам ноги».

Голос был совсем не противным, и чиновник, отыскав место, куда задувал ветерок, улегся там вместе с женщиной.

Тут со двора донеслись голоса. «Это еще что?» – спросил чиновник и услышал, как кто-то распоряжается: «Эй, мужичье, слушайте меня внимательно. Завтра в час Зайца¹² каждый из вас должен принести по батату в 5 сяку длиной и в 3 сун толщиной!¹³

«Что за странный приказ!» – подумал чиновник и вскоре уснул.

На рассвете чиновник услышал, как в саду расстилают циновки. «Что бы все это значило?» – гадал он. Поднял занавеси, опущенные

на ночь, и увидел четыре или пять длинных циновок. Пока он соображал, зачем бы они могли понадобиться, какой-то малый из простых принес и положил на циновки что-то похожее на бревно. Чиновник увидал, как за ним следом потянулись другие, и каждый действительно клал на циновки батат длиной в 5 сяку и толщиной в 3 сун. К часу Змеи мужики уложили на циновках гору батата величиной с комнату. Теперь чиновник понял, что человек, которого он слышал ночью, обращался к окрестным жителям. Говорил он с холма, который так и назывался – Приказным. И это только те, до кого удалось докричаться, натаскали столько батата! Что же было бы, если бы приказали и тем, кто живет подальше?!

Чиновник смотрел да дивился, а на двор тем временем притащили пять или шесть огромных котлов, каждый из них мог вместить 5 коку¹⁴, вбили в землю колья и установили на них эти котлы. «Ничего себе!» – думал, глядя на них, чиновник. Тут появились миловидные девушки-служанки. Все они были одеты в белое и подпоясаны под грудью широкими поясами. В руках у них были новенькие белые ведерки, полные воды. Пока чиновник соображал, зачем они выливают воду в котлы и что собираются варить, он увидел, что в воду добавили сладкий сироп *амадзура*. В это время подошло больше десятка молодых мужчин. Они засучили рукава и принялись тонкими ножами чистить бататы и нарезать их соломкой. Тут только до чиновника наконец дошло, что они собираются варить бататовую кашу. Только вот совсем у чиновника душа не лежала к тому, чтобы ее есть. Наоборот, он почувствовал отвращение.

Бататовая каша побулькивала на огне, и вот кто-то сказал: «Готово!»

– Ну так подавайте, – прозвучало в ответ.

Слуги взяли серебряный черпак объемом в целый *то*¹⁵, навалили три или четыре таких черпака каши в огромную глиняную миску и поставили ее перед чиновником. Не осилив и первой миски, чиновник сказал:

– Благодарю, я уже сыт.

Но сборище только расхохоталось.

– Вот спасибо гостю, поедем теперь бататовой каши, – перешучивались они.

И тут люди заметили, что из-под навеса крыши у дома напротив выглядывает лисица.

¹¹ Около 15 см.

¹² С 5 до 7 утра.

¹³ 1,5 м на 9 см.

¹⁴ 900 л.

¹⁵ 10,35 л.

– Смотрите, та самая лисица пришла на нас поглядеть! – сказал Тосихито. – Ну-ка накормите ее!

Лисица съела все, что ей дали, и убежала.

А чиновник прожил в том доме еще целый месяц и рад был безмерно.

Когда же они двинулись обратно в столицу, Тосихито подарил ему на прощание кожаные мешки, в которые уложили несколько нижних платьев, да еще шелковых: узорчатых, тонких,

и толстых, подбитых ватой. И еще те накидки, которые ему прежде достались. Да к тому же Тосихито подарил чиновнику лошадь с седлом и много чего еще, так что тот вернулся в столицу богатым человеком.

И правда, подобные вещи случаются с людьми, которые долго служили на одном месте и тем обрели известность. Так передают этот рассказ.

Д.Д. Романчев*

ПОСЛАНИЯ ЭНОМОТО ТАКЭАКИ
КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА «РЕСПУБЛИКИ ЭДЗО»

Статья посвящена малоизученному в мировой и отечественной историографии сюжету – войне Босин (1868–1869 гг.) и феномену Республики Эдзо. С целью раскрытия причины конфликта и обстоятельств возникновения Республики автор обращается к анализу посланий, которые составлял ее лидер – Эномото Такэаки (1836–1908), и приходит к выводу, что основной причиной похода Эномото Такэаки и верных ему людей на остров Эдзо стало опасение за экономическую безопасность вассалов Токугава.

Ключевые слова: история Японии, реставрация Мэйдзи, Республика Эдзо, Эномото Такэаки, война Босин

The messages of Enomoto Takeaki as a key to understanding the phenomenon of the Republic of Ezo. DANILA D. ROMANCHEV (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The article deals with a subject little studied in foreign and Russian historiography – Boshin War (1868–1869) and the phenomenon of the Republic of Ezo. In order to reveal the cause of the conflict and the circumstances in which the Republic emerged, the author turns to the analysis of the messages written by its leader, Enomoto Takeaki (1836–1908), and comes to the conclusion that his campaign on Ezo Island was mainly driven by the fear for the economic security of Tokugawa vassals.

Keywords: Japanese history, Meiji Restoration, Republic of Ezo, Enomoto Takeaki, Boshin War

Республика Эдзо – одно из темных пятен японской истории середины XIX в. Иначе ее называют «Республика Хоккайдо», «правительство Эдзо», «правительство Хакодате». Недолговечное военно-политическое образование, возникшее на заключительном этапе гражданской войны Босин¹, «Республика» успела об-

расти множеством мифов и заблуждений, что можно объяснить как недостатком документальных данных, так и малой изученностью в отечественной историографии имеющихся документов.

Причины похода разношерстной армии вассалов бывшего сёгуната Токугава, которая покинула родные земли и прибыла на далекую

¹ Война Босин (*Босин сэнсо:*) – военный конфликт 1868–1869 гг. между лоялистами бывшего сёгуната Токугава и сторонниками реставрации Мэйдзи. Разделение на противников и сторонников реставрации

в данном случае условно, ибо и те, и другие выступали за почитание императора, но по-разному видели будущее политическое устройство страны.

* РОМАНЧЕВ Данила Дмитриевич, аспирант, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

E-mail: nickname210366@gmail.com

© Романчев Д.Д., 2024

окраину японского государства – остров Эдзо (ныне Хоккайдо), который в тот период даже не считался полноценной частью Японии, могут быть поняты через изучение посланий² Эномото Такэаки (1836–1908), лидера Республики [3; 4; 6; 7; 8].

К 1868 г. сёгунат Токугава уже пятнадцать лет пребывает в остром экономическом и политическом кризисе, который был вызван множеством причин, в частности – насильственным открытием страны американской военной эскадрой в 1854 г. Данный период в историографии принято называть *Бакумацу*, «конец сёгуната». К 1868 г. противоречия внутри страны привели к открытому конфликту между лоялистами Токугава и сторонниками коренных перемен, которые выступали под знаменем реставрации прямого императорского правления. Гражданская война, первые очаги которой начали вспыхивать в 1863 г., перешла в 1868 г. в горячую фазу. Политический кризис и смерть лояльного сёгуната императора Комэй в 1867 г. принудили сёгуна Токугава Ёсинобу добровольно отказаться от политической власти. Изначально Ёсинобу планировал интегрироваться в новую политическую систему, которая предполагала бы более широкое сословное представительство и в которой род Токугава сохранял бы лидирующую роль [9, р. 283]. Однако оппозиция продолжила оказывать давление на представителей рода Токугава, принуждая их к возврату уже не просто формальной власти, но и всех земель – источника могущества рода. 3 января 1868 г. в Киото произошел, по сути, государственный переворот³, и новое правительство из представителей радикально настроенной оппозиции заняло жесткую позицию в отношении судьбы рода Токугава.

² В японских работах послания Эномото Такэаки приведены на современном японском языке, однако мы считаем, что это не искажает их изначального смысла.

³ Членами радикальной оппозиции в стенах дворца в Киото был создан совет, на котором был обнародован «Указ о реставрации императорского правления». Он ликвидировал сёгунат и учредил новое правительство во главе с императором. Совет был создан вопреки изначальным планам организовать его 4 января. Кроме того, взявшие императорский дворец под охрану члены радикальной партии не пустили на него сторонников умеренного курса, который предполагал включение рода Токугава в политическую структуру.

Боевые действия разразились в январе 1868 г. в районе Тоба-Фусими, на подходах к Киото, когда лояльные бывшему сёгуну отряды пытались прибыть в город, чтобы укрепить позиции Токугава в мятежной столице и ее окрестностях. После во многом случайного поражения и последовавшей добровольной капитуляции Токугава Ёсинобу перед войсками нового правительства боевые действия продолжились уже на востоке Японии, где противники новой власти отчаянно сражались в битве при замке Уцуномия в мае, в сражениях за Уэно в июле и за Айдзу в октябре-ноябре 1868 г., пока вся восточная Япония не пала под ударами армии нового правительства. Капитуляция верхушки сёгуната на начальном этапе войны ввергла вертикаль командования слабоуправляемой феодалской армии в хаос, предрешив исход битвы за остров Хонсю.

Именно в это время на сцену выходит Эномото Такэаки. Его семья хотя и не отличалась особой родовитостью, имела статус прямых вассалов рода Токугава, что позволило Такэаки получить хорошее образование. Его успехи в изучении «голландских наук» (*рангаку*)⁴ позволили ему одним из немногих отправиться на обучение в Голландию, где он провел несколько лет, наблюдая за строительством нового флагмана флота сёгуната – «Кайё-мару». Попутно Такэаки смог посетить несколько европейских столиц [4, р. 123–125], а также стал свидетелем войны между Данией и Пруссией⁵ 1864 г., получив таким образом знания о современной военной науке. По возвращении в Японию Такэаки стал заместителем министра военно-морского флота сёгуната (*кайгун фукусосай*) и капитаном судна «Кайё-мару». В этом качестве он участвовал в морском бою против кораблей Сацума в заливе Ава в январе 1868 г. После капитуляции Токугава Ёсинобу Такэаки, собрав оставшихся людей и казну из замка Осака, отправился в Эдо, где ожидал прибытия войск нового правительства. Такэаки был одним из немногих вы-

⁴ Собираемый термин для обозначения тех знаний, которые страна получала с Запада, в основном на голландском языке через торговую миссию в Нагасаки. После расширения контактов Японии со странами Запада термин трансформируется в *ёгаку* («западная наука»).

⁵ Конфликт между Данией и Пруссией совместно с Австрией за Шлезвиг и Гольштейн, одна из первых войн за объединение Германии, шла с февраля по октябрь 1864 г.

сокопоставленных офицеров Токугава, сохранявших желание сражаться, но первое время следовавших воле своего господина, который решил отказаться от сопротивления.

Рассмотрим первое послание Такэаки, составленное летом 1868 г., после сдачи замка Эдо⁶. Выражая обеспокоенность шаткой позицией рода Токугава, он пишет: «Мы просим, чтобы, как только будет избран преемник рода Токугава, замок Эдо был передан под управление Токугава Камэносукэ⁷ ... Дабы уважить военных и их оружие, мы просим, чтобы последнее было сохранено при нас до тех пор, пока Его Величество не восстановит род Токугава, а вопросы земель и доходов не будут урегулированы при сохранении *соответствующих пропорций* (выделено нами. – прим. авт.), а оставшееся было бы возвращено». Подписался Такэаки так: «Вся армия и флот» [8, р. 203–204].

Сразу же бросается в глаза, что Такэаки в первую очередь настаивал на справедливом обращении с имуществом Токугава. Что он понимает под «соответствующими пропорциями»? Дело в том, что число вассалов Токугава в тот период начитывало около 300 000 человек, а доходность земель Токугава и самых близких вассалов составляла примерно 8 000 000 коку риса в год⁸ (если вычесть земли прямых вассалов, то доход земель Токугава составлял 4 000 000). Такэаки просит, чтобы Токугава оставили достаточное количество земли, чтобы прокормить этих людей [5]. Для сравнения: самым богатым *хан*⁹ Японии в 1850-х – 1860-х гг.

⁶ В июле 1868 г. замок Эдо по договоренности между двумя сторонами был без боя сдан новому правительству. Недовольные лоялисты старого порядка оставались в городе, что привело к битве при Уэно 4 июля 1868 г.

⁷ К тому времени Токугава Ёсинобу ушел с позиции главы рода и им стал Таясу Камэносукэ (1863–1940), приемный сын Ёсинобу, принявший имя Токугава Иэсато.

⁸ Доходность в коку риса, или *кокудака*, являлась в период Токугава главным параметром оценки земельного участка, так как экономика страны строилась именно на выращивании риса, которым, в частности, выплачивались жалования. 1 коку примерно равен 180,39 л. Различались *омотэдака* и *утидака*, где первое – номинальная доходность той или иной земли, а второе – фактическая сумма налогового дохода. Мы используем данные *омотэдака*, так как именно они фигурируют в документах.

⁹ Феодалное владение, домен, административная единица сёгуната Токугава.

считался Кага-хан, доходность которого составляла 1 000 000 коку, а следом шел Сацума-хан с 700 000 коку.

Тем не менее, люди нового правительства были настроены решительно, и когда был отдан приказ сдать корабли флота сёгуната, которые находились под командованием Такэаки, он не подчинился и отвел флот из порта Синагава на юг современной префектуры Тиба, в район Ава (не следует путать с провинцией Ава на западе страны), оправдывая это в новом послании: «Имею честь сообщить Вам, что причина, по которой суда Токугава покинули якорную стоянку сегодня утром, заключается в следующем: несколькими днями ранее армия и флот направили ходатайство на имя министра. Хотя весь флот все еще находился в состоянии подозрений и беспокойства по поводу приказа о сдаче военных кораблей, наш сёгун Кэйки [Ёсинобу] послал на стоянку Синагава высокопоставленного офицера, чтобы сообщить, что все корабли должны быть сданы, а нам не следует ждать ответа главнокомандующего. Сей приказ очень задел нас всех: поскольку любой проступок будет прямо противоречить желаниям нашего господина Кэйки, а также станет непростительным в глазах императорского двора, мы отошли к побережью Ава и Кадзуса, чтобы успокоить наши чувства и дожидаться приказа главнокомандующего. Мы сделали это не для того, чтобы скрыться и в выгодном положении следить за тем, что может произойти, и потому надеемся, что офицеры императорского флота не будут подозревать нас в дурных намерениях» [8, р. 204–205].

Такэаки на тот момент удалось уговорить следовать воле бывшего сёгуна и в том же месяце он сдал новому правительству корабли «Фудзияма-мару», «Тёё-мару», «Сё:каку-мару» и «Канко:-мару» (это были в большинстве своем транспортные суда), однако оставил под своим контролем остальные корабли, в том числе «Кайё:-мару». По-видимому, Эномото Такэаки все еще колебался между следованием воле Токугава Ёсинобу и присоединением к сопротивлению новому правительству.

Последней каплей в чаше терпения Эномото Такэаки и его людей послужили меры против рода Токугава: 13 июля 1868 г. был издан указ, который урезал доходы рода Токугава до 700 000 коку, а взамен даровались земли провинции Суруга¹⁰ [10, р. 44]. Токугава Иэсато, но-

¹⁰ Современная префектура Сидзуока, родовые земли рода Токугава.

вый глава рода, вместе с Токугава Ёсинобу был помещен под домашний арест в новосозданном домене Сидзуока-хан. Достаточно крупная сумма дохода в сравнении с другими феодальными владениями Японии в 700 000 *коку* была, тем не менее, ничтожно мала по сравнению с 8 000 000 и даже 4 000 0000. Вассалы Токугава были разгневаны таким решением. Оно означало, что большей их части придется искать иные способы прокормить себя.

В этот момент Эномото Такэаки на словах еще выражал покорность, но на деле оказывал разнообразную поддержку воюющим против новой власти. В августе он неоднократно встречался с представителями Северного союза¹¹, который сопротивлялся новому правительству. 30 сентября 1868 г. переезд рода Токугава в Сидзуока-хан был завершен, Такэаки лично перевез туда бывшего сёгуна. 4 октября 1868 г. Такэаки вместе с другими бывшими вассалами сёгуна на кораблях «Кайё:», «Кайтэн», «Банрю:», «Тиёдагата», «Синсоку», «Микахо», «Канрин» и «Тё:гэй» выдвинулся из Эдо, направляясь на подмогу Северному союзу в город Сэндай. На борту было в общей сложности более 2 000 человек, а также французские военные советники, пожелавшие примкнуть к повстанцам [7, р. 229–231].

Уходя, Эномото Такэаки передал Кацу Кайсю¹² послание для императорского двора – «прокламацию», *гэкибун*: «Восстановление монаршего правления – радость для всей Империи, и мы также возлагаем на него большие надежды. Однако нынешняя форма правления, хотя она и зовется величайшей справедливостью, на деле не такова. Монаршие воины маршируют на Восток и клеветуют на нашего обездоленного господина, клеймя его врагом трона. ... Это

¹¹ Условное обозначение доменов северо-восточной Японии, которые решительно выступили против политики нового правительства, оказав вооруженное сопротивление. Несмотря на размеры и, в теории, внушительную военную силу, из-за несогласованности действий и устаревшего военно-технического оснащения Северный союз потерпел поражение в войне и капитулировал в октябре-ноябре 1868 г.

¹² Кацу Кайсю (Кацу Ава, 1823–1899) – деятель морского флота и сторонник заимствования западных знаний, возглавил первую японскую делегацию в иностранное государство (США) на борту корабля «Канрин-мару». Несмотря на критику сёгуната, до конца оставался верен Токугава, в частности вел переговоры о сдаче замка Эдо, выступая за сохранение жизни Токугава Ёсинобу.

всего лишь стремления могущественных *хан*, а совсем не подлинное монаршее правление. ... Посему мы вынуждены надолго покинуть эти земли (регион Канто. – *прим. авт.*), дабы устроить основы для единения и гармонии во благо нашей Империи. Это единственное, что можно сделать, дабы сохранить кодекс чести воинов всех провинций, смыть дурные привычки сотен лет праздности, воодушевиться, помочь Империи противостоять на равных условиях всем странам мира» [6, р. 101–102].

Можно сделать вывод, что Эномото Такэаки приветствовал реставрацию Мэйдзи, что само по себе ясно и логично. Периоду политической нестабильности *Бакумацу* в целом свойствен парадокс, в рамках которого и оппозиция, и сёгунат в определенные периоды выступали как за изгнание иностранцев и почитание императора, так и за заимствование западных знаний. Для всех император был авторитетной и даже священной фигурой. Целенаправленно делать его и двор своими врагами никогда не было в интересах *бакуфу*. Более того, именно попытки угодить двору в конечном счете лишили сёгунат того влияния, которое он имел весь период Эдо. Фигура японского императора выступала тем полюсом, вокруг которого в итоге удалось объединить японское общество, что стало важным этапом в становлении японской политической нации.

Однако здесь же Эномото обвиняет новое правительство в том, что все произошедшее – лишь ширма для передела собственности, захвата власти и земель его господина. Для сторонников Токугава реставрация Мэйдзи – незаконный военный переворот, который по-японски так и называется – *ку:дэ́та* (от фр. *coup d'état*).

В ходе дальнейшего развития событий силы Эномото Такэаки прибыли на остров Эдзо и достаточно быстро заняли его. Выбор Эномото не случайно пал на Эдзо: в молодости он участвовал в экспедиции на северные окраины острова и, вероятно, уже тогда осознал потенциал региона [2, р. 1–4]. Предварительно Такэаки отправил властям острова очередное послание, в котором заверял их в своих мирных намерениях и предлагал не сопротивляться, однако посланники были атакованы и убиты.

После эвакуации немногочисленных сил нового правительства главным оплотом власти Такэаки на острове стал захваченный лоялистами город Хакодатэ – один из портов, от-

крытых для иностранной торговли договорами 1850-х гг.¹³. Этот город, который выступал прекрасной естественной гаванью, находился в тот период под прямой властью сёгуната, а затем и нового правительства и активно развивался в 1850-е – 1860-е гг. После взятия города-замка Мацумаэ¹⁴, последнего оплота нового правительства, 20 декабря 1868 г. Такэаки передал уполномоченным нового правительства очередное послание. Он оправдывал свои силовые действия на острове так: «Поскольку власти Хакодатэ и Мацумаэ-хан внезапно напали на нас, не услышав наше воззвание о том, что мы идем на север для его защиты, не имея другого выхода, мы вынуждены были обороняться. Люди Мацумаэ действовали жестко, поджигая дома простых людей, поэтому мы изгнали их из замка и спасли людей» [1].

Захватив Хакодатэ, Такэаки сразу же обратился к иностранным купцам и сотрудникам дипломатических миссий: «Слуги Императора сильно урезали доходы Токугава, поэтому большая часть вынуждена отказаться от своих двух мечей¹⁵, чтобы стать торговцами и земледельцами. Однако все герои армии и флота Токугава не могут признать такого позора. Мы также, будучи слугами императора, способны править крестьянами и торговцами и оберегать их [сословные привилегии] ... Военные суда Токугава будут заходить в порт Хакодатэ, однако мы ни за что не станем стрелять по городу. ... Внутренняя смута вынудила нас покинуть регион Канто, где жили наши предки. Эдзо станет новым владением Токугава. И Император обязательно осознает, что здесь мы трудимся и ради своих интересов, и на благо всей Японии» [7, р. 238–241].

Во-первых, Эномото Такэаки утверждает, что будет выполнять все обязательства по обе-

¹³ Имеются в виду Канагавский договор 1854 г. (и копирующие его), а также Ансэйские договоры – серия неравноправных торговых договоров, которые Япония была вынуждена заключить с западными странами в 1858 г. (пятый год эры Ансэй).

¹⁴ Род Мацумаэ управлял доменом Мацумаэ-хан, который занимал южную оконечность полуострова Осима на Эдзо. Это было единственное японское владение на Эдзо в тот период, не считая земли под прямым управлением сёгуната. Япония контролировала малую часть Хоккайдо, которая называлась *вадзин-ти* – «земля японцев», тогда как остальная часть именовалась *эдзо-ти* – «земля эдзо» (под эдзо в данном случае понимается народ айну).

¹⁵ Знак принадлежности к самурайскому сословию.

спечению безопасности иностранных граждан, желая, чтобы торговля продолжалась. Во-вторых, здесь мы видим, что Такэаки и его люди ассоциируют себя с японским государством, а также выражают покорность императору. Однако они, как и прочие лоялисты Токугава, считали, что люди Сацума и Тёсю (костяк оппозиции) держат императора в заложниках, реализуя через него свои планы по уничтожению Токугава, чего пытается не допустить Такэаки. На острове он организовал так называемую Республику Эдзо, которая фактически являлась просто военной администрацией. Во главе нее встал он сам в должности *со:сай*, «главы». Дискуссия о сущности самой Республики видится нам здесь неуместной: главной задачей исследования является выяснение причин возникновения Республики Эдзо с опорой на достоверные источники. Скажем лишь, что распространенное мнение о ней, как о попытке отделиться от Японии и создать республику в современном смысле слова, скорее ошибочно, что видно по посланиям Такэаки. Название «Республика» и обозначение самого Такэаки как «президента» появляются позднее, а термин «*со:сай*» на деле имеет множество значений. Например, должность министра флота в последние годы сёгуната Токугава именовалась *кайгун-со:сай*, а министра армии – *рикугун-со:сай*. Вопрос о якобы первых демократических выборах в Японии, по итогам которых Эномото Такэаки занял данный пост, также является дискуссионным. Здесь мы все же имеем дело с прямой военной демократией (в выборах участвовали только офицеры), которая скорее похожа на то, как казачий круг выбирает себе атамана.

14 января 1869 г. Такэаки через корабли Великобритании и Франции, которые прибыли в Хакодатэ для выяснения обстановки, отправил новому правительству очередное послание – «Ходатайство Эномото Такэаки и его сторонников». В этом достаточно длинном тексте он подробно объясняет свой замысел: «После падения рода нашего господина Ваши меры по спасению рода от голодной смерти были замечены нами, и наша благодарность выше, чем горы, и глубже, чем океан. Однако число вассалов Токугава за более чем два века увеличилось до 300 000 человек, и доход в 700 000 коку, который вы установили для нашего господина, недостаточен чтобы их прокормить. ... Мужчины с сердцами самураев не могут стать земледельцами или купцами, так что, похоже,

нам остается только голодать. Однако, принимая во внимание неразвитость острова Эдзо, мы сочли, что нам лучше переместиться сюда, дабы, перенося всяческие тяготы, мы сровняли крутые горы, возделали пустоши, нашли бы применение оставшимся ныне без дела людям в полезной работе и таким образом смогли получить самую малость Вашей благосклонности. ... Соответственно, ранее мы со слезами на глазах просили Вас, чтобы мы могли получить сей великий дар, но, получив отказ, мы сочли, что 300 000 наших людей будут обречены на голод. По этим причинам мы отплыли из порта Синагава в десятом месяце прошлого года¹⁶, и прибыли сюда (на Эдзо. – прим. авт.), дабы поддерживать друг друга в освоении этого региона и защищать северные границы» [8, р. 240–241]. Такэаки оправдывался перед императором: «Когда мы обратились к Симидзутани Дзиндзю¹⁷, он нас не послушал, а просто увидел в нас банду разбойников и атаковал. Люди Мацумаэ также убили нашего посланника, и по этим причинам мы вынуждены были низложить их. ... Мы молимся, чтобы эта часть Империи была передана нашему новому господину – Токугава Камэносукэ, и в таком случае мы оплатим за Вашу благосклонность своей верной службой на северных рубежах» [8, р. 240–241].

Как видим, основной причиной похода Эномото Такэаки и верных ему людей на остров Эдзо стало опасение за экономическую безопасность вассалов Токугава. После урезания доходов многие вассалы лишились привычного источника пропитания. Замысел Такэаки заключался в том, чтобы под руководством представителя рода Токугава создать новый удел на острове Эдзо, перевести туда бедствующих вассалов, развивать земледелие, рыболовство, добычу леса и полезных ископаемых и т.д., и в то же время возложить на них бремя защиты Японии от «северной угрозы» – продвижения на юг Российской империи¹⁸, тем самым со-

хранив за ними статус военного сословия. Для этого Такэаки и организовал на острове временную администрацию. Реализовать все это предполагалось с разрешения императора и, что особо подчеркивалось, в составе империи. Следовательно, сепаратистских планов Эномото Такэаки не имел. Другое дело, что он жестко настаивал на своей идее и был готов защищать ее даже от слуг императора. Новое правительство, разумеется, отвергло предложение Такэаки, так как это создало бы опасный прецедент. К маю 1869 г. боевые действия обернулись против Такэаки и его людей, и силы нового правительства смогли вновь овладеть островом после кровопролитного сражения, закончив тем самым гражданскую войну Босин.

Таким образом, исходя из содержания посланий Эномото Такэаки, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Эномото Такэаки и подобные ему люди приветствовали реставрацию Мэйдзи и не считали императора своим врагом, хотя и противостояли новому правительству в гражданской войне (подобное отделение личности императора от людей, действующих от его имени, в целом свойственно японской истории, что видно и по событиям 1863–1864 гг. в Киото, и по Сацумскому восстанию 1877 г.). Во-вторых, камнем преткновения в конфликте лоялистов Токугава и нового правительства стали экономические санкции по отношению к имуществу Токугава. Как минимум это верно применительно к Республике Эдзо, у других действующих сторон в этой гражданской войне причины сражаться могли так или иначе отличаться. В-третьих, Эномото Такэаки и его люди рассматривали себя исключительно как часть «империи», не вынашивали планов сецессии или установления квазиреспублики на острове Хоккайдо. Слова и действия Эномото Такэаки как лидера лоялистов свидетельствуют в пользу того, что основным его замыслом было превращение малоразвитого и малоизученного острова Хоккайдо в новый удел для Токугава, куда можно было переселить обездоленных вассалов, обеспечить их работой на земле, сохраняя за ними обязанности военной службы (и связанные с этим привилегии). Выиграть гражданскую войну Такэаки не планировал, как минимум не на поле боя. Мощный флот позволил

Бунка». В 1861 г. между Россией и Японией произошел т.н. Цусимский инцидент, когда русские моряки предприняли безуспешную попытку основать на о. Цусима долговременную базу.

¹⁶ По старому календарю.

¹⁷ Глава администрации Хакодате.

¹⁸ Российская империя и Япония однажды уже оказались на пороге войны – в 1806–1811 гг., после того как суда Российско-американской торговой компании напали на японские промыслы и селения на Сахалине и Курильских островах в ответ на неудачное российское посольство в Японию. В Японии эти события, которые включали бомбардировку японских укреплений, десанты и сожжение кораблей, носят название «российское вторжение годов

бы ему отразить любую попытку высадиться, так что ему оставалось только вынудить новое правительство принять его власть над островом как данность. Стоит отметить, что для участников конфликта совсем не было очевидно, что буквально через несколько лет феодальная система и самурайское сословие канут в лету. В этом смысле совершенно не удивительно, что Эномото Такэаки выстраивал свою военно-политическую стратегию в рамках знакомой ему феодальной системы. Попытка Эномото Такэаки реализовать подобие прямой демократии вполне соответствует востребованному в то время течению в политике *ко:гу-ёрон* («управление с учетом общественного мнения»).

Несмотря на то, что планам сторонников Токугава не суждено было осуществиться, мечты Эномото Такэаки по развитию острова во многом были исполнены уже новой Японией – Японией Мэйдзи. Сам Такэаки в этом активно участвовал, работая после амнистии в комиссии по освоению острова (*Хоккайдо:кайтакуси*), куда также привлекались многие бывшие вассалы Токугава [3, p. 323–325]. Многие из них стали первыми *тондэнхэй* – «солдатами, размещенными на полях», которые образовывали военные поселения, игравшие огромную роль на первом этапе освоения Хоккайдо Японией. Хотя Республика Эдзо и просуществовала недолго, в определенном смысле она способствовала включению Хоккайдо в сферу общепонской политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакумацу исин ню:су. Мэйдзи ганнэн дзю:ити гацу нанока – Эномото-гун кара синсэйфу э-но танган-сё (Новости периода Бакумацу. 7 ноября 1868 г. Ходатайство войск Эномото, адресованное новому правительству). URL: https://blogs.mbc.co.jp/mbcnews/cat_ishin/10483/
2. Игуро Ятаро. Эномото Такэаки дэн (Жизнь Эномото Такэаки). Токио: Мияма сёбо, 1968.
3. Кадзунори Накано. Эдзо кё:вакоку но тэммацу – Абэ Ко:бо «Эномото Такэаки» то докуруцу-рон (Полная история «Республики Эдзо» – роман «Эномото Такэаки» Ко:бо Абэ и теория независимости) // Дзёсэцу 2: Бунка хихё:. 2002. № 4. С. 36–46.
4. Камо Гиити. Эномото Такэаки (Эномото Такэаки). Токио: Тю:о:ко:рон, 1988.
5. Мураками Тадаси. Эдо ко:ки, бакуфу тё-ккацу-рё: но тиики бунпу ни цуитэ (Региональ-

ное распределение территорий, находящихся под непосредственным контролем сёгуната в конце периода Эдо) // Хо:сэй-сигаку. 1982. № 34. С. 60–74.

6. Усуй Рюитиро. Эномото Такэаки кара сэкайси га мизэру (Взгляд на мировую историю с точки зрения Эномото Такэаки). Токио: РНР кэнкю:дзё, 2005.

7. Хакодате-си си. Дай иссё: исин сэйкэн сэйрицу-ки но тайдо:. Дай ни сэцу: Хакодате сэнсё: (История города Хакодате. Глава 1. Начало периода реставрации Мэйдзи. Раздел 2. Битва за Хакодате). URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/tsuusetsu_02/shishi_04-01/shishi_04-01-02-03-01.htm

8. Black, J.R., 1881. Young Japan. Yokohama and Yedo. Vol. 2. London; Yokohama: Trubner & Co.; Kelly & Co.

9. Satow, E.M., 1968. A diplomat in Japan. Oxford: Oxford University Press.

10. Sheldon, Ch.D., 1975. The politics of the Civil War of 1868. In: Beasley, W.G. ed., 1975. Modern Japan: aspects of history, literature and society. London: Routledge, pp. 27–51.

REFERENCES

1. 幕末維新ニュース 明治元年11月7日 榎本軍から新政府への嘆願書 [News of Bakumatsu years. November 7, 1868. Petition from Enomoto's army to the new government]. URL: https://blogs.mbc.co.jp/mbcnews/cat_ishin/10483/ (in Japanese)
2. 井黒 弥太郎, 1968. 榎本武揚伝 [Biography of Enomoto Takeaki]. 東京: みやま書房. (in Japanese)
3. 中野 和典, 2002. 「蝦夷共和国」の顛末 – 安部公房『榎本武揚』と独立論 [The story of the Ezo Republic – Kobo Abe's «Takeaki Enomoto» and the theory of independence], 叙説. 2: 文学批評, no. 4, pp. 36–46. (in Japanese)
4. 加茂 儀一, 1988. 榎本武揚 [Enomoto Takeaki]. 東京: 中央公論. (in Japanese)
5. 村上直, 1982. 江戸後期, 幕府直轄領の地域分布について [Regional distribution of territories under direct control of the Shogunate in the late Edo period], 法制史学, no. 34, pp. 60–74. (in Japanese)
6. 臼井 隆一郎, 2005. 榎本武揚から世界史が見える [World history through Enomoto Takeaki's eyes]. 東京: РНР研究所. (in Japanese)
7. 函館市史. 第1章 維新政権成立期の胎動. 第2節 箱館戦争 [History of Hakodate City. Chapter 1. Developments during the establishment

of the Meiji Restoration government. Section 2. Hakodate Battle]. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/tsuusetsu_02/shishi_04-01/shishi_04-01-02-03-01.htm (in Japanese)

8. Black, J.R., 1881. Young Japan. Yokohama and Yedo. Vol. 2. London; Yokohama: Trubner & Co.; Kelly & Co.

9. Satow, E.M., 1968. A diplomat in Japan. Oxford: Oxford University Press.

10. Sheldon, Ch.D., 1975. The politics of the Civil War of 1868. In: Beasley, W.G. ed., 1975. Modern Japan: aspects of history, literature and society. London: Routledge, pp. 27–51.

Н.В. Хисамутдинова, Чу Тяньгэ*

ПРОФЕССОР-КИТАЕВЕД А.В. РУДАКОВ
И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Статья посвящена научному наследию Китаевода А.В. Рудакова (1871–1949), в том числе собранию китайских книг и рукописей, собранных ученым в ходе командировок в Хунчунь, Цицикар и Мукден в начале XX в. и хранящихся ныне в Санкт-Петербурге и Владивостоке. Прослеживая судьбу уникального книжного собрания, авторы опираются на архивные документы, в том числе из личного архива А.В. Рудакова, который хранится в семье потомков Китаевода, а также материалы полевых исследований авторов.

Ключевые слова: А.В. Рудаков, личный архив, книжное собрание, Восточный институт, Китаеведение

Professor of sinology A.V. Rudakov and his scientific legacy. NATALIA V. KHISAMUTDINOVA (Vladivostok State University), CHU TIANGE (Far Eastern Federal University)

The article deals with scientific legacy of sinologist A.V. Rudakov (1871–1949), including a collection of Chinese books and manuscripts he brought from his expeditions to Hunchun, Qiqihar and Mukden at the beginning of the XXth century. Tracing the fate of the unique book collection now stored in St. Petersburg and Vladivostok, the authors draw on archival documents, including those from the personal archive of A.V. Rudakov, which is kept by his descendants, as well as field materials.

Keywords: A.V. Rudakov, personal archive, book collection, Oriental Institute, Chinese studies

Введение

Востоковед Аполлинарий Васильевич Рудаков (1871–1949) оставил большой след в российском Китаеведении. Окончив в 1896 г. восточный факультет Санкт-Петербургского университета, он провел три года в Китае,

совершенствуя в ходе научной командировки знание китайского языка и национальной культуры, и после нее остался на Дальнем Востоке. В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, первое высшее учебное заведение на «далекой окраине», как тогда называли

* ХИСАМУТДИНОВА Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета.

E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Чу Тяньгэ, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: tiange64@qq.com

© Хисамутдинова Н.В., Чу Тяньгэ

** Авторы статьи благодарят Т.А. Каракаш за интервью и возможность познакомиться с личным архивом ее отца.

тихоокеанскую территорию России. Строительство и эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), обслуживание предприятий и учреждений, возникавших вокруг нее, требовали специалистов со знанием восточных языков, и перед Восточным институтом ставилась задача их подготовки. Первыми преподавателями в новом институте стали выпускники восточного факультета Санкт-Петербургского университета, в т.ч. А.В. Рудаков, которого назначили исполняющим должность профессора. Он преподавал сразу несколько дисциплин: китайский и маньчжурский языки, а также географию и историю Китая и других стран Дальнего Востока, культуру Китая и Маньчжурии [1, с. 71].

Поскольку преподавание ряда дисциплин начиналось впервые, Рудаков наряду с другими профессорами готовил учебники и учебные пособия для студентов. Особое внимание он уделял примерам практического применения языка. Так, в пособие «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644–1902 гг.)», изданное в 1903 г., Рудаков включил сведения из китайской энциклопедии «Цзи-линь тун-чжи» и дополнил их новейшими официальными данными из китайских источников. На следующий год студенты-востоковеды получили «Руководство к изучению китайской мандаринской речи Гуань-хуа чжи-нань», а позднее и другие учебники: «Китайские разговоры официального и коммерческого характера: Руководство к переводам с русского на китайский язык», «Маньчжурские разговоры с китайским переводом: Пособие к лекциям по маньчжурскому языку» и др.

Всего китаевед опубликовал около двадцати учебников и пособий, в т.ч. в период с 1906 по 1917 гг., когда он был директором Восточного института, и в советское время, возглавляя кафедру китаеведения в Государственном Дальневосточном университете, в который Восточный институт вошел в качестве факультета. Материалы для учебных пособий А.В. Рудаков кропотливо собирал во время поездок в Китай. Особенно плодотворными были его командировки 1900–1901 гг., когда в ходе боксерского восстания под угрозой уничтожения оказались многие культурные ценности, включая архивы и книжные собрания. Именно тогда благодаря А.В. Рудакову библиотека Восточного института пополнилась множеством ценных экземпляров в виде старинных китайских книг и ма-

нускриптов, которые и сегодня используются китаеведами.

Российские историки-востоковеды не обошли вниманием научную и педагогическую деятельность А.В. Рудакова. Одним из первых статью о китаеведе опубликовал его ученик Р.В. Вяткин, осветив многие детали биографии ученого [2]. Вклад Рудакова в дальневосточное востоковедение проанализировали С.Ю. Врядий [1] и А.А. Хисамутдинов [11]. Ценную статью о материалах по китаеведению, собранных Рудаковым, подготовила И.Ф. Попова [6]. Китайские ученые также проявляли интерес к российскому китаеведу: в их научных работах описаны его биография, уникальная экспедиция в Китай, результаты исследований, отмечена деятельность в Восточном институте [15; 16; 17].

Несмотря на наличие публикаций об А.В. Рудакове, некоторые аспекты его профессиональной деятельности остаются нераскрытыми и представляют собой белые пятна в научной биографии китаеведа. Особенно это касается усилий ученого по спасению уникальной коллекции императорских книгохранилищ в Мукдене и судьбы его личного собрания, что и составляет предмет исследования данной статьи. В качестве источников авторами используются архивные документы, в т.ч. из личного архива А.В. Рудакова, который хранится в семье потомков китаеведа, в частности, его дочери Татьяны Аполлинарьевны Каракаш (г. Владивосток), а также материалы полевых исследований авторов.

Командировка в Хунчунь, Цицикар и Мукден

В конце XIX в. в Китае произошли события, которые позже были названы ихэтуаньским (боксерским) восстанием. Во время этой гражданской войны многие библиотеки на северо-востоке Китая оказались брошенными или разрушенными, в т.ч. и книгохранилище во дворце первых императоров Маньчжурской династии Китая в Мукдене (Шэньяне). На это обратил внимание Приамурский генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков (начиная с 1834 г., согласно распоряжению российского правительства, обязанностью всех должностных лиц, служивших в Азии, было приобретение древних рукописей на восточных языках [7, с. 6]). Когда осенью 1900 г. дворец заняла армия генерал-лейтенанта Деана Субботича, командовавшего Мукденской операцией, Гродеков от-

правил в Восточный институт во Владивостоке телеграмму от 15 ноября: «Взятии Мукдена я просил разрешения Военного министра взять из библиотеки наиболее ценные экземпляры в научном отношении, для чего командировать А.В. Рудакова. Президент Академии наук тоже просил содействия моего по принятию мер, дабы сохранить для науки Мукденскую библиотеку» (Цит. по: [3, с. 97]).

С библиотеками и архивами ряда городов северо-востока Китая Рудаков уже был знаком: он посещал их как во время своей поездки 1896–1899 гг., так и позже, работая в Восточном институте. Каждый раз он привозил оттуда для библиотеки института труды на китайском и маньчжурском языках. В своей автобиографии он писал: «Некоторые основные труды на китайском и маньчжурском языках для библиотеки были вывезены из Китая мною и профессором П.П. Шмидтом еще в 1899 г.» (Автобиография А.В. Рудакова. Личный архив Т.А. Каракаш).

Уже во время боксерского восстания, осенью 1900 г., Рудакова командировали в занятые русскими войсками города Цицикар и Хуньчунь. «Из этой полугодовой командировки, – писал китаевед, – я вывез во Владивосток часть маньчжурско-китайского архива в 2000 томах, составляющих ныне часть библиотеки Восточного института имени командующего войсками Н.И. Гродекова, благодаря содействию которого удалось сохранить для науки этот ценный научный материал по изучению северных народностей, дипломатических сношений с Россией с XVIII века и до восьмидесятых годов прошлого столетия, колонизации Северной Маньчжурии, ее экономического быта и политического устройства» (Автобиография А.В. Рудакова. Личный архив Т.А. Каракаш).

В разгромленном ихэтуанями Хуньчуне Рудаков собрал тогда большое количество китайско-маньчжурских официальных документов, которые могли пригодиться в учебном процессе, а в Цицикаре смог приобрести архив военного губернатора (цзян-цзюня), имевший огромное значение для изучения истории Северной Маньчжурии. Тогда же Рудаков вывез из Китая более тысячи томов литературы по буддизму и даосизму (Сань-цзан и Дао-цзан), изданных в XVI–XVII вв., а также другие редкие книги на китайском и маньчжурском языках. «Этот вклад в нашу библиотеку, – писал он, – сразу поставил ее в уровень с большими европейскими ориентальными книгохранилищами, а по

маньчжурскому отделу она стала единственной в своем роде, в этом отношении превзойдя даже Британский музей» (Автобиография А.В. Рудакова. Личный архив Т.А. Каракаш).

Новая командировка в Китай началась в мае 1901 г. С руководителем экспедиции А.В. Рудаковым в г. Мукден отправились два других преподавателя Восточного института – П.П. Шмидт и Н.В. Кюннер, а также студенты С.И. Горяинов, К.И. Дмитриев и А.П. Хионин, ставшие позднее известными востоковедами. Задачей экспедиции было исследовать содержимое императорских книгохранилищ, которые по праву считались одними из богатейших в Китае. В течение двух месяцев Рудаков с коллегами тщательно проверяли и описывали книги и культурные памятники дворца. С самых ценных книг делались фотокопии, а некоторые переписывались: для этого были наняты китайцы-писцы. Дублетные экземпляры из библиотеки было разрешено увезти во Владивосток [3, с. 19].

Время командировки востоковедов было ограничено, и члены экспедиции не успевали просмотреть все старинные книги, хранившиеся во дворце, о чем Рудаков очень сожалел, но и того, что удалось описать, ему вполне хватило для монографии «Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдени: Результаты командировки летом 1901 г. в Мукден» [9]. В ней исследователь описал книжные фонды дворца, его здания и павильоны, являющиеся ныне культурными памятниками. Эта работа была также опубликована в «Известиях Восточного института», вызвав сенсацию в России и за рубежом.

Вскоре был напечатан и «Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке» [10]. В нем Рудаков описал, включая состав фондов, весь мукденский библиотечный комплекс, считавшийся одним из четырех самых важных в Китае. Публикации А.В. Рудакова не потеряли своего значения до сих пор: они позволяют востоковедам узнать, какие уникальные материалы хранились в мукденском дворце. Важным историческим источником считают эти работы и китайские ученые [12; 13; 14]. В частности, подробное описание Рудаковым архитектуры, экспозиций и коллекций Шэньянского императорского дворца позднее позволило китайским специалистам понять, какие изменения произошли во дворце-музее (Полевые материалы

авторов, далее – ПМА. 2021 г.). Ссылаются на работы Рудакова и российские востоковеды [8].

Во время командировки 1901 г. А.В. Рудаков отправил через Харбин во Владивосток 400 ящиков с бесценным грузом. Эти материалы очень помогли учебному процессу и научным исследованиям в Восточном институте. Сам китаевед использовал выявленные в Китае документы для подготовки магистерской диссертации «Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции (1644–1902 гг.)», защищенной в Санкт-Петербургском университете в октябре 1903 г. (Записка А.В. Рудакова о работе над переводом «Цзи-линь-тун-чжи» для магистерской диссертации. Личный архив Т.А. Каракаш). Вскоре после защиты китаеведа назначили профессором Восточного института.

Пересылка мукденской коллекции в Ленинград

Уникальные материалы, привезенные из Китая, долгое время, несмотря на революцию и Гражданскую войну, хранились во Владивостоке, в библиотеке Восточного института в составе китайской коллекции. В апреле 1920 г. с вхождением Восточного института в только что открытый Государственный Дальневосточный университет (ГДУ) коллекция несколько потеряла статус, но сохранялась в полном объеме. По свидетельству доцента ГДУ Александра Владимировича Маракуева (1891–1955), преподавателя китайского языка и географии Китая, «библиотека восточного факультета ДВГУ, бывшая библиотека Восточного института, оставалась единственной востоковедческой библиотекой в крае и второй по значению в СССР. На 1 января 1932 г. она имела в своих хранилищах свыше 200 000 книг по Востоку (в т.ч. на европейских языках около 100 000, на китайском около 80 000, на японском около 15 000, на корейском около 2000 экз. и около 8000 том. на остальных языках ДВ – маньчжурском, монгольском, тибетском и т.п.)» [5, с. 6].

Заинтересовавшись бывшей библиотекой Восточного института, А.В. Маракуев начал ее систематизировать и постарался привести в относительный порядок фонд старинных китайских рукописей. Предварительную опись этого уникального собрания [5] он подготовил чуть позже, став директором библиотеки только что организованного Дальневосточного филиала Академии наук СССР (ДВФАН). В мае 1932 г. в эту библиотеку были переданы из ГДУ

и китайские материалы – почти 10 тыс. наименований, в т.ч. уникальные китайские издания XVI–XIX вв. В них, как считалось, нуждались научные сотрудники Кабинета по изучению народов Дальневосточного края и сопредельных стран с секторами китайским, корейским и туземных народов (Архив Академии наук СССР. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 218 об.–219).

Между тем сложная политическая обстановка на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х гг. – угроза войны с Японией и репрессии – привела к передаче в 1935 г. китайских материалов в Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде. Этому способствовал А.В. Маракуев, опасавшийся угрозы потерять бесценные коллекции. 115 томов китайских рукописей (23 наименования сочинений), доставленных тогда из Владивостока в Ленинград и отложившихся в фонде Института востоковедения, специалисты называют одним из наиболее ценных поступлений в Китайский фонд [7, с. 34]. Среди них были и уникальные материалы, привезенные в Россию из Китая экспедицией А.В. Рудакова. В настоящее время часть этой коллекции находится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. В 1958 г. в ответ на просьбу китайской стороны правительство СССР приняло решение вернуть Китаю некоторые старинные книги, и ныне они находятся в Национальной библиотеке Китая в Пекине [7, с. 34].

Книги и вещи, сохранившиеся во Владивостоке

Центральная научная библиотека (ЦНБ) Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке ныне насчитывает более 800 тыс. томов, включая литературу по точным и естественным наукам, а также по истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, около 200 тыс. экземпляров из них – на иностранных языках. Особое место в фонде занимают китайские издания (всего около 3 тыс. экз.), в т.ч. старинные книги из китайской коллекции А.В. Рудакова. Возникает вопрос, каким образом эти уникальные издания избежали отправки в Ленинград и остались в фонде ЦНБ. Существует предположение, что они были частью личной коллекции профессора А.В. Рудакова, который скончался 11 мая 1949 г. во Владивостоке. Встав перед выбором, куда передать архивно-книжную коллекцию ученого, вдова остановилась на академической библиотеке. В пользу

этого предположения говорит свидетельство дочери А.В. Рудакова о том, что мать действительно передавала в ЦНБ его коллекцию (ПМА. Интервью с Т.А. Каракаш. 25 октября 2022 г.). Имеется и документальное подтверждение этой версии: 3 июня 1949 г. состоялось решение Исполнительного комитета Приморского краевого совета депутатов трудящихся, в котором подчеркивалось, что «многолетние труды покойного профессора Рудакова А.В. по Китаеведению, оставленные им в наследство своей жене и дочери, являются государственно важными» (Текущий архив ДВО РАН. Решение № 556. Л. 71).

Руководство ДВО РАН, в свою очередь, понимая огромную ценность собрания А.В. Рудакова, решило передать большую часть документов в Институт востоковедения РАН, где уже находилась коллекция бывшей библиотеки Восточного института. В то же время часть уникальных изданий, принадлежавших А.В. Рудакову, оставили в ЦНБ. Среди них – произведения классической китайской литературы «Хунлоумэн» («Сон в красном тереме») и «Ши цзин» («Книга песен»), китайские философские тексты «Баопу-цзы», «Хань Фэй-цзы», конфуцианский трактат «Чжун юн», древние тексты «И цзин» («Книга перемен») и «Лунь юй» («Беседы и суждения»), книги на исторические темы «Тун чжи» («Всеобщая хроника»), «Чжаньго цэ» («Стратегии сражающихся царств»), «Чуньцю цзочжуань» («“Весны и осени” с комментарием Цзо»), «Исторические записки» Сыма Цяня, «Цянь Хань шу» («История ранней династии Хань»), «Хоу Хань шу» («История поздней династии Хань»).

Имеются в фонде ЦНБ также старинные книги по китайской медицине – «Хуан-ди нэй цзин» («Трактат Желтого императора о внутреннем») и «Нюдоу синьшу» (книга об оспе), географии – «Да Цин итун юйту» («Атлас Великой Цинской империи»), «Цзилинь тунчжи» («Всеобщее описание провинции Цзилинь»). Ценными пособиями для изучающих китайский язык и традиционную культуру являются «Канси цзыдянь» («Словарь Канси»), собравший более 47 тыс. иероглифов, смысл которых подтверждают цитаты из исторических трудов, трактатов и канонов, а также словарь рифм «Пэйвэнь юньфу» (ПМА. 2022 г.).

Среди древних китайских книг, хранящихся в ЦНБ ДВО РАН, мы можем увидеть те, которые А.В. Рудаков упоминал в своих трудах или которыми пользовался при работе. Это

философский трактат «Мэн-цзы», «Текст подготовки к церемонии Шэнцзин», «Шэнцзин тунчжи», «Цзиндин сыку цюаньшу», «Цзилинь тунчжи», «Цзиндин хубу цзели», тома из книжной серии «Сыку цюаньшу», энциклопедический словарь «Ту шу цзи чэн», словари китайского языка «Пянь цзы лэй бянь», «Юань цянь лэй хан» и др.

В ЦНБ хранятся и труды ученого, подготовленные им в качестве учебных пособий для студентов Восточного института. Это «Собрание писем на китайском языке» (издания 1903 и 1908 гг.), «Образцы новейших официальных бумаг и государственных актов» (1912), «Практический словарь служебных слов литературного китайского языка» (1927). Имеются в библиотеке и труды учителей Рудакова – В.П. Васильева и И.И. Захарова, а также его коллег – П.П. Шмидта, Н.В. Кюнера, Д.М. Позднеева, Д.А. Пещурова, П.В. Шкуркина, А.В. Маракуева, И.Г. Баранова, С.А. Полевого.

Некоторые вещи, принадлежавшие А.В. Рудакову, находятся в Музее истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (Владивосток) [4], среди них – диплом магистра китайской словесности, полученный Китаеведом после защиты магистерской диссертации в 1903 г., заграничный паспорт А.В. Рудакова, тетрадь с его записями, а также реликвии, привезенные исследователем из Китая: грелка для рук, щиты для защиты от холодного оружия, вывезенные из Цицикара во время восстания ихэтуаней.

Часть личного архива А.В. Рудакова находится у его дочери Татьяны Аполлинарьевны Каракаш в г. Владивосток. У нее сохраняется коллекция предметов, привезенных Рудаковым из Китая и тесно связанных с его научным опытом. Китайские парные вазы, металлические и фарфоровые, металлическая коробочка с мотивами дракона представляют восточную культуру. Статуэтки будды напоминают об интересе Рудакова к восточным религиям. В этой коллекции имеются и личные вещи ученого – карманные часы, золотая оправа очков, а также письма от брата и матери. Большую ценность представляет уникальный альбом фотографий. 59 снимков рассказывают о семье А.В. Рудакова, его работе в Восточном институте, поездках в Китай. По утверждению Т.А. Каракаш, некоторые материалы из личного собрания А.В. Рудакова (карты, востоковедческие издания) ее мать передала в Общество изучения Амурского края (ПМА. Интервью от 10 марта 2022 г.).

Заключение

Профессор-китаевед А.В. Рудаков оставил после себя богатое научное наследие. Талантливый преподаватель китайского языка и других дисциплин, имеющих отношение к китаеведению, он постоянно заботился о снабжении студентов учебными пособиями, особенно по тем курсам, преподавание которых начиналось впервые. С первых лет работы во Владивостоке Рудаков наряду с другими преподавателями включился в подготовку учебных материалов для студентов, опубликовав за годы работы в Восточном институте и Государственном Дальневосточном университете около двадцати учебников и учебных пособий. Особое внимание он уделял вопросам практического использования языка и старался включать в свои пособия новейшие данные из официальных китайских источников, примеры деловой переписки, сведения из китайских энциклопедий и газет.

Заботился А.В. Рудаков и о пополнении библиотеки Восточного института китайской литературой, чему способствовали его поездки в Китай. Особенно результативной оказалась экспедиция под руководством китаеведа в Мукден, где в результате местных беспорядков под угрозой уничтожения оказались книгохранилища во дворце первых императоров Маньчжурской династии Китая. Манускрипты, документы и уникальные издания, вывезенные Рудаковым и его коллегами из Мукдена, поставили библиотеку Восточного института в один ряд с крупнейшими книжными собраниями мира. Ныне эта коллекция находится в распоряжении исследователей, работающих в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и Центральной научной библиотеке ДВО РАН (Владивосток). Не потеряли своего значения и книги А.В. Рудакова, написанные по результатам экспедиции в Мукден.

Научное наследие профессора А.В. Рудакова, сохранившееся в виде коллекций китайских книг и рукописей, а также его собственных трудов и личных вещей, позволяет судить о нем как о выдающемся китаеведе, вклад которого в науку и сохранение уникальных памятников китайской культуры до сих пор в полной мере не оценен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Врядий С.Ю. Профессор китаеведения А.В. Рудаков // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 68–74.
2. Вяткин Р.В. Аполлинарий Васильевич Рудаков (к 100-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 216–218.
3. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
4. Коллекция пунктиром. Владивосток: Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, 2010.
5. Маракуев А.В. Каталог китайских рукописей в Библиотеке ДВ отделения АН СССР. Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1932.
6. Попова И.Ф. К истории библиотеки Восточного института во Владивостоке // Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 614–624.
7. Попова И.Ф. Жемчужины китайских коллекций Института восточных рукописей РАН. СПб.: Кварта, 2018.
8. Поршнева Е.Б. Религиозные движения позднесредневекового Китая: проблемы идеологии. М.: Наука, 1991.
9. Рудаков А.В. Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдени. Результаты командировки летом 1901 г. в Мукден. Владивосток: Тип. Т-ва Сушинский и Ко, 1901.
10. Рудаков А.В. Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке. Владивосток: Типография газеты «Дальний Восток», 1901.
11. Хисамутдинов А.А. Аполлинарий Васильевич Рудаков. 1871–1949. Владивосток: Изд-во Восточного института ДВГТУ, 2006.
12. Ван Куйси. Цзиньдай дунбэйши (Современная история северо-восточного Китая). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1984.
13. Сун Гоцян. Ихэтуань юньдун цзай ляоси (Боксерское восстание в Западном Ляонине) // Цзиньчжоу шифань сюэюань сюэбао. 1986. № 2. С. 103–108.
14. Тун Дун. Шаэ юй дунбэй (Царская Россия и Северо-Восток Китая). Чанчунь: Цилинь вэньхуа юй лиши чубаньшэ, 1985.
15. Цянь Яли. Элосы ханьсюецзя Лудакэфу цзици дуй юаньдун ханьсюе люпай фачжан дэ гунсянь (Русский китаевед А.В. Рудаков и его вклад в развитие китаеведения на Дальнем Востоке) // Линьи дасюэ сюэбао. № 2. С. 51–55.
16. Янь Годун. Эго ханьсюэ ши (История китаеведения в России). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006.

17. Янь Годун. Элуосы ханьсюэ сань-байнянь (Триста лет китаеведения в России). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2007.

REFERENCES

1. Vradii, S.Yu., 1999. Professor kитаеведения A.V. Rudakov [Professor of Sinology A.V. Rudakov], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, no. 5, pp. 68–74. (in Russ.)

2. Vyatkin, R.V., 1971. Apollinari Vasil'evich Rudakov (k 100-letiya so dnya rozhdeniya) [Commemorating the 100th anniversary of A.V. Rudakov], *Narody Azii i Afriki*, no. 4, pp. 216–218. (in Russ.)

3. Istoriya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta v dokumentakh i materialakh. 1899–1939 [The history of Far Eastern State University in documents and materials, 1899–1939]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. (in Russ.)

4. Kolleksiya punktirom [Collection dotted down]. Vladivostok: Muzei istorii Dal'nego Vostoka im. V.K. Arsenieva, 2010. (in Russ.)

5. Marakuev, A.V., 1932. [Katalog kitaiskikh rukopisei v Biblioteke DV otdeleniya AN SSSR [Catalog of Chinese manuscripts in the Library of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences]. Vladivostok: Izd-vo DVO AN SSSR. (in Russ.)

6. Popova, I.F., 2008. K istorii biblioteki Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [Towards the history of the library of Oriental Institute in Vladivostok]. In: *Razdvigaya gorizonty nauki: k 90-letiyu akademika S.L. Tikhvinskogo*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008, pp. 614–624. (in Russ.)

7. Popova, I.F., 2018. Zhemchuzhiny kitaiskikh kolleksii Instituta vostochnykh rukopisei RAN [Pearls of the Chinese collections of Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences]. Sankt-Peterburg: Kvarta. (in Russ.)

8. Porshneva, E.B., 1991. Religioznye dvizheni-

ya pozdnesrednevekovogo Kitaya: problemy ideologii [Religious movements in the late medieval China: the issues of ideology]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Rudakov, A.V., 1901. Bogdokhanskie dvortsy i knigokhranilishcha v Mukdeni. Rezul'taty komandirovki letom 1901 g. v Mukden' [Bogda Khan's palaces and libraries in Mukden. The results of the expedition to Mukden in the summer of 1901]. Vladivostok: Tip. T-va Sushchinskii i Ko. (in Russ.)

10. Rudakov, A.V., 1901. Katalog vazhneishikh proizvedenii kitaiskoi literatury, khranyashchikhsya v Mukdenskoi biblioteke [Catalogue of the most important works of the Chinese literature kept in Mukden library]. Vladivostok: Tipolitografiya gazety «Dal'nii Vostok». (in Russ.)

11. Khisamutdinov, A.A., 2006. Apollinari Vasil'evich Rudakov. 1871–1949 [Apollinari Vasilievich Rudakov, 1871–1949]. Vladivostok: Izd-vo Vostochnogo instituta DVG TU. (in Russ.)

12. 王魁喜, 1984. 近代东北史 [Modern history of North-East China]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)

13. 宋国强, 1986. 义和团运动在辽西 [Boxers' Rebellion in Western Liaoning], *青州师范学院学报*, no. 2, pp. 103–108. (in Chinese)

14. 佟冬, 1985. 沙俄与东北 [Tsarist Russia and the North-East of China]. 长春: 吉林文化与历史出版社. (in Chinese)

15. 钱娅莉, 2012. 俄罗斯汉学家鲁达科夫及其对远东汉学流派发展的贡献 [Russian sinologist A.V. Rudakov and his contribution into the Far Eastern sinology], *零一大学学报*, no. 2, pp. 51–55. (in Chinese)

16. 阎国栋, 2006. 俄国汉学史 [The history of Russian sinology]. 北京: 人民出版社. (in Chinese)

17. 阎国栋, 2007. 俄罗斯汉学三百年 [Three centuries of Russian sinology]. 北京: 学苑出版社. (in Chinese)

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 904 (510)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/33-47>

Хэ Юймэн*

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БОХАЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ В КНР**

В статье рассматриваются результаты изучения могильников и погребений государства Бохай (698–926 гг.), расположенных на территории Китая. В настоящий момент здесь известно более двадцати могильников или отдельных погребений, а в целом раскопано около тысячи погребений. Большинство бохайских погребений расположены в долинах четырех крупных рек – Второй р. Сунгари, р. Муданьцзян, р. Тумэньцзян и р. Суйфэньхэ. Опираясь на результаты работы китайских исследователей и структурируя данные о бохайских погребениях в соответствии с районами их расположения, автор дает характеристику их локальных особенностей, прослеживает процесс их развития и выявляет черты разных эпох.

Ключевые слова: государство Бохай, КНР, могильник, погребение

The results of archaeological studies of Bohai burial grounds in China. HE YUMENG (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article summarizes the results of study of burial grounds and burials of Bohai state (698–926) located on the territory of China. Currently, more than twenty burial grounds and individual burials are known here, and in total about a thousand burials have been excavated. Most of Bohai burials are located in the valleys of four large rivers – the Second Songhua River, Mudanjiang River, Tumen River and Suifen River. Basing on the results of the work of Chinese researchers and structuring data on Bohai burials in accordance with the areas of their location, the author characterizes their local features and traces the process of their development in different eras.

Keywords: Bohai state, China, burial ground, burial

Введение

Исследование бохайских погребений – одно из важнейших направлений бохаеведения в

Китае, на территории которого в настоящий момент известно более двадцати могильников или отдельных погребений, а в целом раскопа-

* ХЭ Юймэн, аспирант сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: heyumeng@mail.ru

© Хэ Юймэн, 2024

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Китайского стипендиального совета (проект № 201706170010) и Программы общественных наук провинции Цзилинь «Изучение бохайских черепичных строительных деталей» (проект № 2020WG6).

но около тысячи погребений. Большинство из них расположены в долинах четырех крупных рек: Второй р. Сунгари¹, р. Муданьцзян (в верхнем, среднем и нижнем течениях), р. Туманьцзян (Туманная) и р. Суйфэньхэ (Раздольная).

На основе изысканий Вэй Цуньчэна, формы бохайских погребений можно разделить на 3 типов, включающие 6 подтипов: захоронения в земляной яме (грунтовые), каменные (с каменной обкладкой, в каменном гробу или саркофаге, в склепе) и кирпичные (в кирпичном саркофаге или склепе) [9, р. 123]. Погребальные традиции в Бохае характеризуются разнообразными чертами. Они представлены трупосожжениями и трупоположениями; захоронениями первичными или вторичными, одиночными, парными или групповыми. Умершие могли быть похоронены в гробу и без него. Захоронения в некоторых случаях содержали керамические сосуды и статуэтки; часто в них присутствовали остатки животных [19]. Иногда над бохайскими погребениями возводились «намогильные строения», которые отличались друг от друга по размеру и конструкции. В целом можно выделить следующие их типы: беседка с черепичной крышей; простое колоннадное здание с черепичной крышей; сложная постройка с колоннами и с черепичной крышей; пагода из кирпича; двор со стенами, который, вероятно, представлял собой мавзолей [1].

В силу того, что бохайские погребения сконцентрированы в пяти районах (долины четырех рек) и имеют очевидные особенности физико-географического районирования, структура изложения в данной статье построена в соответствии с районами их расположения².

Район долины Второй р. Сунгари

В районе бассейна Второй р. Сунгари известны и изучены могильники Сяншуйхэ, Чалиба, Янтунь, Дунцин, погребальные комплексы Цидаохэ и Цяньдяньцзы.

¹ Такое наименование с 1949 по 1988 гг. носил отрезок р. Сунгари от истока до впадения в нее р. Нэньцзян в Китае. Иногда это название можно встретить и поныне.

² Так как многие погребения были раскопаны длительное время назад, а в последние несколько десятков лет административно-территориальное устройство на северо-востоке Китая претерпело изменения, местонахождения могильников и погребений в этой статье даны согласно административно-территориальному делению на 2021 г. и иногда могут не совпадать с приведенными в источниках.

Могильник Сяншуйхэ (香水河) [36] находится к востоку от с. Мопаньшань городского уезда Учан провинции Хэйлунцзян. В 2004 г. было раскопано 48 погребений, в том числе 46 грунтовых (№ 3–48) и 2 в каменном склепе (№ 1, 2). В 27-ми могилах зафиксированы следы трупосожжений, а в некоторых погребениях обнаружены следы деревянных гробов и групповых захоронений. В могильнике найдено около 200 артефактов, включая изделия из керамики, железа, бронзы, серебра и камня. По функциональному назначению вещи из погребального инвентаря можно разделить на предметы вооружения и повседневного обихода, орудия производства, украшения. Исследователи полагают, что датировки двух погребений близки и относятся к VIII–IX вв.

Могильник Чалиба (查里巴) [12; 42] находится к югу от с. Чалиба уезда Юнцзи провинции Цзилинь. В 1980-х гг. было раскопано 47 погребений (2 погребения в 1985 г. и 45 – в 1986–1987 гг.), в т.ч. 43 грунтовых могилы и 4 с каменными обкладками. В могильнике зафиксированы 32 погребения с трупосожжениями, изучены могилы с признаками первичного и вторичного захоронения, а также одиночные, парные и групповые погребения. Было найдено около 500 артефактов, изделий из керамики, железа, бронзы, серебра, камня, нефрита, сердолика и несколько бусин из стекла. По функциональному назначению их также можно разделить на предметы повседневного пользования, орудия производства, вооружение и украшения. В погребении № 15 найдены два лошадиных черепа. Исследователи предполагают, что, согласно датировкам по углероду ¹⁴C из погребения № 10 (1480±105 д.н.д., т.е. 470 г. н.э.), могильник относится к добохайскому, раннему бохайскому периоду и эпохе Кайюань. Хуая Ян полагает, что только семь из этих погребений относятся к периоду Бохая, включая 4 грунтовых погребения (№ 14, 16, 18, 24) и 3 могилы с каменными обкладками (№ 1, 33, 42).

Могильник Янтунь (杨屯) [17; 41] расположен к юго-востоку от с. Янтунь уезда Юнцзи провинции Цзилинь. Это многослойный памятник: его нижний слой связан с культурой Ситуаньшань (исследованы жилища, ямы и погребения), средний слой датируется концом периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) до начала династии Хань (изучены ямы), верхний слой содержит остатки мохэ-бохайского могильника. В 1971, 1979, 1980 гг. на этом могильнике было исследовано 70 погребений, большинство из которых представляют собой грунтовые захоронения.

Только погребение № 2 имеет каменную обкладку. Погребальный обряд характеризуется первичными и вторичными захоронениями, наличием одиночных, парных и групповых погребений. В одном случае обнаружены лошадиные черепа. В могильнике найдено около 1300 керамических, железных, бронзовых, серебряных и каменных (в т.ч. из нефрита) артефактов. Что касается датировки могильника Янтунь, то мнения ученых по этому вопросу расходятся. В 1979 г. авторы отчета о раскопках полагали, что он датируется концом династии Суй – началом династии Тан (до среднего периода) [17, р. 149]. В 1980 г. авторы отчета отмечали, что время формирования могильника – не позднее основания Бохая (698–926 гг.), а в 2008 г. Вэй Суньчэн, не указав точной датировки могильника Янтунь, предположил, что он сформировался раньше, чем могильник Чалиба [7, р. 202–211], а могильники в бассейне Второй р. Сунгари, включая Янтунь, относятся к добохайскому периоду и начальному периоду Бохая. Хуа Ян полагает, что только погребения № 16, 20, 21 являются бохайскими, а все остальные – мохэскими [28, р. 42].

Погребение Цидаохэ (七道河) [20; 39] находится к северу от с. Цидаохэ городского уезда Цзяохэ провинции Цзилинь. Это сооружение является погребением в каменном склепе, состоит из дромоса и собственно склепа. Его длина составляет 1,6 м, ширина – 1 м, глубина – 0,6 м. На поверхности был сооружен ступенчатый фундамент. Вокруг захоронения была собрана керамика и бохайская черепица, а также найдены диски фронтальной черепицы, каменная стела и колокольчик³.

Могильник Дунцин (东清) [57] находится к северо-востоку от с. Дунцин уезда Аньту Яньбянь-корейского автономного округа провинции Цзилинь. В 1990 г. было исследовано 10 погребений, в 1991 г. – 3, из них 1 грунтовое и 12 в каменных склепах. В могильнике найдено 103 артефакта. Исследователи памятника полагают, что он датируется ранним периодом Бохая и формировался под сильным влиянием культуры Когурё, что особенно заметно по конскому убранству и вооружению. Недалеко от могильника Дунцин также обнаружены одноименное

городище и остатки сооружения, которое, возможно, выполняло функции храма.

Погребения Цяньдяньцзы (前甸子) [18] расположены к юго-востоку от с. Цяньдяньцзы уезда Фусун провинции Цзилинь. В 1977 г. здесь исследовано 3 бохайских погребения, все они представляют собой захоронения в каменных склепах. В них найдены керамика, позолоченные бронзовые наременные накладки (пряжки, оконечники ремней, накладки и украшения), железные гвозди и др. Недалеко от погребального комплекса обнаружено бохайское селище.

Район верхнего течения р. Муданьцзян

В верхнем течении р. Муданьцзян известен только *могильник Людиншань* (六顶山) [2; 3; 4; 5; 45; 46; 54]. Он расположен на сопке Людиншань в уезде Дуньхуа провинции Цзилинь. После многолетних исследований в этом могильнике обнаружено 235 погребений, сконцентрированных в двух районах: I. на западе (105 погребений) и II. на востоке (130 погребений). В могильнике имеются грунтовые и каменные (с каменными обкладками, в каменном гробу и саркофаге, в каменных склепах) погребения. Количество могил в первой группе больше, чем во второй. Самое известное из них погребение № 2 в I-м районе, т.е. погребение принцессы Чжэнь-хуэй⁴. Согласно тексту стелы, принцесса была захоронена в 7-й год эры правления Бао-ли (780 г.). Форма погребения указывает на китайское (стела) и когурёское (сводчатый потолок) влияние. И некоторые исследователи предполагают, что муж принцессы мог быть когурёсцем [52, р. 217]. Погребальное сооружение принцессы Чжэнь-хуэй и другие захоронения в каменных склепах большого размера расположены на юге I-го района. Все они прямоугольные в плане, построены на ступенчатых фундаментах. В северной части района расположены могилы с каменной обкладкой, каменные саркофаги и некоторые грунтовые погребения. Большинство погребений II-го района представлены грунтовыми могилами, а также могилами с каменной обкладкой, каменными саркофагами и несколькими захоронениями в каменных склепах среднего и малого размера. Одним словом, статус погребенных в I-м районе выше, чем статус погребенных во II-м. В могильнике часто встречались следы трупосожжения, а также раскопаны групповые и вторичные захоронения. По сравнению с могильниками в бассейне Второй р. Сунгари, в могильнике Лю-

³ В отчете написано, что колокольчик производил из *те* 铁, т.е. железа или чугуна, но, судя по форме колокольчика, которая напоминает форму колокольчиков из Краскинского городища, он, скорее всего, отлит из чугуна.

⁴ Подробнее о форме этого захоронения см.: [11].

диншань найдено гораздо больше артефактов, их типология также шире и разнообразнее. В целом датировки грунтовых погребений в могильнике более ранние, чем датировки могил из камня, однако и те, и другие относятся примерно к одному периоду. Присутствие различных типов погребений и разнообразие артефактов объясняется тем, что в ранний период Бохая население состояло из представителей различных этнических групп, проживающих совместно. Диапазон датировок могильника относительно широкий, большинство могил датированы VIII в., но некоторые из них, вероятно, были сделаны раньше или позже этого времени.

Район среднего и нижнего течения р. Муданьцзян

В районе среднего и нижнего течения р. Муданьцзян известны могильники Саньдаохэцзы, Эрдаохэцзы, Бэйчжань, Янцаогуо, Шичангоу, Шаньцзуйцзы, Саньлинтунь, Хунцзуньюйчан, Дачжутунь и погребение Дунляньхуа.

Могильник Саньдаохэцзы (三道河子) (иначе называется Саньдаохэцзычжунсюе) [50] находится в п. Саньдаохэцзы городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян. К настоящему времени это самый северный бохайский могильник в Китае. Количество погребений в нем неизвестно, исследовано только погребение

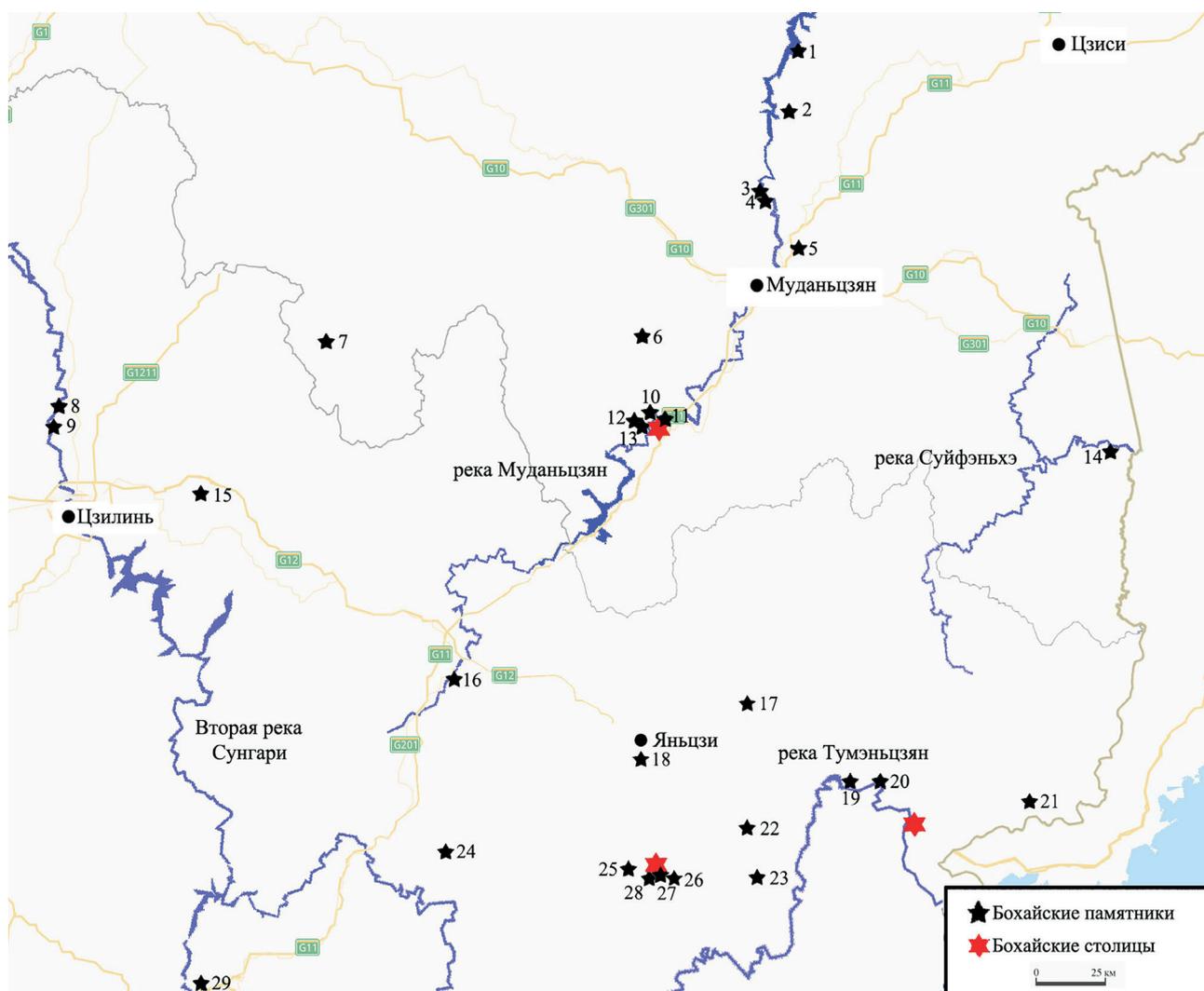

Рис. 1. Карта расположения могильников и погребений государства Бохай на территории КНР:

1. Могильник Саньдаохэцзы; 2. Могильник Эрдаохэцзы; 3. Могильник Бэйчжань; 4. Могильник Бэйчжань;
5. Могильник Шичангоу; 6. Могильник Шаньцзуйцзы; 7. Могильник Сяншуйхэ; 8. Могильник Чалиба;
9. Могильник Янтунь; 10. Могильник Саньлинтунь; 11. Могильник Дачжутунь; 12. Могильник Хунцзуньюйчан;
13. Погребение Дунляньхуа; 14. Могильник Дачэнцзы; 15. Погребение Цидаохэ; 16. Могильник Людиншань;
17. Могильник Чжунпин (в уезде Ванцин); 18. Могильник Чжунпин (в уезде Аньту);
19. Могильник Ляншуйгоюань; 20. Могильник Мицзян; 21. Погребение-пагода Мадида;
22. Могильник Инчэн; 23. Могильник Фуминь; 24. Могильник Дунцин; 25. Погребения Чжансян;
26. Могильник Лунтоушань; 27. Погребения Хэнаньтунь; 28. Могильник Бэйда; 29. Погребения Цяньдяньцзы

ние № 7, находящееся в самой высокой точке памятника и представляющее собой вторичное захоронение в каменном склепе длиной 3,8 м и шириной 3,6 м.

Могильник Эрдаохэцзы (二道河子) [33; 34] расположен в п. Эрдаохэцзы городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян. В 1983 г. на нем исследовано 4 погребения, включая могилу с каменной обкладкой, каменный саркофаг и захоронение в каменном склепе. В нем обнаружено 7 сосудов.

Могильник Бэйчжань (北站) [32] обнаружен недалеко от с. Бэйчжань городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян. В нем выявлено около 50 погребений и исследовано 3, все они представляют собой захоронения в каменных склепах, в которых найдены 4 целых и археологически целых сосуда. Исходя из формы погребальных сооружений и погребального инвентаря, исследователи полагают, что могильник относится к бохайской культуре и датируется ранним периодом Бохая.

Могильник Янцаогуо (羊草沟) (прежнее название – Тоудаохэцзы, 头道河子) [16; 35] находится к югу от с. Тоудаохэцзы городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян. В 1958 г. на памятнике исследовано 2 погребения, в 1996 г. – 26. Все они представляют собой захоронения в каменных склепах. В могильнике обнаружены керамические, железные, бронзовые и серебряные артефакты. Исследователи полагают, что могильник датируется средним периодом Бохая.

Могильник Шичангоу (石场沟) [31] расположен к юго-востоку от с. Шичангоу в пригороде г. Муданьцзян провинции Хэйлунцзян. В 1982 и 1984 гг. на памятнике исследовано 18 погребений в каменных склепах, в некоторых из них обнаружены следы деревянных гробов. Захоронения совершены по обряду трупосожжения, в могильнике имеются первичные и вторичные, одиночные, парные и групповые погребения. В могильнике Шичангоу было найдено 64 керамических, железных, бронзовых, серебряных, каменных (сердолик) артефакта и монета Кай-юань тунбао. Предполагается, что памятник относится к раннему периоду Бохая. В 5 км к северо-западу от могильника было обнаружено бохайское городище Наньчэнцзы [23].

Могильник Шаньцзуйцзы (山咀子) [21; 22] находится недалеко от с. Шаньцзуйцзы городского уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян. На памятнике выявлено около 130 погребений,

29 из них исследованы в 1966 и 1967 гг., включая 22 захоронения в каменных склепах и 7 каменных гробов. Все каменные гробы обнаружены в восточной части могильника, в них были захоронены дети. В этом могильнике нет следов трупосожжения, но присутствуют одиночные, парные и групповые погребения, первичные и вторичные захоронения. Большинство изученных захоронений были вторичными. В могильнике найдены керамические, бронзовые и железные артефакты, в том числе один сосуд с дольчатым орнаментом. Исследователи могильника предположили, что он был создан под влиянием киданьской культуры [27, р. 42], и датируют памятник поздним периодом Бохая.

Могильник Саньлинтунь (三陵屯) (другое название – Саньлинфэнь, 三陵坟 или 三灵坟) [7, р. 226, 227; 53, р. 136, 137] находится к востоку от с. Саньсин городского уезда Нинъянь провинции Хэйлунцзян. Он был обнаружен на левом берегу р. Муданьцзян, на противоположном берегу расположено городище Дунцзинчэн. Согласно опубликованным данным, на текущий момент обнаружено 5 погребений, из которых № 1 и 2 уже изучены. Погребение № 1 представляет собой захоронение в каменном склепе с длинным дромосом большого размера. Стены склепа (длина – 4 м, ширина – 2,2 м, высота – 2,5 м) сложены из каменных блоков, накрытых сверху каменными плитами. Внутри сохранились следы платформы для гроба, найдены некоторые железные изделия и фрагменты черепа. В дромосе обнаружена каменная скульптура в форме льва. Погребение № 2 расположено к северо-востоку от погребения № 1, оно также представляет собой захоронение в каменном склепе с длинным наклонным дромосом большого размера. Склеп сложен из базальта (длина – 3,9 м, ширина – 3,3 м, высота – 2,45 м), его свод многослойно-ступенчатый, на поверхности которого нарисованы цветы, а на плохо сохранившихся настенных фресках присутствуют изображения людей. В этом захоронении обнаружены кости 15 людей, артефакты отсутствовали. Погребение № 3 расположено к северо-западу от погребения № 1. Три погребения окружены стеной (длина по линии север–юг составляет 235 м, по линии запад–восток – 112,5 м), возможно, все вместе они представляют собой мавзолей, который разделяется стеной на две части – северную и южную. За южными

воротами⁵ были обнаружены развалины, которые могут представлять собой остатки «аллеи духов» (*шэньдао* 神道) между Верхней столицей и могильником. Недалеко от «мавзолея» обнаружены погребения № 4 (в нем была найдена курильница с трехцветной глазурью) и № 5. Вокруг этих двух погребений, возможно, тоже были возведены стены, и если они существовали, тогда три «мавзолея» располагаются примерно по одной линии в направлении с запада на восток. На основании расположения, размера и других признаков Лю Сяодун полагает, что могильник Саньлинтунь относится к позднему периоду Бохая и погребение № 1, вероятно, является погребением короля (возможно, в нем захоронен ван Да Ичжэнь) [15, р. 48].

Могильник Хунцзуньюйчан (虹鱧鱼场) [26; 30; 37] находится в п. Бохай г. Нинъянь провинции Хэйлуцзян, в 6 км к юго-востоку от городища Дунцзинчэн. В 1984, 1992–1995 гг. здесь было исследовано 323 погребения, которые можно разделить на два района: I. на севере (39 погребений) и II. на юге (284 погребения). Большинство захоронений осуществлено с использованием камня (с каменной обкладкой, в каменном гробу либо в каменном склепе), кроме того известны 2 погребения из кирпича (№ 2005 и № 2267) и 3 – из камня и кирпича (№ 2074, 2092, 2093)⁶. В I-м районе расположены захоронения с каменными обкладками и в каменных гробах. Во II-м районе обнаружены погребения в каменных склепах, здесь также были сооружены каменные ступенчатые фундаменты, что означает более высокий статус погребений II-го района по сравнению с I-м. В этом могильнике обнаружены первичные (39) и вторичные захоронения (152), одиночные (93), парные (48) и групповые (49) погребения, а также трупосожжения (5) [30; 37, р. 578–593]. В могильнике найдено большое количество артефактов, в том числе керамика, железные предметы (наконечники стрел, копьё, панцирная пластина и множество элементов поясной гарнитуры), бронзовые артефакты (зеркало, шпильки, бляхи, украшения), бусина из сердолика, черепица. Могильник Хунцзуньюйчан относится к раннему и среднему периоду Бохая.

⁵ К сожалению, в научной литературе не указано, сколько ворот имелось в стене.

⁶ В некоторых погребениях в каменном склепе (например, № 2208 и № 2279) обнаружены отдельные кирпичи, но они не относятся к погребениям из камня и кирпича.

Могильник Дачжунь (大朱屯) [16] находится к северу от с. Дачжунь городского уезда Нинъянь провинции Хэйлуцзян, расположен к востоку от городища Дунцзинчэн. В могильнике обнаружено более 70 погребений, но хорошо сохранились только около 30 из них. Согласно результатам раскопок 1960 г., большинство захоронений сооружены из камня. Недалеко от могильника Дачжунь найдены и другие бохайские погребения, которые, в соответствии с отчетом, не считаются частью могильника Дачжунь: к юго-западу находятся 15 погребений в каменных склепах малого размера, к юго-востоку от них есть еще одно погребение.

Погребение Дунляньхуа (东莲花) [38] расположено к востоку от с. Дунляньхуа городского уезда Нинъянь провинции Хэйлуцзян, восточнее городища Дунцзинчэн. В 1995 г. исследовано погребение в каменном склепе, его длина – 2,8 м, ширина – 1,4 м, глубина – 1,25 м, вход расположен в середине южной стены и соединен с дромосом длиной 2,5 м и шириной 0,8 м. В склепе обнаружено вторичное захоронение останков 4 мужчин. Погребение было разграблено, артефакты в нем отсутствовали, но в заполнении вокруг склепа найдены маленькие фрагменты позолоченных предметов, что указывает на высокий статус погребенных. Исследователи памятника считают, что он датируется поздним периодом Бохая.

Район долины р. Тумэньцзян (Туманная)

В бассейне р. Тумэньцзян известны могильники Чжунпин (в уезде Ванцин), Чжунпин (в уезде Аньту), Ляншуйгоуань, Мицзян, Инчэн, Фуминь, Лунтоушань (он состоит из районов Шиго, Лунхай и Лунху, они также называются могильник Шиго, Лунхай и Лунху соответственно), Бэйда, группы погребений Чжансян и Хэнаньтунь, погребение-пагода Мадида.

Могильник Чжунпин (仲坪) (в уезде Ванцин) [62] находится в уезде Ванцин Яньбянь-корейского автономного округа провинции Цзилинь. В 1989 г. было исследовано 10 захоронений, включая погребения с каменной обкладкой, каменные гробы и каменные склепы. В них выявлены первичные и вторичные погребения, парные и групповые, а также трупосожжения. В 1,5 км к юго-западу от могильника расположено бохайское городище Гаочжэн.

Могильник Чжунпин (仲坪) (в уезде Аньту) [44] находится недалеко от с. Чжунпин уезда Аньту Яньбянь-корейского автономного округа

провинции Цзилинь. В 2003 и 2004 гг. были исследованы 1 погребение бронзового века и 11 бохайских захоронений, в том числе с каменной обкладкой и в каменном гробу или саркофаге. В процессе исследований найдены керамические изделия, черепица, артефакты из железа и бронзы. Исследователи полагают, что могильник датируется средним периодом Бохая или более поздним временем.

Могильник Ляншуйгоюань (凉水果园) [24] расположен в с. Ляншуй городского уезда Гумэнь провинции Цзилинь. В 1990 г. здесь исследовано 17 погребений, 13 из них хорошо сохранились, включая 9 захоронений с каменной обкладкой, 3 в каменных гробах и 1 в каменном склепе. Погребальный обряд характеризуется наличием первичных и вторичных погребений, одиночными, парными и групповыми захоронениями. Здесь было обнаружено 69 керамических, железных, бронзовых и серебряных артефактов. Исследователи полагают, что могильник датируется средним периодом Бохая.

Могильник Мицзян (密江) [49, р. 66] находится недалеко от с. Мицзян городского уезда Хунчунь провинции Цзилинь. Могильник сохранился очень плохо, согласно проведенным в прошлом столетии исследованиям, все погребения сооружены из камня, найденные артефакты представлены элементами поясной гарнитуры, на некоторых из них обнаружены следы позолоты.

Погребение-пагода Мадиды (马滴达) [51] расположено на сопке к северо-востоку от г. Хунчунь провинции Цзилинь. Оно было исследовано в 1973 г. (форма погребения описана выше). К северо-западу от погребения, у подножия сопки, обнаружена платформа (длиной 12 м, шириной 8 м и высотой 0,5 м), на которой находится 12 каменных баз. Вокруг платформы найдены фрагменты черепицы, дисков и кирпичей, аналогичные материалам пагоды. Исследователи предположили, что эта платформа является остатками храма, это соответствует концепции «где построена пагода, там должен быть храм» (有塔必有寺). Что касается личности умершего, то одни исследователи полагают, что он мог быть монахом, а другие считают, что он, возможно, был представителем королевского дома, так как форма погребения похожа на погребение принцессы Чжэнь-сяо [7, р. 261].

Могильник Инчэн (英城) [13] обнаружен недалеко от с. Инчэн городского уезда Лунцзин провинции Цзилинь. Общее количество погребений

неизвестно, но есть сведения о 7 выявленных погребениях, однако исследовано было только одно в 1984 г. В погребении № 1 с каменным гробом или саркофагом найдены останки мужчины, лежавшего на спине с вытянутыми конечностями, следов трупосожжения нет. В захоронении найдены керамические и железные артефакты, а на дневной поверхности – один фрагмент черепицы бохайского типа. Недалеко от могильника расположено одноименное бохайское городище.

Могильник Фуминь (富民) [14] находится недалеко от с. Фуминь городского уезда Лунцзин провинции Цзилинь. В могильнике выявлено не менее 10 погребений. В 1984 г. исследовано погребение № 1, построенное из камня, в нем находился деревянный гроб. В захоронении найдены керамические и железные артефакты.

Погребения Чжансян (獐项) [48, р. 41, 42] обнаружены недалеко от с. Чжансян городского уезда Хэлун провинции Цзилинь. Памятник представляют собой 2 захоронения в каменных склепах, расположенных на одной линии в направлении с запада на восток. Их формы похожи, но в восточном погребении есть дромос, а в западном он отсутствует. На поверхности погребений обнаружено множество фрагментов черепицы с отпечатками ткани и кирпичей, поэтому можно предположить, что над одним или же над обоими погребениями находилось намогильное сооружение. По словам местных жителей, в погребениях находились бронзовые предметы, однако в прошлом веке они были разграблены. Недалеко от могильника находится одноименное бохайское городище.

Могильник Лунтоушань (龙头山) [47; 55; 58; 60; 61] находится на сопке Лунтоушань, которая расположена в п. Тоудао городского уезда Хэлун провинции Цзилинь, примерно в 6 км к северо-западу от городища Сигучэн. Могильник состоит из трех районов – Лунху, Лунхай и Шиго⁷, расположенных с севера на юг. По опубликованным в 2003 г. данным, в этом могильнике известно 48 погребений и 6 сооружений.

В районе Лунху (龙湖) в 1989 г. исследовано погребение в каменном склепе большого размера, форма которого похожа на погребение принцессы Чжэнь-сяо. В склепе была обнаружена платформа для гроба, на которой лежали остатки костей женщины средних лет и младенца. Погребение было разграблено, и артефактов

⁷ Иногда их упоминают как отдельные могильники Шиго, Лунхай и Лунху.

осталось немного, в их числе – фрагменты позолоченных украшений. Кроме того, недалеко от входа в склеп в дромосе найдены фрагменты железного замка и дверного молотка, висевших на входе в захоронение. На поверхности обнаружен земляной вал неправильной формы в плане (длина – 30 м, ширина – 3 м, высота – 1 м), который полукольцом окружает погребение. Этот вал, возможно, являлся оградой для защиты погребения. В 20 м к югу от этого погребения обнаружено захоронение с каменной кладкой малого размера, а к северу известно 4 грунтовых погребения, которые также могут являться бохайскими. В 50 м к югу от описанного выше погребения расположено сооружение большого размера, где обнаружено большое количество бохайской черепицы и фрагментов керамики.

В районе Лунхай (龙海) известно 21 захоронение, 15 из которых уже исследованы, включая погребения в каменных склепах среднего (№ 4, 5, 6, 7) и большого размера (№ 2, 3, 9, 11, 12), в кирпичных склепах (№ 1, 10) и в кирпичных саркофагах (№ 13, 14). Погребение № 1 исследовано в 1980 г., остальные – в 2004 и 2005 гг. В погребениях № 1, 3 и 12 найдены стелы, согласно тексту которых в них похоронены принцесса Чжэнь-сяо (дочь третьего короля Да Цинмао, захоронена в 792 г.), королева Шунь-му (жена короля Да Минчжуна, захоронена в 829 г.) и королева Сяо-и (жена короля Да Цинмао, вероятно, захоронена в 775 г.⁸). В то же время, если учесть погребальные традиции, можно предположить, что захороненные в погребениях № 2 и 3, 11 и 12, 13 и 14 являлись супругами, тогда умерший в погребении № 2, вероятно, – это Да Минчжун, и не исключено, что умерший в погребении № 11 – это Да Цинмао. В этих захоронениях найдено большое количество предметов роскоши: золотые украшения головного убора, шпилька и браслет, бронзовое позолоченное зеркало, наременные накладки, изготовленные из золотых пластин, на которые были помещены нефритовые, глазурированные (с трехцветной глазурью) изображения животных и людей и др. Нужно отметить, что в сравнении с погребением принцессы Чжэнь-хуэй форма погребения принцессы Чжэнь-сяо (погребение из кирпича с пагодой) указывает на более сильное китайское влияние, которое так-

же нашло выражение в использовании глазурированных изображений и фресок в танском стиле [25, р. 187]. На поверхности погребений обнаружены черепица и черепичные диски. Судя по изученным погребальным комплексам района Лунхай, во время его формирования уже сложились традиции строительства аристократических погребений королевского дома: по два погребения в каждой группе, которые были расположены либо в один ряд, либо в разных склепах под общей насыпью.

В районе Шиго (石国) исследованы 2 погребения в каменных склепах. Захоронение № 1 относится к погребениям в каменных склепах со ступенчатым дромосом. Оно включало в себя три склепа, находившихся под общей насыпью. В склепах найдены бронзовое позолоченное украшение, глазурированные (с трехцветной глазурью) фигурки людей и фарфоровая подушка [43, р. 10].

Погребения Хэнаньтунь (河南屯) [10; 48, р. 52, 53] находится в с. Хэнань городского уезда Хэлун провинции Цзилин, примерно в 5 км к югу от городища Сигучэн, в «городище»⁹ Хэнаньтунь. Погребение расположено ровно в центре «двора» подпрямоугольной формы (периметр около 500 м), вход находится в середине южной стены. В 1971 г. были исследованы два захоронения, они представляют собой погребения в кирпичных саркофагах, расположенные по одной линии в направлении с востока (погребение № 1) на запад (погребение № 2), под общей насыпью, на которой находится несколько десятков каменных баз. Кроме того, перед захоронениями обнаружена яма, в которой находились фрагменты фрески и строительных материалов. В могилах найдены различные золотые элементы поясной гарнитуры и украшения в форме цветов. Исходя из обнаруженных артефактов, исследователи памятника высказали предположение, что в погребении № 1 захоронена женщина, а в погребении № 2 – мужчина, которые, вероятно, были супругами и происходили из королевского дома. На поверхности найдены черепица, черепичные диски, кирпичи с орнаментом и другие материалы, являющиеся остатками надмогильного сооружения, предназначавшегося для знатных персон. Недалеко от погребений обнаружен бохайский храм, судя по

⁸ Так как данные о погребении королевы Сяо-и еще не публиковались, некоторые исследователи высказали предположение, что время ее захоронения – 775 г. (см., напр.: [52, р. 216]).

⁹ Согласно новейшим данными, валы городища Хэнаньтунь на самом деле не искусственные, т.е. памятник не является городищем. Подробнее об этом см.: [40].

анализу собранных на нем строительных материалов, он датируется более ранним временем, чем погребения и городище Сигучэн. Что касается датировки захоронений, многие исследователи относят их к позднему периоду Бохая [6, р. 259; 15, р. 45–48].

Могильник Бэйда (北大) [55; 59] находится недалеко от с. Бэйда городского уезда Хэлун провинции Цзилинь. В 1973 и 1988 гг. исследовано 64 погребения, большинство из которых имеет каменные склепы. Погребальные обряды характеризуются сооружением первичных и вторичных, одиночных и групповых захоронений. На могильнике найдено множество ценных артефактов высокого качества, в т.ч. керамические неглазурованные (все круговые) и глазурованные сосуды, серебряная шпилька, бронзовое зеркало танского типа, скульптура в форме рыбки и различные элементы поясной гарнитуры. Этот могильник, вероятно, относится к позднему периоду Бохая.

Район долины р. Суйфэнхэ

На территории Китая в районе р. Суйфэнхэ известен только один могильник – Дачэнцзы, находящийся недалеко от могильника Чернятино-5, который располагается на территории России. *Могильник Дачэнцзы* (大城子) [29] находится в с. Дачэнцзы городского уезда Дуннин провинции Хэйлунцзян. В 1977 г. раскопано 4 захоронения. Что касается типов погребений, одно из них грунтовое и накрыто каменными плитками, а три погребения – в каменных склепах. В могильнике прослежено наличие захоронений в деревянном гробу, трупосожжение, первичное и вторичное, одиночное и групповое погребения. Погребальный инвентарь представлен керамическими и железными предметами. Исследователи памятника полагают, что он датируется средним и поздним периодами Бохая. К юго-востоку от могильника расположено одноименное бохайское городище.

Обсуждение и результаты

Основываясь на данных о погребениях в рассмотренных природных районах, китайские исследователи смогли не только выяснить их локальные особенности, но и проследить процесс их развития, а также черты разных эпох [7, р. 191–274; 8; 9].

До создания государства Бохай на территории бассейна р. Сунгари появились памятники мохэсцев, например, могильники Туаньцзе

(уезд Лобэй, провинция Хэйлунцзян) и Хуанцзявайцзы (близ г. Харбин, провинция Хэйлунцзян). Все захоронения в них представлены грунтовыми погребениями, в которых присутствуют следы трупосожжений. По результатам радиоуглеродного анализа могильник Туаньцзе датируется 344–531 гг. и является памятником культуры илоу-уцзи. Могильник Хуанцзявайцзы относится к более позднему времени и расположен ближе к территории Бохая.

В VI в. часть мохэсцев начала переселяться в бассейн Второй р. Сунгари. Большинство погребений в этом районе также представлены грунтовыми могилами, но появляются и захоронения с каменной обкладкой, часто встречаются следы трупосожжений и вторичные погребения. Согласно результатам углеродного анализа и найденным монетам Кай-юань тунбао, они относятся к периоду «со времени переезда населения уцзи-мохэ на юг до времени правления Да Цинмао (Вэнь-вана)», т.е. к добохайскому времени и начальному периоду Бохая [7, р. 211]. Погребения с каменной обкладкой появились, скорее всего, под влиянием каменных курганных выкладок в поздний период Когурё.

В районе верхнего течения р. Муданьцзян, т.е. в могильнике Людиншань, грунтовых погребений больше, чем погребений из камня, и в целом датировки первых относятся к более раннему времени, чем датировки последних, хотя в определенный момент времени они сосуществовали. В этих захоронениях часто обнаруживаются следы трупосожжений. Большинство погребений в этом могильнике датируются VIII в., но часть относится к другому периоду. В погребениях грунтовых и каменных захоранивались люди из разных социальных групп. С одной стороны, формы этих погребений различаются, с другой стороны, использованные в этом могильнике погребальные обряды во многом схожи. Это является результатом взаимодействия и объединения представителей разных этнических групп, входивших в состав населения Бохая в ранний период.

В районе среднего и нижнего течения р. Муданьцзян грунтовые могилы практически отсутствуют, главное место занимают погребения из камня, большинство из них представляют собой захоронения в каменных склепах, также обнаружено несколько погребений из кирпича. Следы трупосожжения в этом районе встречаются редко, но вторичные и групповые погребения продолжали существовать. Некоторые

захоронения в этом районе относятся к периоду, когда городище Дунцзинчэн впервые стало общегосударственной столицей, или к более раннему времени, а большинство – к периоду, когда городище Дунцзинчэн во второй раз стало общегосударственной столицей, т.е. с конца VIII в. до падения Бохая.

В районе р. Тумэньцзян грунтовые могилы также отсутствуют, основные захоронения представлены каменными погребениями, аналогичными тем, что расположены в районе среднего и нижнего течения р. Муданьцзян, но появляются и погребения в кирпичном саркофаге. В целом могильники в этом районе относятся к периоду с VIII в. до падения Бохая, т.е. к немного более раннему, чем погребения в районе среднего и нижнего течения р. Муданьцзян, потому что в VIII в. здесь функционировало городище Сигучэн (Сяньчжоу).

Так как районы среднего и нижнего течения р. Муданьцзян и р. Тумэньцзян (Туманная) долго являлись центральной территорией Бохая, особенности захоронений в этом регионе также отражают основные особенности погребальных традиций Бохая: погребения в каменных склепах количественно доминируют, следы трупосожжений встречаются очень редко, вторичные и групповые погребения, напротив, – часто.

Район р. Суйфэньхэ являлся периферией Бохая, особенности форм погребений и погребальной обрядности у бохайцев в этом районе также соответствуют основным особенностям захоронений в центральной части. Так, датировки грунтовых могил в целом относятся к более раннему времени, чем датировки погребений из камня.

Таким образом, полученные на сегодняшний день результаты исследований бохайских погребений и могильников в Китае дают археологам и историкам надежную основу для изучения не только духовной (погребальные традиции, религиозные воззрения) и материальной культуры Бохая, но и общественного устройства, формирования и расширения территории этого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чжиган. «Чжуншанцзоу» дэ каогусюе цюаньши – бохай мушан цзяньчжу яньцзю (Археологическая интерпретация «дома на могильном холме» – изучение бохайских надмогильных сооружений) // Каогу. 2014. № 6. С. 78–91.

2. Ван Чэнли, Цао Чжэнжун. Цзилинь дуньхуа людиншань бохай гуму (Древний бохайский могильник Людиншань в уезде Дуньхуа провинции Цзилинь) // Каогу. № 6. С. 298–301.

3. Ван Чэнли. Дуньхуа людиншань бохай гуму цинли фацзюе цзи (Отчет об исследовании бохайского могильника Людиншань в уезде Дуньхуа) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1979. № 3. С. 200–210.

4. Ван Чэнли. Дуньхуа людиншань бохай гумуцюнь дяоча цзяньцзи (Краткий отчет об исследовании бохайского могильника Людиншань в уезде Дуньхуа) // Цзилиньшэн вэньу гунцзо тунсюнь. Чанчунь, 1957. С. 32–36.

5. Ван Чэнли. Цзилиньшэн Муданьцзян шаню бохай ичжи дяочацзи (Исследование бохайских памятников в верхнем течении р. Муданьцзян, провинция Цзилинь) // Каогу. 1962. № 11. С. 575–580.

6. Вэй Цуньчэн. Бохай ванши гуйцзу муцзан (Захоронения членов королевского дома и аристократии государства Бохай) // Чжунго каогу сюехуэй дисаньцы хуэйи луньвэньцзи. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1981. С. 258–264.

7. Вэй Цуньчэн. Бохай каогу (Археология Бохая). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008.

8. Вэй Цуньчэн. Бохай муцзан дэ чжэнти мяньмао хэ чжужяо тэчжэн (Общий вид и основные особенности бохайских погребений) // Дун бэй ши ди. 2008. № 4. С. 15–19.

9. Вэй Цуньчэн. Бохай муцзан яньбянь юй чуци жэнькоу дэ миньцзу гоучжэн (Эволюция бохайских погребений и этнический состав населения в ранний период Бохая) // Цзилинь дасюе шэхуэй кэсюе сюебао. 2014. № 2. С. 122–128.

10. Го Вэнькуй. Хэлун бохай гуму чуту дэ цзицзянь цзиньши (Некоторые золотые украшения из бохайских погребений в уезде Хэлун) // Вэньу. 1973. № 8. С. 41–62.

11. Ивлиев А.Л. Исследование бохайских погребений в Северо-Восточном Китае (по материалам статьи Чжэн Юнчжэня) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989. С. 12–25.

12. Инь Юйшань. Цзилинь Юнцисянь чалибацунь фасянь лянцзо бохайму (Два бохайских погребения обнаружены в с. Чалиба уезда Юнцзи провинции Цзилинь) // Каогу. 1990. № 6. С. 574–576.

13. Ли Чжэнфэн, Ли Цян. Цзилинь лунцзин иньчэн бохай гуму (Бохайское погребение в с. Инчэн уезда Лунцзин провинции Цзилинь) // Боугуань яньцзю. 1986. № 1. С. 78–79.

14. Ли Чжэнфэн, Ли Цян. Цзилинь лунцзин фуминь бохай гуму (Бохайское погребение в с. Фуминь уезда Лунцзин провинции Цзилинь) // Боугуань яньцзю. 1986. № 1. С. 80–81.
15. Лю Сяодун. Бохай ванлин цзи сянгуань вэньти сюйлунь (Продолжение обсуждения вопросов, связанных с погребениями бохайских королей) // Бэйфан вэнь. 2012. № 3. С. 40–49.
16. Люй Цзуньлу. Хэйлунцзян нинъань линькоу фасянь дэ гумуцзанцзюнь (Древние погребения обнаружены в уездах Нинъань и Линькоу провинции Хэйлунцзян) // Каогу. 1962. № 11. С. 581–584.
17. Цзилиньши боугуань. Цзилинь юнцзи дахаймэн ичжи (Памятник Дахаймэн в д. Янтунь уезда Юнцзи провинции Цзилинь) // Каогую цзикань. 1987. Вып. 5. С. 120–151.
18. Пан Чжиго, Лю Лань. Фусунсянь Цяньдяньцзы бохай гуму цинли цзяньбао (Краткий отчет об исследовании бохайского погребения в с. Цяньдяньцзы уезда Фусун) // Боугуань яньцзю. 1983. № 3. С. 80–83.
19. Пэн Шаньго, Ван Лэлэ. Бохай цзансу цзюйюй (Примеры погребальных традиций Бохая) // Диюй вэньхуа яньцзю. 2021. № 5. С. 86–91.
20. Пэн Шаньго. Цзяохэ Цидаохэцунь бохай ичжи шусин бяньси (Анализ характеристик бохайского памятника в с. Цидаохэ уезда Цзяохэ) // Дун бэй ши ди. 2010. № 3. С. 17–18.
21. Сунь Сюжэнь, Цзинь Тайшунь. Хэйлунцзяншэн хайлиньши шаньцзуйцзы бохай муцзан (Бохайский могильник Шаньцзуйцзы в уезде Хайлинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнь. 2012. № 1. С. 11–26.
22. Сунь Сюжэнь. Люелунь хайлинь шаньцзуйцзы бохай муцзан дэ синчжи чуаньтун хэ вэньу тэ чжэн (Краткое обсуждение формы погребений, традиций и характеристик культурных реликвий бохайского могильника Шаньцзуйцзы в уезде Хайлинь) // Чжунго каогу сюехуэй диьйицзы няньхуэй луньвэньцзи. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1979. С. 429–436.
23. Тао Ган. Муданьцзян шицзяо наньчэнцзы дяочацзи (Об изучении городища Наньчэнцзы в южном предместье г. Муданьцзян) // Хэйлунцзяншэн боугуань сюехуэй чэнли цзинянь вэньцзи. Харбин: Хэйлунцзяншэн вэньу чубань бяньцзи ши, 1980. С. 43–46.
24. Тухунь телу фацзюедуй. Цзилиньшэн тумэньши ляншуйгоуань бохаймуцзан цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках бохайских погребений на территории Ляншуйгоуань уезда Тумэнь провинции Цзилинь) // Боугуань яньцзю. 1995. № 3. С. 74–85.
25. У Сун. Бохай вэньхуа лайюань яньцзю – и каогу цзыляо вэйчжунсинь: цзилиньдасюе боши сюевэй бие луньвэнь (Изучение истоков бохайской культуры по археологическим материалам: докторская диссертация). Чанчунь: Цзилиньдасюе, 2019.
26. Фу Тун. Нинъаньши Хунцзуньюйчан бохай муди чжэнди дэ дидянь таоци (Некоторые керамические сосуды из бохайского могильника Хунцзуньюйчан в уезде Нинъань) // Бэйфан вэнь. 2004. № 4. С. 43.
27. Ху Сюцзе. Ляодинь шици цидань нюйчжэньцзю гуалэнци яньцзю (Изучение сосудов с дольчатым орнаментом периодов Ляо и Цзинь) // Бэйфан вэнь. 1996. № 2. С. 39–42.
28. Хуа Ян. Бохай муцзан яньцзю: цзилиньдасюе боши сюевэй бие луньвэнь (Исследование погребений Бохая: докторская диссертация). Чанчунь: Цзилиньдасюе, 2015.
29. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу гунцзодуй, Цзилиньдасюе лишиси каогу чжуань. Хэйлунцзян дуннинисянь дачэньцзы бохайму фацзюе цзяньбао (Краткий отчет о раскопках бохайского могильника Дачэньцзы в уезде Дуннин провинции Хэйлунцзян) // Каогу. 1982. № 3. С. 275–280.
30. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзян нинъаньши Хунцзуньюйчан муди дэ фацзюе (Раскопки на могильнике Хунцзуньюйчан в уезде Нинъань провинции Хэйлунцзян) // Каогу. 1997. № 2. С. 1–16.
31. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзяншэн муданьцзян хуалинь шичангоу муди (Могильник Шичангоу в пос. Хуалинь городского округа Муданьцзян провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнь. 1991. № 4. С. 57–66.
32. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзян хайлинь бэйчжань бохайму шицзюе (Раскопки бохайского могильника Бэйчжань в уезде Хайлинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнь. 1987. № 1. С. 32–33.
33. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзяншэн хайлинь эрдаохэцзы бохай муцзань (Бохайский могильник Эрдаохэцзы в уезде Хайлинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнь. 1987. № 1. С. 34–37.
34. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзяншэн хайлинь эрдаохэцзы каогу дяоча (Археологическое изучение территории п. Эрдаохэцзы уезда Хайлинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэнь. 1991. № 1. С. 10–16.

35. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзяншэн хайлиньши янцаогоу муди дэ фаццзюе (Раскопки на могильнике Янцаогоу в уезде Хайлинь провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэньу, 1998. № 3. С. 28–40.
36. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзян учанши сяньшуйхэ муди фаццзюе цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Сяньшуйхэ в уезде Учан провинции Хэйлунцзян) // Каогу. 2016. № 4. С. 45–62.
37. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Нинъань хунцзуньюйчан: ицзюцзюэр – ицзюцзюу няньду бохай муди каогу фаццзюэ баогао (Хунцзуньюйчан, Нинъань: отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992–1995 гг.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2009.
38. Хэйлунцзяншэн вэньу каогу яньцзюсо. Хэйлунцзяншэн нинъаньшидунляньхуацунь бохай муцзан (Бохайское погребение в с. Дунляньхуа уезда Нинъань провинции Хэйлунцзян) // Бэйфан вэньу. 2003. № 2. С. 31–32.
39. Цзилинь боугуань. Цзилиньшэн Цзяохэши Цидаохэцунь бохай цзяньчжу ичжи цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках остатков бохайского сооружения в с. Цидаохэ уезда Цзяохэ провинции Цзилинь) // Каогу. 1993. № 2. С. 134–140.
40. Цзилиньдасюе бяньцзян каогу яньцзю чжунсинь, Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, Яньбянь чжаосьяньцзу цзычжичжоу боугуань, Хэлунши вэньу гуаньлисо. Цзилинь хэлун «хэнаньтуньгучэн» фуча цзяньбао (Краткий отчет о повторном обследовании «городища Хэнаньтунь» в уезде Хэлун провинции Цзилинь) // Вэньу. 2017. № 12. С. 4–18.
41. Цзилиньшэн вэньу гунцзодуй, Цзилиньши боугуань, Юнцзисянь вэньуцзюй. Цзилинь Юнцзи янтунь ичжи дисаньси фаццзюе (Третий сезон раскопок памятника Янтунь в уезде Юнцзи провинции Цзилинь) // Каогу. 1991. Вып. 7. С. 23–50.
42. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо. Цзилинь юнцзи чалиба мохэ муди (Мохэский могильник Чалиба в уезде Юнцзи провинции Цзилинь) // Вэньу. 1995. № 9. С. 29–47.
43. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо. Цзилиньшэн вэньу каогу дэ шицзи хуэйгу юй чжаньван (Ретроспектива столетия археологии провинции Цзилинь и ее перспективы) // Каогу. 2003. № 8. С. 3–11.
44. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, Антусянь вэньгуаньсо. Цзилинь аньтусянь чжунпин ичжи фаццзюе (Раскопки на памятнике в с. Чжунпин уезда Аньту провинции Цзилинь) // Бэйфан вэньу. 2007. № 4. С. 13–23.
45. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, Дуньхуаши вэньу гуаньлисо. Цзилинь дуньхуаши людиншань муцзюнь эрцяньюсынянь фаццзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могильника Людиншань в уезде Дуньхуа провинции Цзилинь в 2004 г.) // Каогу. 2009. № 6. С. 3–14.
46. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, Дуньхуаши вэньу гуаньлисо. Людиншань бохай муцзан: эрцяньюсы – эрцяньюцзю нянь цинли фаццзюэ баогао (Бохайский могильник Людиншань: отчет об обследовании и раскопках в 2004–2009 гг.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2012.
47. Цзилиньшэн вэньу каогу яньцзюсо, Яньбянь чаосьяньцзу цзычжичжоу вэньу гуаньли вэйюаньхуэй баньгунши. Цзилинь хэлунши лунхай бохай ванши муцзан фаццзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил королевской семьи Бохая в Лунхае, уезд Хэлун, провинция Цзилинь) // Каогу. 2009. № 6. С. 23–39.
48. Цзилиньшэн вэньучжи бяньвэйхуэй. Хэлунсянь вэньучжи (Описание культурных ценностей уезда Хэлун). Чанчунь, 1984.
49. Цзилиньшэн вэньучжи бяньвэйхуэй. Хуньчуньсянь вэньучжи (Описание культурных ценностей уезда Хуньчунь). Чанчунь, 1984.
50. Чан Чжичян. Муданьцзян лянхуа шуйку яньмоцзюй каогу фаццзюе (Раскопки в зоне затопления водохранилища Лянхуа в г. Муданьцзян) // Хэйлунцзян шичжи. 2014. № 24. С. 18.
51. Чжан Сиьин. Хуньчунь Мадида бохай тацзи цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках фундамента бохайской пагоды Мадида в г. Хуньчунь) // Боугуань яньцзю. 1984. № 2. С. 91–94.
52. Чжао Цзюньцзе, Ма Цинлинь. Хэлун лунтоушань муцзюнь лунхай муцзюй дэ шидай цзи сянгуньвэньти (Датировка захоронений района Лунхай могильника Лунтоушань в уезде Хэлун и связанные с этим вопросы) // Дисаньцзе Гаогоули Бохай яньцзю Циннаньсюечжэ Гунцзофан сюешу яньтаохуэй луньвэньцзи. Чанчунь, 2021. С. 202–228.
53. Чжу Гочэнь, Чжу Вэй. Бохай ицзи (Бохайские памятники). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2002.
54. Чжунго шэхуэй кэсюеюань каогу яньцзюсо. Людиншань юй бохайчжэнь – тандай бохайго-дэ гуйцзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь: кладбище аристократии и остатки столичного города государства Бохай эпохи Тан). Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997.

55. Чжэн Юнчжэнь. Хэлун лунхай гуцзи дяоча цзяньбао (Краткая заметка об исследовании памятников в районе Лунхай, уезд Хэлун). Яньцзи, 1981. (препринт)

56. Яньбянь боугуань, Хэлунсянь вэньу гуаньлисо. Цзилиньшэн хэлунсянь бэйда бохай муцзан (Бохайский могильник Бэйда в уезде Хэлун провинции Цзилинь) // Вэньу. 1994. № 1. С. 35–44.

57. Яньбянь боугуань. Дунцин бохай муцзан фацзюе баогао (Отчет об археологических раскопках бохайского могильника Дунцин) // Бохай муцзан яньцзю. Вып. 11. Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 251–288.

58. Яньбянь боугуань. Хэлунсянь лунхай бохай муцзан (Бохайские погребения в районе Лунхай, уезд Хэлун) // Боугуань яньцзю. 1983. № 3. С. 74–79.

59. Яньбянь чаосяньцзу цзычжичжоу боугуань, Хэлунсянь вэньхуагуань. Хэлун бэйда бохай муцзан цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках бохайского могильника Бэйда в уезде Хэлун) // Дун бэй каогу юй лиши. 1982. № 1. С. 200–208.

60. Яньбянь чаосяньцзу цзычжичжоу вэньу гуаньли вэйюаньхуэй, Яньбянь чаосяньцзу цзычжичжоу боугуань. Цзилиньшэн хэлун лунху бохай муцзан (Бохайские захоронения в районе Лунху, уезд Хэлун провинции Цзилинь) // Боугуань яньцзю. 1993. № 1. С. 73–78.

61. Яньбянь чжаосяньцзу цзычжичжоу боугуань. Бохай чжэнь-сяо гунчжуму фацзюе цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы бохайской принцессы Чжэнь-сяо) // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. 1982. № 1. С. 174–180.

62. Яньван гунлу фацзюедуй. Чжунпин бохай муцзан цинли цзяньбао (Краткий отчет об исследовании бохайского могильника Чжунпин) // Бохай муцзан яньцзю. Вып. 11. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 2000. С. 289–297.

REFERENCES

1. 王志刚, 2014. «冢上作屋»的考古学诠释 – 渤海墓上建筑研究 [The archaeological interpretation of «building house over the tumulus» – a study of the aboveground structures of Bohai tombs], 考古, no. 6, pp. 78–91. (in Chinese)

2. 王承礼, 曹正榕, 1961. 吉林敦化六顶山渤海古墓 [The ancient Bohai tombs on Liuding Mountain, Dunhua, Jilin], 考古, no. 6, pp. 298–301. (in Chinese)

3. 王承礼, 1979. 敦化六顶山渤海古墓清理发掘记 [A report on research and excavation of ancient Bohai tombs on Liuding Mountain, Dunhua], 社会科学战线, no. 3, pp. 200–210. (in Chinese)

4. 王承礼, 1957. 敦化六顶山渤海古墓群调查简记 [A brief note on the survey of ancient Bohai tombs on Liuding Mountain, Dunhua]. In: 吉林省文物工作通讯. 长春, 1957, pp. 32–36. (in Chinese)

5. 王承礼, 1962. 吉林省牡丹江上游渤海遗址调查记 [A note on the investigation of Bohai sites in the upper reaches of Mudanjiang River, Jilin], 考古, no. 11, pp. 575–580. (in Chinese)

6. 魏存成, 1981. 渤海王室贵族墓葬 [The tombs of Bohai royal family and nobles]. In: 中国考古学年会第三次会议年会论文集. 北京: 文物出版社, 1981, pp. 258–264. (in Chinese)

7. 魏存成, 2008. 渤海考古 [The archaeology of Bohai]. 北京: 文物出版社. (in Chinese)

8. 魏存成, 2008. 渤海墓葬的整体面貌和主要特征 [The overall appearance and main features of Bohai burials], 东北史地, no. 4, pp. 15–19. (in Chinese)

9. 魏存成, 2014. 渤海墓葬演变与渤海初期人口的民族构成 [The evolution of Bohai tombs and the ethnic composition of the population in early Bohai state], 吉林大学社会科学学报, no. 2, pp. 122–128. (in Chinese)

10. 郭文魁, 1973. 和龙渤海古墓出土的几件金饰 [Several pieces of gold ornaments from Bohai tombs in Helong], 文物, no. 8, pp. 41–62. (in Chinese)

11. Ivliev, A.L., 1989. Issledovanie bokhaiskikh pogrebenii v Severo-Vostochnom Kitae (po materialam stat'i Chzen Yunchzhenya) [The study of Bohai burials in Northeast China (based on the article of Zheng Yongzhen)]. In: Novye materialy po srednevekovoi arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok, 1989, pp. 12–25. (in Russ.)

12. 尹郁山, 1990. 吉林永吉县查里巴村发现二座渤海墓 [Two Bohai burials discovered in Chaliba, Yongji, Jilin], 考古, no. 6, pp. 574–576. (in Chinese)

13. 李正凤, 李强, 1986. 吉林龙井英城渤海古墓 [Yingcheng Bohai burial in Longjing, Jilin], 博物馆研究, no. 1, pp. 78–79. (in Chinese)

14. 李正凤, 李强, 1986. 吉林龙井富民渤海古墓 [Fumin Bohai burial in Longjing, Jilin], 博物馆研究, no. 1, pp. 80–81. (in Chinese)

15. 刘晓东, 2012. 渤海王陵及相关问题续论 [Continuing discussion on Bohai royal tombs]

and related issues], 北方文物, no. 3, pp. 40–49. (in Chinese)

16. 吕遵禄, 1962. 黑龙江宁安、林口发现的古墓葬群 [Ancient burials discovered in Ning'an and Linkou, Heilongjiang], 考古, no. 11, pp. 581–584. (in Chinese)

17. 吉林市博物馆, 1987. 吉林永吉杨屯大海猛遗址 [Dahaimeng ancient site in Yangtun, Yongji, Jilin], 考古学集刊, no. 5, pp. 120–151. (in Chinese)

18. 庞志国, 柳岚, 1983. 抚松县前甸子渤海古墓清理简报 [A brief report on the excavation of Bohai burial in Qiantianzi, Fusong], 博物馆研究, no. 3, pp. 80–83. (in Chinese)

19. 彭善国, 王乐乐, 2021. 渤海葬俗举隅 [Examples of Bohai burial customs], 地域文化研究, no. 5, pp. 86–91. (in Chinese)

20. 彭善国, 2010. 蛟河七道河村渤海遗址属性辨析 [The analysis of the character of Bohai site in Qidaohe, Jiaohe], 东北史地, no. 3, pp. 17–18. (in Chinese)

21. 孙秀仁, 金太顺, 2012. 黑龙江省海林市山咀子渤海墓葬 [Bohai tombs in Shanzuizi, Hailin, Heilongjiang], 北方文物, no. 1, pp. 11–26. (in Chinese)

22. 孙秀仁, 1979. 略论海林山咀子渤海墓葬的形制、传统和文物特征 [A brief discussion of the form of burials, traditions and characteristics of cultural relics of Bohai burial ground in Shanzuizi, Hailin]. In: 中国考古学会第一次年会论文集. 北京: 文物出版社, 1979, pp. 429–436. (in Chinese)

23. 陶刚, 1980. 牡丹江市郊南城子调查记 [On the investigation of Nanchengzi ancient town in the suburb of Mudanjiang City]. In: 黑龙江省博物馆学会成立纪念文集. 哈尔滨: 黑龙江省文物出版编辑室, 1980, pp. 43–46. (in Chinese)

24. 图珲铁路发掘队, 1995. 吉林省图们市凉水果园渤海墓葬清理简报 [A brief report on the excavation of Bohai burials in Liangshuiguoyuan, Tumen, Jilin], 博物馆研究, no. 3, pp. 74–85. (in Chinese)

25. 武松, 2019. 渤海文化来源研究 – 以考古资料为中心: 博士学位毕业论文 [The study of the origins of Bohai culture basing on archaeological data: a doctoral thesis]. 长春: 吉林大学. (in Chinese)

26. 付彤, 2004. 宁安市虹鳟鱼场渤海墓地征集的几件陶器 [Several pieces of pottery collected from Bohai burials in Hongzunyuchang, Ning'an], 北方文物, no. 4, p. 43. (in Chinese)

27. 胡秀杰, 1996. 辽金时期契丹女真族瓜棱器研究 [The study of Khitan and Jurchen vessels during the Liao and Jin dynasties], 北方文物, no. 2, pp. 39–42. (in Chinese)

28. 华阳, 2015. 渤海墓葬研究: 博士学位毕业论文 [The study of Bohai tombs: a doctoral thesis]. 长春: 吉林大学. (in Chinese)

29. 黑龙江省文物考古工作队, 吉林大学历史系考古专业, 1982. 黑龙江东宁县大城子渤海墓发掘简报 [A brief report on the excavation of Bohai burials in Dachengzi, Dongning, Heilongjiang], 考古, no. 3, pp. 275–280. (in Chinese)

30. 黑龙江省文物考古研究所, 1997. 黑龙江宁安市虹鳟鱼场墓地的发掘 [Excavation of Bohai burials in Hongzunyuchang, Ning'an, Heilongjiang], 考古, no. 2, pp. 1–16. (in Chinese)

31. 黑龙江省文物考古研究所, 1991. 黑龙江省牡丹江桦林石场沟墓地 [Shichanggou cemetery in Hualin, Mudanjiang, Heilongjiang], 北方文物, no. 4, pp. 57–66. (in Chinese)

32. 黑龙江省文物考古研究所, 1987. 黑龙江海林北站渤海墓试掘 [The excavation of Bohai burials in Beizhan, Hailin, Heilongjiang], 北方文物, no. 1, pp. 32–33. (in Chinese)

33. 黑龙江省文物考古研究所, 1987. 黑龙江海林二道河子渤海墓葬 [Bohai burials in Erdaohezi, Hailin, Heilongjiang], 北方文物, no. 1, pp. 34–37. (in Chinese)

34. 黑龙江省文物考古研究所, 1991. 黑龙江省海林二道河子考古调查 [Archaeological survey in Erdaohezi, Hailin, Heilongjiang], 北方文物, no. 1, pp. 10–16. (in Chinese)

35. 黑龙江省文物考古研究所, 1998. 黑龙江省海林市羊草沟墓地的发掘 [Excavation of Bohai burial ground in Yangcaogou, Hailin, Heilongjiang], 北方文物, no. 3, pp. 28–40. (in Chinese)

36. 黑龙江省文物考古研究所, 2016. 黑龙江五常市香水河墓地发掘简报 [A brief report on the excavation of Xiangshuihe burial ground, Wuchang City, Heilongjiang], 考古, no. 4, pp. 45–62. (in Chinese)

37. 黑龙江省文物考古研究所, 2009. 宁安虹鳟鱼场 – 1992–1995年度渤海墓地考古发掘报告 [Hongzunyuchang, Ning'an: a report of archaeological excavations of Bohai burials, 1992–1995]. 北京: 文物出版社. (in Chinese)

38. 黑龙江省文物考古研究所, 2003. 黑龙江省宁安市东莲花村渤海墓葬 [Bohai burial in Donglianhua Village, Ning'an, Heilongjiang], 北方文物, no. 2, pp. 31–32. (in Chinese)

39. 吉林博物馆, 1993. 吉林省蛟河市七道河村渤海建筑遗址清理简报 [A brief report on the excavation of the remains of Bohai building in Qidaohe, Jiaohe, Jilin], 考古, no. 2, pp. 134–140. (in Chinese)

40. 吉林大学边疆考古研究中心, 吉林省文物考古研究所, 延边朝鲜族自治州博物馆, 和龙市

- 文物管理所, 2017. 吉林和龙“河南屯古城”复查简报 [A brief overview of «Henantun townsite» in Helong, Jilin], 文物, no. 12, pp. 4–18. (in Chinese)
41. 吉林省文物工作队, 吉林市博物馆, 永吉县文化局, 1991. 吉林永吉杨屯遗址第三次发掘 [The third season of excavation of Yangtun site, Yongji, Jilin], 考古学集刊, no. 7, pp. 23–50. (in Chinese)
42. 吉林省文物考古研究所, 1995. 吉林永吉查里巴鞑鞑墓地 [Mohe burial ground in Chaliba, Yongji, Jilin], 文物, no. 9, pp. 29–47. (in Chinese)
43. 吉林省文物考古研究所, 2003. 吉林省文物考古的世纪回顾与展望 [A hundred years of archaeology in Jilin province: history and prospects], 考古, no. 8, pp. 3–11. (in Chinese)
44. 吉林省文物考古研究所, 安图县文管所, 2007. 吉林安图县仲坪遗址发掘 [The excavation of Zhongping site, Antu, Jilin], 北方文物, no. 4, pp. 13–23. (in Chinese)
45. 王洪峰, 杜运发, 2009. 吉林敦化市六顶山墓群2004年发掘简报 [A brief report on the 2004 excavation of Liudingshan burial ground, Dunhua, Jilin], 考古, no. 6, pp. 3–14. (in Chinese)
46. 吉林省文物考古研究所, 敦化市文物管理所, 2012. 六顶山渤海墓葬: 2004–2009年清理发掘报告 [Report of excavations of Bohai burials on Liuding Mountain, 2004–2009]. 北京: 文物出版社. (in Chinese)
47. 吉林省文物考古研究所, 边朝鲜族自治州文物管理委员会办公室, 2009. 吉林和龙市龙海渤海王室墓葬发掘简报 [A brief report on the excavation of Bohai royal tombs in Longhai, Helong, Jilin], 考古, no. 6, pp. 23–39. (in Chinese)
48. 吉林省文物志编委会, 1984. 和龙县文物志 [Cultural relics of Helong County]. 长春. (in Chinese)
49. 吉林省文物志编委会, 1984. 珲春县文物志 [Cultural relics of Hunchun County]. 长春. (in Chinese)
50. 常志强, 2014. 牡丹江莲花水库淹没区考古发掘 [Archaeological excavations in the submerged area of Lianhua reservoir in Mudanjiang], 黑龙江史志, no. 24, p. 18. (in Chinese)
51. 张锡瑛, 1984. 珲春马滴达渤海塔基清理简报 [A brief report of the excavation of Madida tower base of Bohai State in Hunchun], 博物馆研究, no. 2, pp. 91–94. (in Chinese)
52. 赵俊杰, 马庆林, 2021. 和龙龙头山墓群龙海墓区的时代及相关问题 [The age of the burials in Longhai area of Longtoushan burial ground in Helong and related issues]. In: 第三届高句丽渤海研究青年学者工作坊学术研讨会会议论文集. 长春, pp. 202–228. (in Chinese)
53. 朱国忱, 朱威, 2002. 渤海遗迹 [Historical remains of Bohai]. 北京: 文物出版社. (in Chinese)
54. 中国社会科学院考古研究所, 1997. 六顶山与渤海镇 – 唐代渤海国的贵族墓地与都城遗址 [Liudingshan and Bohaizhen: aristocratic cemetery and the remains of Bohai capital city during Tang dynasty]. 北京: 中国大百科全书出版社. (in Chinese)
55. 郑永振, 1981. 和龙县龙海古迹调查简记 [A brief note on the investigation of Longhai sites in Helong]. 延吉. (preprint) (in Chinese)
56. 延边博物馆, 和龙县文物管理所, 1994. 吉林省和龙县北大渤海墓葬 [Bohai burials in Beida, Helong, Jilin], 文物, no. 1, pp. 35–44. (in Chinese)
57. 延边博物馆, 2000. 东清渤海墓葬发掘报告 [Report on excavation of Bohai graves in Dongqing]. In: 渤海墓葬研究. 第11期. 长春: 吉林人民出版社, 2000, pp. 251–288. (in Chinese)
58. 延边博物馆, 1983. 和龙县龙海渤海墓葬 [Bohai burials in Longhai, Helong], 博物馆研究, no. 3, pp. 74–79. (in Chinese)
59. 延边朝鲜族自治州博物馆, 和龙县文化馆, 1982. 和龙北大渤海墓葬清理简报 [A brief report on the excavation of Bohai burials in Beida, Helong], 东北考古与历史, no. 1, pp. 200–208. (in Chinese)
60. 延边朝鲜族自治州文物管理委员会, 延边朝鲜族自治州博物馆, 1993. 吉林省和龙龙海渤海墓葬 [Bohai burials in Longhu, Helong, Jilin], 博物馆研究, no. 1, pp. 73–78. (in Chinese)
61. 延边朝鲜族自治州博物馆, 1982. 渤海贞孝公主墓发掘清理简报 [A brief report on the excavation of the tomb of Bohai Princess Zhenxiao], 社会科学战线, no. 1, pp. 174–180. (in Chinese)
62. 延汪公路发掘队, 2000. 仲坪渤海墓葬发掘简报 [A brief report on the excavation of Bohai burials in Zhongping]. In: 渤海墓葬研究. 第11期. 长春: 吉林人民出版社, pp. 289–297. (in Chinese)

ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ ПИЩА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

В статье на основе полевых материалов автора и опубликованных в научной литературе сведений рассматривается роль пищи в базовых обрядах селькупской культурной традиции. Обрядовая пища селькупов делится на два типа – жертвенную пищу для духов и пищу для людей. Главный смысл кормления духов состоит в проявлении уважения, благодарении, задабривании и получении от них желаемого участия или неучастия в человеческой жизни. Человеческая трапеза несет в себе смысл сопричастности отмечаемому в обряде событию.

Ключевые слова: селькупы, обрядовая пища, кормление духов, поминовение усопших

Traditional ritual food of the Northern Selkups. OLGA B. STEPANOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

Based on the author's field materials and data from research literature, the article examines the role of food in the basic rites of Selkup cultural tradition. Selkup ritual food is divided into two types – sacrificial food for spirits and food for people. The main meaning of feeding spirits is to show respect, thank, appease them and obtain from them the desired participation or non-participation in human life. Sharing food with people carries the meaning of providing participation in the celebrated event.

Keywords: Selkups, ritual food, feeding of spirits, remembrance of the dead

Сегодня под влиянием процессов урбанизации традиционная культура – главный фактор, определяющий этническое самосознание коренных народов Севера – стремительно меняет свою конфигурацию, ее новые формы создаются на базе сохраненного знания о прошлом [9]. Фиксация старых, растворяющихся в уходящем времени элементов культуры – важная задача, стоящая перед учеными. Данная статья посвящена обрядовой пище северных селькупов – компоненту традиционных обрядов, который в настоящее время активно включается в структуру современных национальных

праздников. В экспедициях последних десяти лет автором были собраны материалы о роли пищи в селькупских обрядах почитания духов *порге* («идолов»), погребальном обряде, на поминках по убитому медведю, на празднике встречи перелетных птиц. Помимо полевых материалов исследование опирается на сведения, почерпнутые из научной литературы – трудов А.В. Головнева [1], Е.Д. Прокофьевой [5; 6; 7; 8], Г.И. Пелих [3], Р.А. Ураева [15], П.И. Третьякова [14], И.Н. Гемуева [2], О.Е. Пошехоновой [4], О.Б. Степановой [13], а также теоретические разработки В.Я. Проппа [9].

* СТЕПАНОВА Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: stepanova67@mail.ru

© Степанова О.Б., 2024

В 2023 г. автору впервые удалось присутствовать на обряде кормления *порге* у селькупов Среднего Таза на р. Парусовой. *Порге* было несколько. Одно из них представляло собой женщину – *Има-кота*, Хозяйку земли, Среднего мира, покровительницу людей [10]. Оно было вырезано на стволе древней березы, стоящей в месте истока реки Парусовой из озера Има-то, и его возраст немногим уступал возрасту дерева. Кроме того, под священной березой с изображением *Има-кота* было зарыто еще три идола (домашних духа, тоже называемых *порге*). По словам хранителя, его предшественники закопали духов для того, чтобы те не попали в руки к чужим людям и не были уничтожены. Произошло это, когда шаманы и «все священные обряды» подвергались гонениям. Во время обряда проводилось кормление всех четырех названных духов и духа огня.

Кормление было нацелено на задабривание духов, чтобы они благоволили людям. Считается, что дух, которого люди не кормят, обходят своим вниманием, о котором не заботятся, становится опасным и будет мстить, вредить и строить козни людям. Обряд проводил хранитель *порге*, хозяин промысловых угодий на Парусовых озерах Илья Владимирович Тамелькин.

Метрах в десяти от священной березы, на которой находилось *порге Има-кота*, присутствующие раскатали снегоходами и расчистили лопатами от снега площадку. В центре площадки из привезенных дров и сухой травы развели костер¹. Тамелькин, в парадных кисах и малице, почистил двух свежих щук на привезенной к месту обряда нарте, насадил их на рожны и поставил запекаться над костром. Щучьи потроха он положил на горящие угли. Потроха, как он сказал, предназначались для угощения бабушке – духу огня, *Туй имья*: «*А бабушка у нас – костер, это хранительница очага дома, мы должны ее сейчас накормить, одобрить, в ямку поставить... Она – огонь! Мы ее по-селькупски называем бабушка-костер, она тебя кормит, греет, согревает очаг, она хранительница тоже огня. Также мы же обряд производим через огонь. Как будто сейчас будем ее кормить*» (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2023 г., Красноселькупский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

¹ Обряд кормления *порге* Тамелькин совершает несколько раз в году – всякий раз, когда к нему на угодыя приезжают давно не навещавшие его родственники или гости.

Когда зять Тамелькина протоптал дорожку к священной березе и очистил изображение *Има-кота* от снега, Илья Владимирович подошел к *порге*, налил в три пластиковых стаканчика водку и поставил их в сугроб слева от *порге*, каждый стаканчик накрыл куском хлеба и кружочком колбасы. Как он объяснил, таким образом происходило кормление трех родовых идолов, которые были закопаны под березой. Духа *Има-кота* предполагалось накормить через огонь: «*А эту бабуку мы сейчас в костер закроем*» (ПМА. 2023 г., Красноселькупский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). После угощения невидимых духов все присутствующие на обряде люди завязали разноцветные ленточки на ветвях священной березы и росших рядом ее молодых побегов и вслед за этим вернулись на расчищенную площадку.

Кормление духов, заключенных в *порге*, происходило через костер, помимо того кормили снова всех остальных духов. Через огонь отправили духам оленьё мясо, запеченную щуку, водку и конфеты: «*Наши предки вот это все сырое кушали, это у них лакомое было. У нас и мороженное, и сырое кушают. Вот я им жертвую, я вам говорю, тут у меня четыре идола, им хватит всем. Костер надо кормить, они же мясо любят. В оленине кровь, мясо. Со стойбища в это место приходят – там юкола, жир, мясо, что есть – костер кормят, духа огня. Бабушка до того любит щуку кушать, говорит, вы мне дайте, я ее возьму в землю, не уроню, это дух огня*» (ПМА. 2023 г., Красноселькупский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). Умиловив духов, присутствующие собрались вокруг превращенной в стол нарты и приступили к еде: «*Сейчас духа огня накормили, ну, давайте, теперь мы будем кушать*» (ПМА. 2023 г., Красноселькупский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). В процессе еды участники обряда, обращаясь к духам, высказывали разные свои пожелания.

Подобный обряд кормления домашних и вырезанных на деревьях духов когда-то широко практиковался всеми селькупками. Способы кормления различались, жертвенной пищей могли выступать уха и дым, некоторым духам мазали рот рыбой, другим закладывали в мешок, где они хранились, кусочки сала и т.д. Жертвы в виде еды подносились «идолам» на всенародных календарных празднествах (например, весной, в начале промыслового сезона) и ситуативно, в узком семейном кругу (во время болезни,

при благополучном исходе родов и пр.) или в небольшой компании промысловиков (если в сети не заходила рыба).

Следующие два ритуала, связанные с пищей, относятся к обрядам, «регулирующим» отношения селькупов с умершими², они были зафиксированы автором в экспедиции 2022 г. в с. Толька (Пуровской р-н). В первом из них девушка, которая приехала в свое село после многолетнего отсутствия, как только переступила порог дома родственников, бросила в огонь домашнего очага кусочек сливочного масла и вылила стопку водки. Через огонь – канал связи с потусторонним миром – она отправила угощение своим умершим родным, чем поприветствовала их и сообщила о своем приезде.

Второй ритуал почитания умерших близких эта же девушка совершала на кладбище, он происходил с участием автора и еще одного информанта. Для «адресного» посещения была выбрана могила давно усопшей молодой женщины, приходящейся информантам родственницей и подругой. Кладбище, по представлениям селькупов, – это место обитания духов, в которых превращаются умершие в момент смерти, пересекая границу земного и потустороннего миров; жилищем им там служат гробы. С одной стороны, умершие – это старшие члены рода, с которыми их живые потомки поддерживают связь, которых почитают и – поскольку они являются также и обладающими сверхъестественными способностями духами – на помощь которых рассчитывают в трудных жизненных ситуациях. С другой стороны, покойники, как и все духи, создают для живых смертельную опасность, так как «могут позвать с собой», если они соскучились или чем-то обижены. Задабривают и умилостивляют духов-покойников в первую очередь угощением, а для обеспечения своей безопасности ритуал проводят по определенному канону.

Подойдя к могиле, мы обошли ее по солнцу (по часовой стрелке), совершая поклоны на каждом углу. Затем взяли низенький селькупский столик *тонтыпо*, прислоненный к стволу дерева, растущего рядом с могилой, поставили его у могилы и выложили на него принесенную еду. Открыв небольшое квадратное окошко в торце домовины, в головах, которое закрывалось вырезанной по его размерам и форме деревянной «затычкой», мы поздоровались с умершей. Ин-

² Эти обычаи входят в комплекс ритуалов погребального обряда.

форманты назвали это окошко «окном в земной мир», через которое живые общаются с мертвыми. Несмотря на то, что при жизни хозяйка могилы не курила, первым из принесенных даров к ее окошку была положена зажженная сигарета: «Кладут всем – курящим, некурящим. Кладут одну, и надо прикурить» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). Вслед за сигаретой для покойницы перед окошком на землю поставили угощение: «Сейчас сначала ее угостить надо, а потом уже мы» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). В угощение входил хлеб, сливочное масло, колбаса, конфеты, но обязательными элементами поминальной пищи были только чай (мы принесли его в термосе и налили в пластиковую чашку) и водка. Водка принципиально наливалась в стопку «от себя», «через руку», таким движением селькупы всегда наливают алкоголь покойникам. После этих действий – пока умершая ела поставленную ей пищу – надлежало общаться, разговаривать с ней, вспоминать случаи из ее жизни. Минут через десять – время определялось по догоревшей сигарете, которую якобы «скурила» покойница – информанты заявили, что она все съела, и ее еда была обновлена: в данном ритуале селькупы угощают усопших в два этапа. Первая порция еды при этом убирается, выливается (тем же способом – «через руку»). Когда еще примерно через десять минут, которые прошли в общении с умершей, ею была «съедена» вторая порция пищи, мы смогли приступить к трапезе сами. Наш набор пищи был тот же самый, но трапеза умерших и живых радикально разграничивалась по дислокации еды не только во времени, но и в пространстве: мы ели за столиком *тонтыпо*. За едой мы разговаривали на тему селькупских погребальных традиций.

В завершении обряда мы выполнили еще ряд обязательных действий: допили алкоголь и специально оставили открытой пустую бутылку (ее запрещается закрывать даже тогда, когда она еще не допита³); вылили «через руку»

³ «У нас крышку не закрывают, не закупоривают, пустую. Это уже в мусор с собой забираешь, просто не закрывают. Крышку от алкоголя именно. Вообще не закрываешь, когда она пустая, всегда. Сам ты пьешь или добавляешь и не закрываешь. Мама говорила, надо не закрывать, а то задохнешься или что там. Закроешь алкоголь, они с собой заберут, все говорят, с собой заберут, или задохнешься, что одно и то

напитки, налитые покойнице; собрали, чтобы унести на помойку, мусор, в который вошли бутылка из-под алкоголя, еда, которую мы клали к могильному окошку, остатки нашей еды, одноразовая посуда; попрощались с умершей, обойдя могилу теперь уже против часовой стрелки (против солнца) и поклонившись на каждом ее углу, и разложили принесенные конфеты у окошек соседних могил, выказав уважение другим покойникам.

В прошлом селькупы не навещали своих умерших родных, однако большинство нынешних селькупов поменяли свою традиционную позицию по этому вопросу. Они поминают умерших близких, приходя на кладбища, в одном варианте, по православному календарю, – в родительские дни, в другом – осенью и весной, когда распускаются или опадают листья на деревьях.

В дополнение описания обряда поминовения умерших следует сделать одно замечание. По мнению селькупов, духи-покойники любят угощаться человеческой пищей и могут невидимо явиться за ней в жилище человека (если кладбище рядом или на улице темно и т.д.). Чтобы обезопасить себя от такой угрозы, селькупы соблюдают определенные правила. «Когда кто-то отлучился ненадолго из-за стола, за которым сидел и ел, на его тарелку с едой или чашку с чаем сверху надо положить нож – значит, не покойнику поставлено. Это делают, чтобы покойник не подумал, что это поставили для него, чтобы не трогал» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). «Нельзя лежать в чуме, если другие сидят и едят, потому что получается аналогия с покойником – покойник на поминках тоже лежит, и рядом с ним люди сидят, едят, его поминают; нарушение этого правила грозит смертью» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). В последнем примере говорится о недопустимом способе принятия пищи, который может привлечь в жилище покойника.

В 2015 и 2022 гг. в с. Толька были записаны сведения о пище, которая фигурировала в обряде, приуроченном к празднику встречи перелетных птиц. Информантами стали старики, до сих пор соблюдающие старинные традиции этого праздника, и представители среднего поколения толькинцев, помнящее, как отмечали прилет птиц их родители.

же» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

С прилетом первых уток на них устраивалась охота. Добытых уток чистили, варили, звали гостей, выставляли угощение духам и первый раз после длинной, тяжелой зимы наедались досыта сами. По представлениям селькупов, их жизнь напрямую зависела от щедрости и расположения духов, которые посылали им с неба на землю пропитание: уток и гусей, рыбу и зверя, ягоду. Духов угощали, «чтобы они людям благоволили», «чтобы уток было много, и охота в этот год была удачной», «чтобы показать, что мы, селькупы, живы, помним свои обычаи, помним своего бога и приносим ему дар» (ПМА. 2015 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Духов угощали различными способами, и их пища отделялась от той, которую употребляли люди. Божествам предназначались сердца или желудки, или половинки сердец и половинки печени семи сваренных уток, насаженные на прутики. Этот дар клали на отдельный стол или уносили в лес и укладывали на ветви березы. «Богу на стол» ставили семь чашек с бульоном – утиный бульон в этот день был обязательным блюдом⁴. В некоторых семьях бульон в тарелке помещали на столике *тонтыпо* у задней стенки чума, покрытие чума при этом откидывали, или столик с бульоном устанавливали снаружи чума на две нарты. Селькупы Верхнего Таза кормили духов, выливая бульон в костер. Где-то духам наливали семь рюмок алкоголя. Если лежал снег, наполняли им ведро и оставляли на улице – чтобы пили летящие утки⁵. Угостив божеств, селькупы ели сами: на их «утином столе» присутствовал тот же утиный бульон и вареные утки, уложенные на большую тарелку, а также бражка. После еды косточки первых уток собирали в пакет, уносили в лес и вешали на дерево. Они не должны были достаться собакам, «иначе неудача в жизни будет» (кости уток, добываемых впоследствии, уже разрешалось отдать собакам). В этот же пакет складывали

⁴ Первые сведения о празднике встречи птиц были собраны автором в 2012 г.: «Наш старик имел обычай: первая утка летит, он ее добывает, толпу соберет, праздник сделает. Кружку утинового жира (бульона) в костер выливал – угостить-то огонь нужно» [12, с. 127].

⁵ Ряд мифологических данных позволяет считать, что одной из ипостасей главного селькупского божества – старухи *Илынтель котта*, бросающей людям с неба через отверстие размером с головку веретена пропитание, была утка [6, с. 56–58; 7, с. 113].

вали «съеденную» духами пищу – прутики с нанизанными сердцами, желудками и печенью. Предназначенный для духов бульон и алкоголь выливались под дерево.

По сведениям нескольких информантов, данный обряд представлял собой поминки по добытым уткам, и, как и поминки по умершему человеку, проводился людьми старшего поколения: «Уток постреляем, почистим, поедем, потом поминки устраиваем, бражку ставим на стол. Косточки уток соберем и на дерево повесим – так их захоранивают. Бульон на стол ставят и гостей зовут. Это кто постарше должен делать – пятьдесят, шестьдесят лет» (ПМА. 2015 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). «Как на поминках стол накрывается, потом кушают, а потом вот эти кости собирают, в лес выносят и на дерево вешают. Потроха, не потроха, а кости, крылья, все, что осталось. Вот то, что сварили, скушали, а все, что не съели, в лес вынесли» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). То есть в обряде встречи перелетных птиц сочетается кормление и благодарение духов с расчетом на их будущую щедрость и поминки по убитым уткам. Захоронение костей съеденных уток на дереве имело также мифологический смысл сохранения и умножения численности этого вида животных для будущего их использования человеком.

Автору удалось найти и сфотографировать полиэтиленовые мешочки с утиными костями и крыльями, висящие на сучках деревьев в лесу на краю Тольки (Рис. 1). В настоящее время Центры национальных культур Пуровского и Красноселькупского районов возрождают праздник встречи перелетных птиц в новых – сценических – формах.

Рис. 1. Полиэтиленовые мешочки с утиными костями, висящие на сучках деревьев на краю с. Толька (Пуровская), Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ. 2022 г.
Фото О.Б. Степановой

Традиция почитания охотничьего животного в качестве духа на устраиваемых после его добычи поминках соблюдалась селькупами и в отношении медведя. После добычи медведя обязательно проводился обряд, который имел значение поминок и нес ряд других смыслов.

Тушу убитого медведя разделявали, при этом кровь животного старались не пролить на землю. Кости разделяли только по суставам, их нельзя было дробить, ломать или перерубать. Части туши отдавали для еды родственникам. Голову медведя на семь дней оставляли в *сыт-кы* – священной части чума, по истечении этого срока ее варили и устраивали общую трапезу, в которой первым кормили медведя – ему в качестве угощения ставили чашку с бульоном: «Голову со шкурой в чуме ставили, рядом стол ставили: как человек сидит. Потом уже шкуру снимали. На стол угощенье ставили. Прощались с медведем»; «Медведя убьют – чашку ставят. Голову сварят в котле, все кушают. Бульон в чашке медведю ставят» (ПМА. 2015 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Когда ели медвежье мясо, извинялись перед медведем, «чтобы он на охотника обиды не держал», и перекладывали вину за его убийство на третье лицо. Е.Д. Прокофьева записала у селькупов два варианта извинительных речевых формул, в них ответственность возлагалась на орла и ружье русских охотников: «Младший брат мой! Не гневайся на меня, это не я убил тебя, а стрела воткнулась в тебя, так как перья орла направили ее в тебя. Это орел убил тебя». И другой вариант: «Русское ружье убило тебя, а не я» [5, с. 367]. По материалам автора, собранным в Тольке, толькинские селькупы вместо себя обвиняли в убийстве медведя ворон: «Мажут себе лицо сажей и, когда мясо медведя начинают кушать, кричат “Кук! Кук!”, мол, это не мы тебя едим, это вороны тебя едят» (ПМА. 2008 г., Красноселькупский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ); «Когда медведя кушают, говорят “Куюк!” и мажут нос углем, мол, черный медведя кушает» (ПМА. 2015 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). По замечанию информантов, это делалось не только в извинительных целях, но и для того, «чтобы не нападали на жратву» (ПМА. 2015 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ), т.е. и в этом элементе обряда селькупы проявляли почтение к медведю.

Родственники, съевшие мясо с розданных частей медвежьей туши, обязаны были вернуть

дарителю кости. «Кости надо вернуть тому человеку, который медведя стрелял» (ПМА. 2013 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). По окончании обряда кости и череп, перевязанный кедровым корнем, оставляли на чердаке или на лабазе или складывали в берестяной короб, уносили в лес и вешали на развилку дерева, то есть надлежащим образом захоранивали, иногда череп хоронили на столбе (*порэ*) [1, с. 235–236]. Способ разделки туши, ее использования и захоронения костей говорил о том, что медведя отправляли в мир, из которого он пришел, с надеждой на его возрождение, перерождение. В частности, таким способом селькупы «обеспечивали» сохранение медвежьей популяции⁶. Захоронение останков медведя «наверх» также защищало процесс возрождения медведя от внешнего вмешательства: «Главное, чтобы собака кости не достала» (ПМА. 2022 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Согласно взглядам селькупов на устройство мира, душа человека после смерти «вселялась» в медведя и проживала новую жизнь в медвежьей облике, медведь представлялся инобытийной формой человеческого существования. По окончании срока пребывания в инобытии душа возвращала себе человеческий вид. Обряд, проводящийся после убийства медведя, начинался с гадания на медвежьей лапе, во время которого определялось, кто из умерших родственников пожаловал в гости к людям, кто пришел, чтобы возродиться в младенце своего же рода. То есть обряд представляет собой не только поминки, но и праздник, знаменующий перерождение медведя и встречу пришедшего в земной мир нового ребенка-сородича. Этот смысл подтверждается аналогией старых, забытых деталей обряда с обрядовыми действиями, проводившимися у селькупов в прошлом после рождения ребенка. По материалам Р.А. Ураева, в 1950-х гг. у тымских селькупов рядом с лежащей в *сыткы* головой медведя-самца клали игрушечные лук и стрелы, а голова медведицы украшалась бисером, лентами и тряпками [15, с. 84]. Те же детали присутствуют в зафиксированном Г.И. Пелих обряде, которым селькупы отмечали рождение ребенка: если рождалась

девочка, бросали в воду на ближайшем водоеме косу из травы, а при рождении мальчика – маленький лук со стрелами [3, с. 333].

Структура «медвежьего» обряда, включающая особый способ разделки туши по суставам без пролития крови на землю, поминки по умершему медведю и встречу нового члена рода, в которого переродился медведь, позволяет усложнить трактовку роли обрядовой пищи. В момент смерти, представлявшейся селькупам как переход границы земного и потустороннего миров, тело умершего поедалось/пережевывалось духом-предком-пограничником (в животном или антропоморфном облике). На границе (в челюстях духа) тело теряло свою целостность, а, попав в другой мир, восстанавливало ее, после чего переход считался завершенным⁷. Следовательно, весь обряд воспроизводил традиционную схему перехода из одного мира в другой, а пища в нем имитировала поедание переходящего границу объекта духом-пограничником.

Схема перехода умершим человеком границы миров посредством его пережевывания духом-предком-пограничником повторяется в селькупском погребальном обряде, поскольку он тоже включает в себя элементы трапезы (мертвеца и живых людей). Эту схему в обряде отражает также сохранившаяся до наших дней традиция порчи одежды покойного и его личного имущества, которое отправляют вместе с ним на тот свет: одежду и постельные принадлежности надрывают, разрезают, подпарывают, в посуде пробивают дырки, надламывают нарты, лыжи. В момент перехода не только человек, но и его имущество пережевывается духом и теряет свою целостность. Согласно одному из вариантов селькупских представлений о потустороннем мире, «в нем все сломанное, испорченное» (подробнее см.: [13, с. 113–138]).

Для любого селькупского обряда характерно присутствие параллельных смыслов, когда одни и те же элементы трактуются по-разному. Двойные смыслы не мешают друг другу и часто являются взаимодополняющими. Трапезы покойника и живых людей в погребальном обряде информанты, как правило, объясняют просто

⁶ Подобным образом селькупы поступают и с рогами забитых оленей: кладут их на крышу дома, сарая, что согласно селькупским мифологическим представлениям будет способствовать воспроизводству и умножению стада.

⁷ Трактовать эти элементы обряда именно таким образом позволяет применение к ним теории В.Я. Проппа о русском духе-пограничнике Бабе Яге Костяной Ноге, поедающей/угощающей сказочных героев, которые идут в потусторонний мир за волшебной помощью [9; 13, с. 113–138].

почитанием мертвых. По данным Е.Д. Прокофьевой, пока умерший лежал в жилище, ему ставили пищу в то же время, когда ели сами, но при этом сначала кормили умершего. После трапезы его еду выливали, бросали в огонь [8, с. 70]. На кладбище забивали одного из оленей, на котором везли гроб с покойным, голову оленя отделяли и клали на гроб, шкуру снимали и вешали на дерево или на установленный рядом с могилой шест, мясо варили в котле. Когда мясо было готово, начиналась трапеза. «Около могилы и гроба ставили покойнический столик, на котором рядами раскладывали кусочки мяса, сала и костного мозга. Посредине столика ставили чашку с супом... Присутствующие на похоронах садились вблизи этого столика, но ничего с него не брали и не ели. Считалось, что это угощение для самого умершего и всех ранее умерших родных... Остатки угощения, а также все, что было на столике умершего, бросали в костер» [8, с. 72]. Кроме того, каждый присутствующий выливал в огонь чашку чая, бросал кусочек сахара, пряник и т.д.

Поскольку умершие воспринимались как духи, от которых исходила опасность для живых, предлагаемая духам во время погребального обряда пища выполняла, как и в некоторых других рассмотренных обрядах, функцию их задабривания. Умилостивление духов могло «не сработать», и покойник, по разным причинам, мог «позвать за собой» в мир мертвых душу какого-то живого родственника. Тогда угощению, поставленному покойному, отводилась роль приманки, на которую ловилась сбегавшая душа. Когда покойник лежал в доме, возле него всю ночь дежурил шаман; увидев приближившуюся к его еде душу, он узнавал ее (душа была точной копией своего хозяина), хватал и возвращал обратно человеку, которому она принадлежала (если душа покидала человека безвозвратно, тот умирал) [7, с. 124]. В левых материалах автора есть история о том, что на похоронах в 1971 г. подобным образом шаман ловил душу женщины, увиденную ее мужем-покойником (ПМА. 2014 г., Пуровский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Итак, в исследовании были рассмотрены сохранившиеся селькупские обряды⁸, содержа-

щие в своей структуре элемент принятия пищи, и выявлены его закономерности. В обрядах присутствует пища двух типов – та, которой угощаются духи, и та, которую едят люди. Поскольку, по представлениям селькупов, человеческая жизнь целиком зависит от воли духов и их сверхъестественных способностей, в число причин, по которым угощаются духи, входят почитание, проявление уважения, благодарение, задабривание и получение от них желаемого вмешательства или невмешательства в жизнь человека. Также пища может служить приманкой, на которую ловится душа, сбегавшая от живого хозяина. Духи обычно получают жертвенную пищу до того, как садятся есть люди. Человеческая трапеза несет смысл сопричастности отмечаемому в обряде событию: на похоронах люди печалются и поминают умершего, на праздниках – радуются и выражают надежду на лучшее. В обряде, проводящемся после добычи медведя, и в погребальном обряде на трапезы людей и духов проецируется мифологическая схема перехода душой человека границы миров через поедание/пережевывание его духом-предком-пограничником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
2. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984.
3. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972.
4. Пошехонова О.Е., Адаев В.Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 127–136.

лечения болезней шаманы, в особо тяжелых случаях, заключали сделку с болезнетворным духом и от имени семьи больного совершали обряд принесения ему в жертву оленя [11, с. 218]. Однако то, как совершалась эта жертва, доподлинно неизвестно. Можно считать жертвой кровь оленя, которой шаман мазал больное место пациента после камлания, и тогда неясно, что делали с оленьей тушей. Но также вероятно, что олень посвящался духу болезни бескровно, впоследствии он просто жил в стаде, его запрещалось забивать и использовать как ездовое животное. Не исключен и третий вариант – полноценное кормление духа болезни оленьим мясом, например, через бросание мяса в костер, однако сведений такого рода не сохранилось.

⁸ В данной статье не рассматривалась роль пищи в родильном и свадебном обряде, поскольку они давно не практикуются селькупами, а сохранившиеся о них сведения недостаточно для какого-либо анализа. Кроме того, есть сведения, что во время

5. Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 335–375.
6. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 20. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 54–74.
7. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
8. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005.
10. Степанова О.Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 52–55.
11. Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 365–374.
12. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 124–131.
13. Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
14. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. СПб.: Типография В. Безобразова, 1871.
15. Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Труды Томского государственного областного историко-архитектурного музея. Т. 7. Томск: ТГУ, 1994. С. 73–85.
1. Golovnev, A.V., 1995. Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN. (in Russ.)
2. Gemuev, I.N., 1984. Sem'ya u sel'kupov (XIX – nachalo XX v.) [The Selkup family (XIXth – early XXth centuries)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
3. Pelikh, G.I., 1972. Proiskhozhdenie sel'kupov [The origin of the Selkups]. Tomsk: TGU. (in Russ.)
4. Poshekhonova, O.E. and Adaev, V.N., 2016. Pogrebal'naya i pominal'naya pishcha v severosel'kupskom zakhoroneniі XIX v.: opyt etnoarkheologicheskogo analiza [Burial food and funeral feast remains from a XIXth century Northern Selkup grave: an attempt of ethnoarchaeological analysis], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 3, pp. 127–136. (in Russ.)
5. Prokof'eva, E.D., 1949. Kostyum sel'kupskogo (ostyako-samoedskogo) shamana [The costume of a Selkup (Ostyak-Samoyed) shaman]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. 11. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949, pp. 335–375. (in Russ.)
6. Prokof'eva, E.D., 1961. Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov) [The worldviews of the Selkup shamans (based on Selkup drawings and watercolors)]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. 20. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961, pp. 54–74. (in Russ.)
7. Prokof'eva, E.D., 1976. Starye predstavleniya sel'kupov o mire [Selkup old notions of the world]. In: Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 106–128. (in Russ.)
8. Prokof'eva, E.D., 1977. Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkup]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. 33. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 66–79. (in Russ.)
9. Propp, V.Ya., 2005. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Moskva: Labirint. (in Russ.)
10. Stepanova, O.B., 2006. Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze sel'kupov [Evil or kind: to the issue of the main mythological figure of the Selkups], Omskii nauchnyi vestnik, no. 8, pp. 52–55. (in Russ.)
11. Stepanova, O.B., 2018. Otnosheniya gosudarstva i korenykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom raione YaNAO [The relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the XXIst century in Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug], Vestnik ugrovedeniya, no. 2, pp. 365–374. (in Russ.)
12. Stepanova, O.B., 2014. Severnye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale

REFERENCES

odnogo interv'yū [Northern Selkups: the system of traditional views in the mirror of one interview], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 2, pp. 124–131. (in Russ.)

13. Stepanova, O.B., 2008. Traditsionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and soul]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russ.)

14. Tret'yakov, P.I., 1871. Turukhanskii krai, ego priroda i zhiteli [The Turukhansk region, its nature and people]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Bezobrazova. (in Russ.)

15. Uraev, R.A., 1994. Materialy k shamanizmu tymских sel'kupov (po dannym ekspeditsii 1956 g.) [Materials on the shamanism of the Tym Selkups (according to the expedition of 1956)]. In: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo oblastnogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya. T. 7. Tomsk: TSU, 1994, pp. 73–85. (in Russ.)

Л.Н. Хаховская*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СДВИГИ В ТРАДИЦИОННОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА: ОТ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА К КЛЕТОЧНОМУ ЗВЕРОВОДСТВУ

В статье прослеживаются причины, ход и итоги кардинального этнокультурного сдвига в традиционном природопользовании коренного населения Крайнего Северо-Востока – перехода от пушной охоты к клеточному звероводству. Залогом развития этой инновационной для региона отрасли должна была стать дешевая кормовая база (отходы от морского зверобойного промысла) и наличие значительного числа незанятого коренного населения. Ожидался рост рентабельности за счет поступления большой массы клеточной пушнины. Однако развитие отрасли не было в должной степени обеспечено техническими средствами. Обилие кормов не гарантировало их сохранность и свежесть. На зверофермах преобладал тяжелый физический труд, отрасль постоянно испытывала нехватку кадров, при этом большую часть работников составляли приезжие жители. Прекращение поддержки со стороны государства в постсоветское время привело к полной ликвидации отрасли.

Ключевые слова: Крайний Северо-Восток, природопользование, коренное население, советская экономика, пушной промысел, клеточное звероводство

Ethnocultural shifts in traditional environmental management of the Far North-East of Russia: from fur hunting to fur farming. LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article traces the causes, course and results of a fundamental ethnocultural shift in the traditional environmental management of indigenous population of the Far North-East of Russia – the transition from fur hunting to fur farming. Cheap food supply (waste from marine hunting) and the presence of a significant number of unemployed indigenous people were seen as key factors to the growth of this innovative industry. However, its development was not adequately supported by technical means. The abundance of food supply did not guarantee its preservation and freshness. Due to hard physical labor that prevailed on fur farms, they constantly experienced a shortage of personnel, while most of the workers were non-residents. The cessation of state support in the post-Soviet era led to the complete liquidation of the industry.

Keywords: Far North-East of Russia, environmental management, indigenous population, Soviet economy, fur hunting, fur farming

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2024

Традиционное природопользование коренного населения Крайнего Северо-Востока (современные Магаданская область и Чукотский автономный округ) издавна включало такое хозяйственное занятие, как охота на пушных зверей. В период интеграции региона в состав Российского государства отрасль долгое время развивалась достаточно интенсивно, однако во второй половине XX в. постепенно начала угасать, что привело к ее директивной замене на клеточное звероводство. Разведение пушных зверей в клетках рассматривалось как социально значимая сфера для коренных народов, поэтому ее развитие поддерживалось органами советской власти даже вопреки экономической целесообразности. В данной статье прослеживаются причины, ход и итоги этого кардинального этнокультурного сдвига в традиционном природопользовании. Источниковой базой исследования послужил значительный пласт архивных материалов, отложившихся в результате деятельности хозяйственных, партийных и советских органов Магаданской области и Чукотки, а также материалы периодической печати. По данной теме имеется достаточно широкий круг научной литературы [1; 2; 4; 9 и др.]. В то же время актуальность нашему исследованию придает возможность детально проследить ход трансформации данных отраслей на широком хронологическом отрезке, в том числе технико-технологические, социальные и этнические аспекты модернизации.

В досоветское время пушная охота коренного населения Крайнего Северо-Востока России в значительной мере стимулировалась характером межэтнических взаимодействий. С самого начала освоения региона русские землепроходцы и сами стремились за пушной добычей, и способствовали быстрому развитию промысла у местного населения. Основную массу российских товаров коренные жители выменивали у купцов именно на меха. Длительное время главными поставщиками пушнины на Крайнем Северо-Востоке были эвены Охотско-Колымского региона, охотившиеся на белку, горностаю, соболя. Привычный нам облик эвенского гардероба, в котором широко использованы ткань, бисер, металл, формировался в ходе таких обменных операций. Охотничий промысел кочевых коряков не имел существенного значения, так как основное внимание представители этого этноса уделяли оленеводству. Продажа пушнины происходила на летних ярмарках, при выходе ко-

чевников на Охотское побережье; часть сырья кочевники продавали купцам в селениях и заимках в бассейне р. Колыма. В хозяйстве верхнеколымских якутов охота играла второстепенную роль. Якуты, проживающие на Охотском побережье, не столько сами добывали пушных зверей, сколько скупали меха у кочевников.

В Охотско-Колымском регионе сформировался слой зажиточных оленеводов и торговцев из числа коренного населения, которые активно участвовали в обменных операциях, «кредитовали» малоимущих охотников ружьями, капканами, боеприпасами, лахтачьей шкурой на подошвы, получая взамен половину добываемой пушнины [9, с. 123]. В первой четверти XX в., как свидетельствуют архивные документы, на Охотском побережье в обменные операции включились японские рыбопромышленники, самым ходовым товаром здесь стал спирт (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 3. Л. 269). В качестве оружия кочевые эвены и оседлые жители Охотского побережья использовали преимущественно русские берданки военного образца, а также американские дробовики и винчестеры.

На Чукотке в XIX – начале XX вв. действовали американские промышленники, которые выменивали у местного населения пушнину. Оседлые и кочевые чукчи, чуванцы приобщались к пушному промыслу, основными объектами охоты здесь были песец и лисица. На первом месте по доходности у многих оседлых коренных жителей стояла именно торговля мехами, которые они получали как собственной охотой, так и обменом с кочевниками [10, с. 174]. Вследствие достаточно длительного обмена преимущественно с американской стороной у коренного населения Чукотки сформировалась привычка использовать винчестеры производства США.

Одним из первых мероприятий советской власти в регионе стало постановление Далькрайисполкома, запрещавшее скупку пушнины частными торговцами (ГАМО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 5. Л. 148). Монополию на торговлю мехами государство забирало в свои руки. В 1923–1924 гг. учреждаются пушные фактории Охотско-Камчатского акционерного рыбопромышленного общества (ОКАРО) и Дальгосторга в селениях Охотского побережья, а позднее на Чукотке. Органы советской власти стремились перехватить каналы скупки пушнины, которые до начала 1930-х гг. продолжали находиться в ру-

ках оседлых торговцев и крупных оленеводов. На Охотском побережье часть пушнины, как и прежде, через японских сезонных рабочих уходила контрабандой за рубеж.

Со стороны органов власти в первоначальный советский период работа по развитию пушного промысла заключалась только в скупке мехов. Расчеты со сдатчиками пушнины часто осложнялись отсутствием на местах необходимых товаров. Тем не менее, стремясь увеличить заработок, охотники увеличивали давление на природную среду. Усиленная добыча отрицательным образом сказалась на состоянии запасов пушных животных. Уже в первые советские десятилетия повсеместно отмечался упадок пушного промысла из-за увеличения объема добычи, улучшения качества огнестрельного оружия. Имелись и другие причины. Так, резкое уменьшение популяции лисиц произошло вследствие применения недоброкачественного японского стрихнина (ГАМО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 5. Л. 222об.).

Коллективизация положила конец экономической самостоятельности коренного населения в сфере пушного промысла. С 1930-х гг., при переходе к плановой экономике, органы власти стали уделять этой отрасли большое внимание, так как пушнина давала государству валютные поступления, необходимые для ускоренной индустриализации. Длительное время северные колхозы выполняли государственные задания только по поставкам пушнины, остальные отрасли были направлены главным образом на самообеспечение.

В Охотско-Колымском крае промысловые угодья располагались в континентальной части региона, в бассейнах крупных рек и их притоков. Основными объектами добычи, как и прежде, здесь были белка, горностай, в меньшей степени – лисица. На Чукотке наиболее удобные охотничьи места располагались вдоль морского побережья и крупных лагун, в речных долинах, по берегам крупных озер. Здесь обитали песец и лисица, на которых шла основная охота. Добыча таких животных, как волк, россомаха, белый и бурый медведи, заяц, стояла на втором плане (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 93. Л. 54, 55).

В береговых селениях были организованы фактории, кооперативы и приемные пушные пункты. Для того, чтобы коренные жители понесли пушнину на обмен в эти вновь организованные структуры советской власти, нужно было заинтересовать их продажей соответству-

ющих товаров, которые в этот период у ответственных работников получили наименование «туземный ассортимент». Наиболее востребованными были кухонная утварь (кастрюли, котлы, чайники, чашки и блюда, ножи), ружья и боеприпасы к ним, продукты (табак, кирпичный чай, галеты). В первые годы советской власти пушные заготовки на Крайнем Северо-Востоке, в особенности на Чукотке, выполнялись с большим трудом именно из-за недостатка товаров этого ассортимента.

Попытки государственной власти интенсифицировать пушной промысел в 1930-е гг. сталкивались с рядом материальных, организационных и инфраструктурных ограничений. Охота на основных пушных зверей – песца и лисицу – велась главным образом с помощью капканов. Для того, чтобы зверь посещал места, где выставлены капканы, необходимо с поздней осени раскладывать там подкормку. На подкормку шли отходы туш морских животных и, в некоторых случаях, оленей. Таким образом пушных зверей, склонных к широким миграциям, закрепляли на ограниченных промысловых угодьях. Охотники на промысле нуждались в отапливаемых жилых помещениях, где они могли ночевать и пережидать ненастье. Также охотникам нужны были продукты и корм для собак, на которых они объезжали угодья. На всех этих направлениях постоянно выявлялись существенные недостатки, что вело к срыву планов пушных заготовок.

Завозились капканы низкого качества, со слабыми пружинами, отсутствовала подкормка, недостаточно было охотничьих избышек в местах промысла, снабжение охотников не отвечало их требованиям: «Капканы такого качества, что зверь из них бежит, и справедливо ругаются охотники, считая нас в этом отношении бессильными»; «Песца не подкармливали, и он ушел в тундру... Отсутствие охотизбушек также сказалось на ходе охоты. Песец ушел в тундру. Были бы избышки, это дало бы возможность охотникам углубляться в тундру, а при отсутствии их уходить далеко от своей яранги охотник не решается. Строительству избышек не придали того значения, которое оно заслуживает. О снабжении. В ряде точек нет сахара, керосина, угля. Из-за этого охотник не может оставаться долго на охоте даже при наличии охотизбушек. Просидит он в такой холодной избышке день и бежит в ярангу отогреться» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 22. Л. 10, 18, 19).

На Охотском побережье в торговых организациях зачастую нельзя было приобрести теплую одежду, валенки для промысловиков. Из-за нехватки продуктов охотники в самых острых случаях были вынуждены забивать ездовых оленей, на которых они объезжали участки. Как отмечали партийные руководители, «на этой почве и недоразумения в том, что пушнина не отоваривается ... Вопрос о жизни охотников, о создании им условий для лучшей охоты заслуживает особого внимания» (ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

Большие убытки обеим сторонам приносило низкое качество песцового меха, причиной чему стало вскрывшееся отсутствие навыков обработки у охотников-промысловиков, прежде всего чукотских: «В охотсезон 1937/38 г. ... к сожалению, качество песка чрезвычайно низкое [из-за] ... отсутствия знаний у охотников о правильности съемки, правки, сушки и обезжиривки шкурки»; «Охотники Чукотки, сдавая пушнину, ежегодно теряют более 100 тыс. руб. из-за неумения правильно обезжиривать и правильно снимать шкуру зверя. Пушная контора на этом деле теряет не меньше, а еще больше. Если же сюда, на Чукотку, завести специалистов-пушников и обучить охотников, как нужно снимать и обезжиривать, то только одно это мероприятие повысит ценность нашей пушнины на 10–15%» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 38. Д. 19, 37); [3].

В целом в довоенное время пушной промысел развивался в инерционном русле, заданном предшествующими историческими обстоятельствами, поэтому некоторые руководящие работники уже во второй половине 1930-х гг. пришли к выводу о необходимости замены охотничьего промысла разведением пушных зверей в клетках: «Нам нужно уже перейти от простого сбора хвостов пушнины к правильному культурному звероводству. Включить в план капстроительства зверопитомники по разведению черно-серебристой лисицы и голубого песка в Марковском или Восточно-Тундровском районах. Организовать колхозное звероводство белого песка» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 38. Л. 37). Однако наступившая война отодвинула реализацию этих планов.

В годы Великой Отечественной войны промысловая пушнина Крайнего Северо-Востока опять вышла на первый план местного традиционного природопользования по приносимой валютной выручке, которая шла на поддержку сражающейся страны: «На чукотскую пушнину

государство покупает вооружение – танки, самолеты и цветные металлы». Был выдвинут лозунг «Дать как можно больше пушнины нашей родине для разгрома коварного врага – немецкого фашизма» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 97. Л. 62). Колхозы и совхозы получили оборонное задание по добыче и сдаче пушнины государству. На повестке дня стояла задача мобилизовать на промысел как можно больше представителей коренного населения, включая подростков и женщин: «Надо привлекать новый круг охотников и уже сейчас это мероприятие себя оправдало. Белку и женщина может промысливать. Так мы и сделали в результате [на конец января 1942 г.] вместо 5 тысяч белок имеем 8 тысяч. ... Участие школьников старших классов в этом большом деле [необходимо]. Каждый школьник должен иметь капканы» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 97. Л. 18, 62). Кроме того, привлекались пастухи оленеводческих бригад, которые в свободное от дежурства время выставляли и проверяли капканы.

Инфраструктурные и организационные задачи перед отраслью стояли все те же: привлечение новых промысловиков, расширение зоны подкормки зверя, строительство избышек, снабжение продуктами и инвентарем. В сезон 1942/1943 гг. на Чукотке насчитывалось 1400 охотников, и этого было недостаточно для опромысливания огромной территории. Дело осложнялось тем, что в оленеводческих колхозах Чукотки некоторые бригады охотников вели промысел, кочуя вместе со стадами, с семьями, перевоза громоздкие яранги. Такой образ хозяйствования ограничивал их мобильность, сковывал движение по охотничьим угодьям. Ставилась задача придать таким охотникам бытовую самостоятельность, обеспечив их палатками и железными печами (ГАМО. Ф. П-39. Оп. 4. Д. 7. Л. 24).

Также охотники были недостаточно обеспечены орудиями лова на песка и лисицу, в среднем у промысловика имелось по 27 черканов и 7 капканов, что было крайне мало (ГАМО. Ф. П-39. Оп. 4. Д. 8. Л. 48об.). Не у всех охотников было мелкокалиберное оружие на белку, а имеющиеся ружья в значительной мере были старыми, с изношенными стволами. Также не хватало патронов. Поэтому в охоте на белку стали применять петли, плашки и даже луки. На местах организовали перезарядку мелкокалиберных патронов (ГАМО. Ф. П-39. Оп. 4. Д. 12. Л. 3об.).

Наряду с этим, многое зависело от добросовестности самих промысловиков. Зачастую они вели промысел «старыми методами»: «... Имеется немало случаев, когда песца отстреливают. Отсутствует всякая борьба за качество пушнины» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 6, 48). Некоторые охотники ставили капканы, не слезая с нарты, эффективность таких ловушек была низкой (ГАМО. Ф. П-39. Оп. 4. Д. 7. Л. 9об.). Промысловики Охотско-Колымских колхозов (Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский районы) не проживали постоянно в местах промысла, а очень часто возвращались в село. Промысел они вели не так интенсивно, как того требовали производственные планы: вместо 30–40 капканов ставили лишь 5–8, а также, по давно сформировавшейся привычке, настораживали несколько самострелов, что было запрещено законом (ГАМО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 4. Л. 38об.). Все эти факторы приводили к нестабильным результатам промысла.

В 1950-х гг. на заготовку пушнины на Чукотке ежегодно выходило около 1,3 тыс. промысловиков, а в Охотско-Колымском крае – около 300 чел. (ГАМО. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 64. Л. 31). При этом пушные заготовки оставались единственным видом государственных заготовок коллективных хозяйств. В 1951 г. правительство повысило заготовительную стоимость пушнины в 2 раза, что увеличило заинтересованность охотников в результатах промысла (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 455. Л. 49). Также проводились мероприятия, призванные увеличить поголовье зверя: запрет добычи на определенный срок и завоз привозной пушной фауны для размножения [7].

К концу 1950-х гг. возможности развития пушного промысла в значительной мере были исчерпаны. Ожидаемого восстановления основной дикой фауны не наступило. Промысловая инфраструктура развивалась слабо, так как требовала больших затрат и модернизации, на которые у колхозов не было средств. Выявились демографические проблемы: шло старение кадров охотников, уменьшалось число промысловиков-профессионалов. Молодежь не спешила пополнять ряды промысловиков, в связи с чем контингент кадровых охотников постоянно уменьшался.

В 1960-х гг. число промысловиков значительно снизилось – на Чукотке на охоту выходило немногим более 900 чел., в Охотско-Колымском регионе – около 200 чел. Большое значение

для развития этой отрасли хозяйства приобрел личностный фактор. Основными кадровыми промысловиками в эти годы и в дальнейшем являлись те коренные жители, для которых охота составляла неотъемлемую часть их образа жизни. Из-за отсутствия притока людей новые промысловые угодья практически не осваивались. Охотники не уделяли внимания средствам пассивного лова (настораживание пастей на песца и лисицу, черканов на горностая), навыки изготовления этих орудий молодежь осваивала неохотно, надеясь на огнестрельное оружие и привозные капканы (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 851. Л. 36).

В 1970-х гг. планы заготовок промысловой пушнины из года в год не выполнялись. Причиной такого положения, как видно из документов, являлось отсутствие у руководителей хозяйств «желания заниматься этим делом», о чем некоторые откровенно и говорили (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 310. Л. 13). Действительно, в совхозах, нацеленных на постоянное достижение планов развития таких ресурсоемких отраслей, как оленеводство, рыболовство и морской зверобойный промысел, пушная охота отходила на задний план. К тому же требовалось внимание к альтернативной отрасли – клеточному звероводству. В итоге промысел, по сути, был отдан «на откуп» самим охотникам, в рядах которых оставались самые опытные профессионалы. За счет своих навыков и упорства они могли добиться успеха даже в сложной обстановке.

Для менее опытных людей охота была хлопотным и затратным занятием, успех в котором зависел от многих факторов, а доход отнюдь не был гарантирован. Поэтому многие молодые люди из числа коренного населения предпочитали трудовую занятость со стабильным заработком, организация которой находилась в ведении совхоза, а не являлась в значительной степени личной инициативой работника: «Не идет молодежь в охотники. Все больше к технике тянется. Тот трактористом, тот шофером, тот дизелистом становятся» [6].

В позднесоветский период быстрыми темпами менялся и этнический состав промысловиков: на смену коренным жителям приходили приезжие. В центральных районах Колымы уже в 1960-х гг. до 60% пушнины поставляли охотники-любители, промышлявшие вблизи населенных пунктов [2, с. 210], как правило, не коренные, а приезжие жители. Существенную роль в стагнации пушного промысла сыграли

крайне низкие закупочные цены, даже после их повышения в 1965 и 1968 гг. Средние цены шкурок промысловой пушнины в 1969 г. составляли: белка – 2 руб. 50 коп., лисица – 18 руб., выдра – 34 руб., ондатра – 1 руб. 10 коп., горностаи – 4 руб. 50 коп., заяц – 70 коп., соболь – 37 руб., песец – 36 руб. (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 917. Л. 108). В результате доходы от промысла почти не превышали расходы и пушной промысел находился в разряде убыточных отраслей [9, с. 127].

В позднесоветское время в сфере охоты, в отличие от других традиционных отраслей, проявились теневые рыночные отношения. Часть шкурок охотники не сдавали заготовительным организациям, как были обязаны по договору, а продавали частным лицам или же расплачивались ими за оказанные услуги бартером: «Порой администрация некоторых совхозов ставит промысловиков в такие неблагоприятные условия, что им приходится идти на сделку с собственной совестью и расплачиваться ценными шкурками со случайными людьми за помощь, которую обязана оказывать им администрация. ... и дрова на свой участок, и приману, и продукты ему [промысловнику] пришлось завозить «с оказией». Конечно же, не за здорово живешь» [8].

В конце 1980-х гг. руководители Чукотского округа вынуждены были признать плачевное положение дел в отрасли: «К сожалению, охота в округе практически не развивается. Среди охотников Анадырского, Билибинского, Шмидтовского районов лиц коренных национальностей насчитываются единицы» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 22. Д. 1. Л. 37); «Мы в округе имеем, по всей вероятности, самое отсталое охотничье хозяйство в республике. Недоопромышляются массовые виды пушных зверей. Объемы заготовок песца..., к примеру, в сравнении с послевоенными годами снизились в 2 раза... С каждым годом уменьшается приток в отрасль лиц местной коренной национальности» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 22. Д. 3. Л. 55). Так же дела обстояли и в центрально-колымских районах. Руководители видели выход в создании госпромхозов (государственных промысловых хозяйств), но эти планы уже не могли быть воплощены в жизнь.

В период перехода к рынку были разрушены механизмы, которые позволяли существовать охотничьему хозяйству. Прежде всего это касается плановой системы организации промысла

(снабжение оружием, боеприпасами, капканами, продуктами питания, заброска и вывоз охотников на участки). Отмена государственной монополии на пушнину и обязательную ее сдачу государству ликвидировали существовавшую систему закупок и реализации всех видов пушнины. Перестали функционировать пушно-меховые базы, холодильники. В связи с этим состояние охотничьего хозяйства приобрело кризисные черты. Это выразилось в резком спаде объемов добычи, возросших масштабах браконьерства, сужении рынков сбыта.

В постперестроечное время пушная охота стала уделом лишь немногих коренных жителей, которые занимаются ею попутно, в местах рыболовства или кочевания с оленьими стадами. Связано это с крайне дорогим оборудованием и расходными материалами, необходимыми для ведения промысла. Теперь, когда все затраты лежат на самом промысловике, охота не приносит прибыли или же эта прибыль незначительна. Ориентация на внешний спрос, на рынок, которая была присуща пушной охоте в досоветское время, вновь вышла на первый план в рамках нового постсоветского строя. Пушная охота стала сугубо рыночной отраслью, требующей больших организационных и финансовых затрат, поэтому круг охотников крайне ограничен.

Органы власти областного и окружного уровней, стремясь решить проблему угасания пушного промысла радикальным путем, пришли к выводу о целесообразности компенсировать его клеточным звероводством. В послевоенный период эта инициатива по отношению к региону Крайнего Северо-Востока получила поддержку центральных структур. Внедряемая инновация шла вразрез с характером традиционного природопользования и менталитетом коренного населения, которое имело опыт взаимодействия с животными только в естественных ландшафтах, а не в искусственно созданной среде. В то же время, в условиях плановой экономики, данная новация призвана была решить ряд задач экономического и этносоциального характера, накопившихся в регионе.

Разведение пушных зверей должно было способствовать росту рентабельности коллективных хозяйств за счет гарантированного поступления большой массы пушнины в противовес непредсказуемым результатам вольного промысла. Считалось, что залогом окупаемости отрасли станет дешевая кормовая база в виде

продукции морского зверобойного промысла. Этим, кроме того, достигалась полезная утилизация отходов от разделки морских животных: «Благодаря звероводству мы можем превратить малоценную продукцию в дорогой товар – пушнину» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 283. Л. 84).

Второй важнейшей задачей стало трудоустройство большого числа коренных жителей, в первую очередь женщин, которые после социального переустройства оленеводческой отрасли стали «лишними» работниками в тундре и переселились в поселки. Здесь многие из них не могли найти работу, что обуславливало низкий уровень жизни их семей и другие социальные проблемы: «С созданием центральных усадеб колхозов в них появилась полностью незанятая в общественном производстве рабочая сила, особенно женщины» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 21).

Таким образом, во главу угла ставились два основных фактора, на которых должно было базироваться успешное развитие отрасли: наличие свободных рабочих рук и богатых пищевых ресурсов. В звероводческих хозяйствах Чукотки планировалось достигнуть поголовья основного состава в 15 тыс. зверей (серебристо-черных лисиц, песцов и норок), что принесло бы ежегодный доход в 30–40 млн. руб. (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 763. Л. 27). Для сравнения, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. совокупный доход колхозов Магаданской области (включая Чукотку) от сдачи промысловой пушнины составлял лишь 3 млн. руб. в год (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 21). Неудивительно поэтому, что вышестоящие органы сделали ставку на эту отрасль.

Первая звероводческая ферма в регионе была организована в 1951 г. в колхозе «Имени Сталина» Ольского района (Магаданская область) (с. Бараборка). Постановление правительства об организации зверофермы правлением колхоза было воспринято с большим нежеланием. Колхозники длительное время отказывались строить клетки и принимать животных, приготовленных в Хабаровске к отправке (ГАМО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 29. Л. 11). Все же открытие зверофермы состоялось, в 1951 г. сюда завезли 32 головы серебристо-черных лисиц, а годом спустя впервые в регионе был получен приплод в 28 голов. В 1953 г. приплод составил уже 52 головы (ГАМО. Ф. П-16. Оп. 5. Д. 9. Л. 47). Далее зверофермы были созданы в других колхозах Ольского и Северо-Эвенского райо-

нов: «Рассвет» (с. Тауйск), «Пробужденный Север» (с. Армань), «Путь Ленина» (с. Гарманда), «Путь Севера» (с. Тополовка), «Рассвет» (с. Камешки).

К 1955 г. в Магаданской области (включая Чукотку) насчитывалось 11 звероферм, на которых содержалось около 700 голов зверей. Становление отрасли шло трудно. Из-за небеспеченности кормами зверей часто приходилось кормить оленьей – так, в 1957 г. в колхозе «Рассвет» (с. Тауйск) на питание лисиц израсходовали около 3 тонн оленьего мяса. В годы, когда и люди в досталь не видели мяса, это было не только нерентабельным, но и неэтичным. На звероферме колхоза «Пробужденный Север» (с. Армань) кормление зверей велось нерегулярно, не соблюдался рацион питания, нередко пища готовилась некачественно. Лисицы жили в загрязненных клетках, очистка их меха производилась редко. В итоге качество шкурки – прямой показатель того, как содержатся звери – было неудовлетворительным, пушнина сдавалась низким сортом («цветом») [9, с. 130].

Хозяйства были карликовые, затратные, приносили только убытки. В этот период развернулась борьба между партийными и хозяйственными структурами разного уровня вокруг судьбы пушного звероводства. Руководители на местах считали, что обеспечить рентабельность этой отрасли не получится, поэтому всячески саботировали ее развитие. В верхах, напротив, были уверены, что успех придет в результате укрупнения ферм (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 22, 47). Увеличение масштабов звероводства шло преимущественно под нажимом сверху, директивным путем.

В 1958 г. в регионе имелось уже 25 звероферм, но основное поголовье составляли лишь 1359 серебристо-черных лисиц и 60 голубых песцов. Таким образом, численность зверей на одно хозяйство не увеличилась, а уменьшилась. Низким был деловой выход щенят на 1 самку (1,2 щенка вместо плановых 2,1) (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 283. Л. 83). В это время уже выявились негативные явления, которые станут характерными для отрасли на протяжении всего периода ее существования. Несмотря на оптимистические предположения о вовлечении женщин в звероводство, фермы постоянно испытывали нехватку кадров, а имеющиеся работники зачастую проявляли некомпетентность и халатность в работе. Это влекло за собой отсутствие надлежащего ухода за животными, ча-

стые перебои в кормлении, неправильное кормление, витаминное голодание. Плохие условия содержания зверей усугублялись строительными недоработками: клетки и гнезда строились с отступлениями от проектов, были тесными, ненадежными, зимой заносились снегом. Остро стояла проблема снабжения звероферм кормами, в первую очередь белковыми.

Руководители региона, между тем, настаивали на дальнейшем развитии звероводства, поскольку требовалось постоянно увеличивать поставки государству золота и пушнины, а промысел дать эти объемы не мог. Вину за недостатки они возлагали на руководителей среднего и низового уровня: «Особенно много безобразий у нас в клеточном звероводстве. Неудачи с клеточным звероводством – это результат упорного нежелания руководителей колхозов по-настоящему заняться этой отраслью, непонимания ими значения звероводства в настоящих условиях. [Мы] ... не сумели преодолеть явную недооценку этой важнейшей, перспективной отрасли хозяйства со стороны правлений колхозов и сельских первичных партийных организаций» (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 2. Д. 1. Л. 81); «Хорошо будет поставлено клеточное звероводство тогда, когда мы к нему будем относиться так, как в центральных районах относятся к развитию кукурузы» (ГАМО. Ф. П-39. Оп. 5. Д. 29. Л. 63).

В 1960-е гг. окончательно оформилась программная линия руководства региона, обосновывающая необходимость развития клеточного звероводства. Сущность ее заключалась в том, что экономические приоритеты смещались от традиционных отраслей к новационным – пушной промысел давно снизил показатели, а теперь к пределу экономического роста подходила такая важная и «старая» отрасль, как оленеводство: «Слабо опромышляются охотничьи угодья. Сократилась сдача промысловой пушнины. Мы выполняем планы заготовок пушнины за счет домашнего звероводства. Все, что дает весь Чукотский округ [за счет охоты], дает один Магаданский зверосовхоз. ... Оленеводство в росте доходов исчерпывает свои возможности. Для того, чтобы экономически наши колхозы росли неснижающимися темпами, мы должны овладеть природными богатствами наших морей. Сделать морской зверобойный промысел высокодоходным, а на его основе развить крупное и прибыльное клеточное звероводство» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 953. Л. 42, 170).

В итоге был взят курс на дальнейшее укрупнение звероводческих ферм в рамках существующих коллективных хозяйств, а также на специализацию некоторых хозяйств именно на этой отрасли. Хорошим примером достаточно успешного развития стал специализированный зверосовхоз «Магаданский», созданный в 1960 г. в пригороде областного центра. Совхоз был одним из крупнейших поставщиков пушнины в стране, за время своего существования сдавал государству более 40 тыс. шкурок норки и голубого песца, из которых одна треть ушла на экспорт. Карликовый колхоз «Пробужденный Север» был преобразован в звероводческий совхоз «Арманский», специализировавшийся на разведении норки. На территории Чукотского округа специализированные звероводческие структуры не создавались, хотя кормовая база здесь была гораздо более обильной, нежели в Приохотье. Здесь в результате укрупнения хозяйств к началу 1970-х гг. осталось лишь 10 звероводческих ферм (против 25 в 1960-х гг.) с общим поголовьем 5,7 тыс. животных (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 990. Л. 7).

Однако в рамках комплексной экономики, совмещавшей звероводство с другими отраслями, определенную эффективность удалось достигнуть лишь небольшому числу хозяйств. В Охотско-Колымском крае единственным таким хозяйством был колхоз «Рассвет» (Ольский район). При этом рентабельность и у них была невысокой – в 1960-х гг. себестоимость шкурки голубого песца составляла 46 руб. 49 коп., серебристой лисицы – 73 руб. 37 коп., тогда как цена их реализации – соответственно, 58 руб. 20 коп. и 83 руб. 24 коп. (ГАМО. Ф. П-16. Оп. 8. Д. 368. Л. 21). Другие же коллективные хозяйства несли только убытки: так, в колхозе «Герой Труда» (Чукотский район) себестоимость шкурки составляла 112 руб., а реализационная цена всего 27 руб., в итоге звероводство приносило доход 20–25 тыс. руб., а затраты составляли 75–80 тыс. руб. (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 992. Л. 138, 139).

В позднесоветское время масштаб клеточного звероводства на Крайнем Северо-Востоке возрос. Однако те проблемы, которые выявились изначально, не исчезли. Наиболее остро стояли две из них: снабжение кормами и полноценный уход за животными. Время показало, что два главных условия, заложенные в основу отрасли, – «рабочая сила и кормовая база» – не сработали. Основное поступление туш морских животных в колхозах Чукотки в позднесовет-

ский период достигалось за счет покупки китов, добытых сторонними организациями, тогда как собственный промысел лахтака, нерпы, белухи сокращался [4; 5]; (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 325. Л. 12). На Охотском побережье собственная морская охота совхозов угасала еще более быстрыми темпами. Развитию кормовой базы препятствовал также низкий выход продукции из-за отсутствия технологического оборудования по разделке ластоногих (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 11).

Но и при достаточном количестве продукции морского зверобойного промысла сохранить ее на длительное время не удавалось из-за отсутствия холодильных емкостей. Использование же для этих целей природных холодильников – ледников – не являлось решением проблемы, так как в них нельзя было поддерживать стабильную температуру, мясо и жир окислялись, что часто приводило к болезни и даже гибели зверей из-за отравления. Поэтому допускались частые перебои в кормлении, витаминное голодание зверей. Особенно остро эта проблема вставала в теплое время: «Повышение производительности труда и снижение себестоимости [клеточной] пушнины наталкивается на систематические перебои с кормами, особенно весной. <...> это приводит к непоправимым нарушениям в рационах кормления зверей в самый ответственный период щенения и выращивания молодняка» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 1. Л. 71). Руководители некоторых хозяйств даже скармливали животным незаконно выловленную рыбу лососевых пород, оленину и говядину. В некоторых случаях для спасения зверей дирекция была вынуждена завозить корма самолетами (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 905. Л. 53). Себестоимость шкурок при этом возрастала в разы.

Вплоть до конца 1980-х гг. клеточное звероводство рассматривалось как одна из главных сфер приложения труда местного коренного населения, в первую очередь женщин. Однако работа в звероводстве оказалась малопривлекательной из-за преобладания тяжелого физического труда при кормлении и уходе за животными. Вопреки ожиданиям зверофермы постоянно испытывали недостаток кадров. В большинстве совхозов для развития клеточного звероводства не было ни специалистов, ни зоотехнической службы. Передовые хозяйства начали привлекать к работе опытных специалистов из Приморья и Хабаровского края. Именно благодаря их работе

достигли хороших показателей таульский совхоз «Рассвет» и зверосовхозы Колымы. Аналогичным образом стали поступать и на Чукотке: так, в середине 1960-х гг. в колхозе «Маяк Севера» Провиденского района успехов добилась зверовод Тамара Максимова, которая получила по 7,8 щенка от самки песца, и супруги-звероводы Карповы – по 3,4 щенка от штатной самки серебристо-черной лисицы (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 3. Д. 63. Л. 19). Таким образом, ставка на коренных жителей оказалась не вполне оправданной, большую часть специалистов и работников звероферм составляли приезжие жители.

В 1970-х – 1980-х гг. основное поголовье пушных зверей Магаданской области было сконцентрировано в специализированных зверосовхозах «Магаданский» и «Арманский», а в совхозном секторе рентабельной была лишь звероферма совхоза «Рассвет» – одна из лучших в Магаданской области, включая Чукотку. В Северо-Эвенском районе к концу 1970-х гг. из-за хронической убыточности были ликвидированы все зверофермы (ГАМО. Ф. П-15. Оп. 12. Д. 122. Л. 28). В 1970-х гг., после длительных неудач, хороших результатов достигла ферма совхоза «Имени Ленина» (Чукотский район), руководители которой, опираясь на опыт колымчан, вызвали специалистов из других регионов, установили холодильники, усовершенствовали кормокухню. Здесь удалось наладить прибыльную работу отрасли и добиться самого высокого на Чукотке показателя делового выхода щенят – 5,1 (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 325. Л. 10). Другие зверофермы Чукотки до конца советского периода оставались планомерно-убыточными.

В то же время следует отметить парадоксальный в рамках плановой экономики расцвет частной инициативы в сфере клеточного звероводства. С конца 1970-х гг. в частных хозяйствах некоторых сел, расположенных недалеко от областного центра, началось интенсивное разведение песцов. Оно стало своего рода «подсобным хозяйством», которое приносило большой доход, так как шкурки песцов пользовались спросом, их цена на стихийном городском рынке (так называемые барахолки) достигала 350 руб.

Этот всплеск частного предпринимательства серьезно беспокоил партийные органы: «Песцовое хозяйство растет с каждым годом. Расходы на 1 песца составляют 115 руб. 69 коп. Доход от продажи 300–350 руб. Чистая прибыль – 200–234 руб. Выгода очень большая, но не для государства, все шкурки песцов ре-

ализуются на рынке по спекулятивным ценам» [9, с. 132]. Многие местные жители направили свои усилия на выращивание песцов, что усугубило нехватку продуктов в сельских магазинах, так как для получения высококачественного меха песцам требовался дефицитный для того времени рацион: «...В среднем на одного песца в день требуется мяса 240 г, крупы – 60 г, молока – 42 г, овощей – 72 г, дрожжей – 6 г, мясокостной муки – 6 г и витамины» [9, с. 132]. Соответственно, для выкармливания животных «песцеводы опустошают прилавки магазинов, скупают для зверей свежее молоко, крупы, дешевую рыбу, мясо, воруют при возможности корм из совхозных звероферм». В селе Армань, например, из четырех ежедневно привозимых в магазин бидонов молока один раскупался для песцов. К тому же песцеводство ухудшало и без того не идеальное санитарное состояние приморских сел: «Летом невозможно открыть форточки из-за мух, вони и криков песцов». Всего в те годы частники содержали более 60 тыс. песцов, «песцовая болезнь» стала настоящим бедствием для поселков Охотского побережья от Талона до Армани. Партийные работники усматривали в этой «болезни» и моральную сторону: «...А самое главное, что люди перестают быть людьми, все жизненные интересы их сводятся к песцовой клетке» [9, с. 132]. Содержали песцов в основном семьи некоренного происхождения, а также те, в которых лишь один из супругов был неаборигеном. В 1980-х гг. выделанные шкурки продавали в г. Магадане по цене уже 400–450 руб. Это сразу позволяло семьям песцовых заводчиков хорошо одеться, купить бытовую технику, мебель.

Данная парадоксальная ситуация стала результатом скрытого действия элементов рыночных отношений. Основу для них составили два фактора. Во-первых, близость крупного города – областного центра со значительным количеством населения, занятого высокооплачиваемым трудом. Оно сформировало повышенный спрос на меха и готово было платить за них цену гораздо выше той, которая существовала в рамках плановой экономики. Во-вторых, заводчики пушных зверей воспользовались низкой стоимостью продуктов, которая была характерна для позднесоветского времени. Дешевая кормовая база обеспечивала высокие доходы для частников. С переходом к рыночным механизмам развития экономики этот частный «бизнес на зверях» полностью прекратился.

К середине 1980-х гг. усилия, направленные на улучшения положения дел в клеточном звероводстве совхозов, стали давать некоторые плоды. Возросла добыча морских зверей для нужд отрасли, увеличился деловой выход щенят пушных зверей. Выездные бригады оказывали на местах техническую помощь. Для совхозов Чукотки в 1985–1987 гг. было изготовлено 40 тележек для раздачи кормов на зверошедах, оказана практическая помощь в изготовлении рельсовых дорог на зверофермы. Проводился ремонт мясорубок, строгальных и мездрильных машин. Специалисты даже разрабатывали специальные подошвы для обуви звероводов.

Однако к концу советского периода выявилась инфраструктурная слабость отрасли, как это было и с пушной охотой. Материальная база отрасли оставалась довольно примитивной. Многие технологические процессы (поение, кормление, чистка клеток) приходилось выполнять вручную. В конце 1980-х гг. руководители вынуждены были признать: «...На звероводческих фермах практически нет механизации, не обеспечивается их стабильная работа, повышается себестоимость пушнины» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 22. Д. 1. Л. 37). Также в хозяйствах плохо была поставлена племенная работа, что приводило к родственному скрещиванию. Зверофермы из года в год получали крайне низкий деловой выход щенят – на 1 штатную самку в среднем приходилось по 1,6 деловых щенка лисиц, 2,3 – голубых песцов, 2 – норок.

Качество сдаваемой пушнины оставалось низким, во многом из-за ржавления клеток, вследствие чего песцовый мех загрязнялся и терял качество. Но даже полученные шкурки хозяйства не могли хорошо обработать из-за отсутствия мастерских, современных механизмов и инструментов. В результате себестоимость шкурки нередко превышала ее сдаточную цену. Так, себестоимость шкурки песца в совхозе «Имени 50-летия Октября» (Чукотский район) варьировалась в диапазоне от 330 до 650 руб., что было в 5–10 раз больше сдаточной цены (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 325. Л. 90). Вследствие всех этих причин многие зверофермы несли большие убытки, в целом отрасль была нерентабельна. Даже хозяйства, добившиеся неплохих показателей, не только не вышли на уровень рентабельности, но понесли убытки выше плановых.

Таким образом, клеточное звероводство на Крайнем Северо-Востоке представляло собой

искусственно внедренную инновационную отрасль, призванную заменить традиционную пушную охоту. Большинство звероводческих ферм приносили лишь убытки, давая гораздо меньший против ожидаемого выход продукции, качество которой было невысоким. Более успешно действовали лишь отдельные предприятия за счет, во-первых, достижения крупного поголовья зверей, во-вторых, создания более удовлетворительной материально-технической базы и, в-третьих, привлечения к работе не местных жителей, а приезжих специалистов. Экономически данная отрасль основывалась, с одной стороны, на поддерживаемых государством низких ценах на продовольствие, с другой – на концепции развития социалистического аграрного сектора, которая допускала существование в хозяйствах планово-убыточных отраслей, если они имели большое социальное значение. С переходом к рынку оба эти «кита» рухнули, что стало причиной полного исчезновения на Крайнем Северо-Востоке России клеточного звероводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997.
2. Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007.
3. Козлов Ю. Весомая прибавка // Советская Чукотка. 1979. 19 января.
4. Коломиец О.П. К истории развития морского зверобойного промысла на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 223–231.
5. Мынгынкау П. Киты живые и мертвые // Советская Чукотка. 1990. 30 октября.
6. Новицкий В. Снежные тропы Армаиргина // Советская Чукотка. 1979. 25 апреля.
7. Ондатры в Восточной тундре // Советская Чукотка. 1954. 23 апреля.
8. Смирнов Г. Зовут охотничьи тропы // Советская Чукотка. 1979. 27 ноября.
9. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008.
10. Хаховская Л.Н. Морские зверобой Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.

REFERENCES

1. Batsaev, I.D., 1997. Sel'skoe i promyslovoe khozyaistvo Severo-Vostoka Rossii 1929–1953 gg. [Agriculture and economy of the North-East of Russia, 1929–1953]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
2. Batsaev, I.D., 2007. Ocherki istorii Magadanskoi oblasti (nachalo 20-kh – seredina 60-kh gg. XX v.) [Essays in the history of Magadan Oblast (early 1920s – mid-1960s)]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
3. Kozlov, Yu., 1979. Vesomaya pribavka [Significant increase], Sovetskaya Chukotka, January 19. (in Russ.)
4. Kolomiets, O.P., 2019. K istorii razvitiya morskogo zveroboinogo promysla na Chukotke [To the history of sea hunting in Chukotka], Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», no. 3, pp. 223–231. (in Russ.)
5. Myngynkau, P., 1990. Kity zhivye i mertvye [Whales, alive and dead], Sovetskaya Chukotka, October 30. (in Russ.)
6. Novitskii, V., 1979. Snezhnye tropy Armairgina [Snowy trails of Armairgin], Sovetskaya Chukotka, April 25. (in Russ.)
7. Ondatry v Vostochnoi tundre [Muskrats in the Eastern Tundra], Sovetskaya Chukotka, 1954, April 23. (in Russ.)
8. Smirnov, G., 1979. Zovut okhotnich'i tropy [Hunting trails are calling], Sovetskaya Chukotka, November 27. (in Russ.)
9. Khakhovskaya, L.N., 2008. Korennye narody Magadanskoi oblasti v XX – nachale XXI v. [Indigenous peoples of Magadan Oblast in the XXth – early XXIst centuries]. Magadan: SVNTs DVO RAN. (in Russ.)
10. Khakhovskaya, L.N., 2012. Morskie zveroboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform [Sea hunters of Chukotka during the time of initial Soviet reforms], Etnograficheskoe obozrenie, no. 6, pp. 168–182. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/68-74>

Е.А. Берестенникова*

РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Кооперативная форма хозяйствования в России формируется с зарождением капиталистических отношений, в свою очередь являясь показателем перехода экономики на новый уровень развития. Такая картина сложилась на российском Дальнем Востоке в начале XX в., где кооперативные общества выполняли особую роль в развитии экономической и социальной жизни региона. В статье представлена характеристика основных направлений деятельности кооперативных предприятий на Дальнем Востоке накануне политических и экономических катаклизмов в начале XX в.

Ключевые слова: Дальний Восток, кооперативные общества, кооперативные союзы, экономическое развитие

The development of cooperation in the Russian Far East in the early XXth century. ELENA A. BERESTENNIKOVA (Far Eastern State Medical University)

The cooperative form of economic management in Russia is formed with the emergence of capitalist relations, being in turn an indicator of economy's transition to a new level of development. This state of affairs was typical for the Russian Far East at the beginning of the XXth century, when cooperative societies started to play a special role in the development of the economic and social life of the region. The article presents an overview of the main activities of cooperative enterprises in the Russian Far East on the eve of political and economic cataclysms at the beginning of the XXth century.

Keywords: Russian Far East, cooperative societies, cooperative unions, economic development

Первые кооперативные общества на Дальнем Востоке были основаны в конце XIX в. и до октября 1917 г. играли заметную роль в экономическом развитии региона. Кооперация здесь разделялась по признаку кооперативной сферы деятельности и включала сельскохозяйственные и потребительские общества, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, а также

промысловые артели (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. П-44. Оп. 44-1. Д. 616. Л. 2).

Становление дальневосточной кооперации в начале XX в. происходило под влиянием ряда особенностей регионального развития. Во-первых, Дальний Восток отличался малой плотностью населения, что тормозило органи-

* БЕРЕСТЕННИКОВА Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного медицинского университета.

E-mail: berestelena2006@mail.ru

© Берестенникова Е.А., 2024

зацию потребительских товариществ, основывающихся на коллективном ведении хозяйства [8, с. 224]. Во-вторых, отсутствие в дальневосточном регионе помещичьего землевладения и наличие льгот для держателей земельных наделов способствовало возникновению крепких крестьянских хозяйств. В-третьих, на Дальнем Востоке активно развивалась мелкая частная торговля, в которой участвовали китайцы. Особенностью кооперативного движения в России в то время являлось то, что в конкурентной борьбе против частных торговцев потребительские общества развивали деятельность за счет увеличения своих прибылей, на этом фоне происходило смешение функций разных видов кооперативов [18, с. 122]. Сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали содействовало расширению и укреплению экономических связей дальневосточной окраины России, что влекло за собой появление новых форм хозяйствования, одной из которых являлась кооперация. По мнению М.И. Старкова, крестьянские хозяйства на Амуре формировались в условиях развитых товарных отношений на чисто буржуазной основе [15, с. 43]. В.К. Иващенко, констатирует, что потребительская кооперация возникает при капитализме на основе капиталистических производственных отношений. На Дальнем Востоке такие условия сложились лишь в конце XIX в., что явилось причиной формирования и дальнейшего развития в крае кооперативного движения. При этом кооперация в дальневосточном регионе была по преимуществу крестьянской, мелкобуржуазной [7, с. 8, 24]. Как отмечает Л.М. Архипова, кооперация активизировала свою деятельность именно в условиях оживления сельского хозяйства, увеличения платежеспособности крестьянства, что могло произойти только на фоне развивающихся рыночных отношений [1, с. 76].

Во Всеподданнейшем отчете Приамурского генерал-губернатора за 1898–1900 гг. имелись описания, характеризовавшие кооперативную форму ведения хозяйства в регионе. Так, в указанном отчете Н.И. Гродекова [17, с. 130] подчеркивалась необходимость создания сети складов, «из которых два-три будут центральными, а остальные лишь отделениями первых, причем продажа из сих последних будет производиться на комиссионных началах лесничими, священниками, сельскими учителями и другими лицами и учреждениями» [3, с. 67]. В данном документе приводился пример опыта Европей-

ской России, где «земские склады своим существованием понижают цену орудий у частных фирм и служат регуляторами цен и качества орудий» [3, с. 67]. Организация продажи качественного сельскохозяйственного инвентаря на Дальнем Востоке в конце XIX в. являлась актуальной задачей. Так, «Приамурские ведомости» в 1897 г. сообщали о двух венских фирмах, занимавшихся продажей недоброкачественных кос и серпов. Недобросовестность вышеуказанных фирм заключалась также в том, что «они высылали товар совершенно негодный и, получив задаток или все деньги, присваивали их и не доставляли товара» [13, с. 19]. Приамурский генерал-губернатор надеялся учредить особую хозяйственную структуру, которая в дальнейшем составила бы основу потребительской и крестьянской кооперации.

В то время как в конце XIX в. в центральной России началась активизация деятельности кооперативного сектора, на Дальнем Востоке происходило еще только становление потребительских организаций. Причина сложившейся ситуации заключалась в отсталости формирования потребительских обществ на дальневосточной окраине России, что было обусловлено отдаленностью региона от центра, малой плотностью населения, территориальной разбросанностью населенных пунктов, а также наличием плохих путей сообщения и развитием контрабандной торговли. В этой связи негативное влияние на становление дальневосточной кооперации оказывала не сформировавшаяся в социальном плане категория переселенцев, которая отличалась определенной хозяйственной безграмотностью. На этом фоне ярко выделялась зажиточность старожилов, а также особые условия выживания «в одиночку», не характерные для формирования обществ, основывающихся на организации совместного хозяйствования «на паях».

Переселенческая политика в годы столыпинской реформы способствовала дифференциации дальневосточной деревни. Как отмечали Э.М. Щагин и В.Г. Тюкавкин, для получения земли в старожильческих селениях новоселам необходимо было к ним приписаться, за что сельские сходы устанавливали высокую плату [18, с. 113–114]. Данный факт характеризует формирование бедняцкой прослойки среди переселенцев, вынужденных работать на старожилов, чтобы получить средства на покупку у государства небольшого участка земли.

С началом строительства Транссибирской железной дороги приоритет в зарождавшемся кооперативном движении в регионе получили железнодорожные потребительские общества. Как отмечал М.И. Туган-Барановский, «среди железнодорожных рабочих чувствуется настоятельная нужда в особых потребительских организациях, но в то же время вследствие общих условий нашей общественности, организации эти до революции с трудом сохраняли самостоятельность и, как общее правило, находились в сильной зависимости правления дороги» [19, с. 170, 172]. В 1890-х гг. начался период образования транспортной кооперации: в 1898 г. образован кооператив Уссурийской железной дороги, в 1899 г. – Общество потребителей Забайкальской железной дороги. Эти первые кооперативные организации были учреждены по инициативе администрации железных дорог и находились под ее контролем [7, с. 9].

В низовьях Амура кооперативная деятельность началась с первого общества потребителей «Взаимопомощь», которое возникло в 1915 г. Там же в 1917 г. начал свою работу Усть-Амурский Союз, продолжавший деятельность в качестве кооперативного центра в период становления советской власти. Отметим, что для дальневосточного региона была характерна организация многолапочных потребительских кооперативов, имевших крупные и мелкие отделения в городе и близлежащих местностях. Примером этого могут служить общества, которые возникли в дореволюционный период в Николаевске-на-Амуре и Благовещенске. А после военной кампании 1904–1905 гг. в крае значительно ускорился процесс становления кредитной кооперации. Именно этот вид кооперативной деятельности первым получил распространение в Приморской области, что объяснялось активизацией работы инспекторов мелкого кредита. С 1908 г. начало работу кредитное товарищество в д. Полетной Киинской волости Хабаровского уезда [8, с. 326].

Таким образом, до 1917 гг. в Приморье организовалось 43 кредитных товарищества [11, с. 320], причем непосредственно кредитными функциями они занимались до 1919–1920 гг., после чего развивали свою деятельность в качестве торгово-посреднических кооперативов. В Забайкальской области первое кредитное товарищество возникло в 1908 г. по инициативе бурятской интеллигенции в с. Ага. К 1917 г. в области насчитывалось 561 общество, основ-

ным направлением деятельности которых являлись кредитные операции (ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 616. Л. 1). Следует согласиться с точкой зрения Л.Е. Файна, полагающего, что только вследствие государственной поддержки сеть кредитных кооперативов распространялась по всей стране и в ее отдаленные районы [20, с. 178]. По мнению Л.М. Архиповой, кредитная кооперация в России не могла функционировать без органов местного самоуправления, процесс мелкого кредитования русской деревни возлагался на земские кассы, выполнявшие миссию посредников между правительством и органами местного управления [1, с. 72].

Когда в Приморье, Забайкалье и в Низовьях Амура начался период зарождения потребительных обществ, в центральных губерниях России к этому времени уже развивались кооперативные союзы, выполнявшие роль своеобразных центров народно-хозяйственной жизни региона. К 1914 г. в Сибири начали деятельность крупные союзы – Сибирский союз маслодельческих артелей и Закупсбыт, в сферу влияния которых вошел и дальневосточный регион. Э.М. Шагин и В.Г. Тюкавкин подчеркивают, что особенностью развития кооперации всех типов в период Первой мировой войны являлось объединение кооперативных организаций в крупные союзы [18, с. 121]. Эта закономерность прослеживается и в дальневосточном регионе. Так, в Прибайкалье кооперативная деятельность возникла в 1912 г., а в 1914 г. сформировалось союзное объединение; на Амуре в 1913 г. было организовано Верхне-Благовещенское общество потребителей, а в 1916 г. образовалось товарищество «Амурский кооператор».

Первая мировая война привела к сильному удорожанию товаров на Дальнем Востоке, а также их дефициту, в связи с чем в этот период произошло усиление спекуляции частных торговцев. Как следствие, на Дальнем Востоке с 1914 по 1917 гг. наблюдалось количественный рост кооперативных организаций (таблица 1), а численность их членов достигла 46 400 чел. [8, с. 327].

Характерно, что на общем фоне замедления темпов развития сельского хозяйства, на Дальнем Востоке происходила активизация участия населения в потребительских обществах. В указанный период было произведено кооперирование 54,3% всех крестьянских и казачьих дворов в Амурской области, 34,5% – в Приморской области [8, с. 327]. В трудные военные годы ко-

**Динамика роста кооперативов в дореволюционный период в Забайкальской,
Амурской и Приморской областях**

	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Забайкальская область	14	50	118	164	270	435
Амурская область	–	1	2	10	21	197
Приморская область	–	3	6	17	38	197
Итого	14	54	126	191	329	829

Источники: ГАХК. Ф. П-44. Оп. 44-1. Д. 616. Л. 2; [9, с. 7]

операция оказывала помощь семьям погибших и ушедших на войну. Кредитование хозяйств членов обществ, которые участвовали в боевых действиях русской армии и не оставили доверенностей, производилось на общих основаниях. Постепенно ликвидировались формальные затруднения при кредитовании семей призванных на военную службу. На страницах кооперативной печати тех лет отмечалось, что «перед кредитными кооперативами намечались задачи: удовлетворение нужд семей запасных; помощь вообще населению в его хозяйственных операциях, нормальное течение которых нарушено европейской войной» [14, с. 3–4, 10].

На рубеже XIX–XX вв. на Дальнем Востоке складываются отрасли хозяйства, которым принадлежит особая роль в экономическом развитии региона. Администрация и центральные органы образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства отводили рыболовству значительное место в экономической жизни края как отрасли, способствующей укреплению хозяйственного потенциала территории. Н.Г. Егоров отмечает, что в конце XIX – начале XX вв. для развития рыбной ловли в регионе имелся ряд благоприятствующих факторов, среди которых – изобилие и разнообразие рыбных ресурсов, сезонный ход лососевых рыб в реки на нерест [5, с. 16]. Так, жители Анадырского, Гижигинского, Охотского, Петропавловского, Удского и Софийского округов Приморской области существовали исключительно за счет ловли той рыбы, что поднималась вверх по рекам для метания икры, а промысел на море был для населения недоступен и практиковался только иностранцами [12, с. 14]. В начале XX в. территория Нижнего Амура оставалась благо-

приятным рыбопромысловым регионом, который не подпадал под действие русско-японской конвенции, подписанной в 1907 г. Российское правительство предоставило в этом районе финансовые льготы русским предпринимателям, способствовавшим вытеснению японского капитала и переориентации на внутренний рынок [5, с. 18]. Такая политика вела к оживлению внутреннего рыбного рынка и стимулировала потребительское товарное рыболовство местных крестьян. Особое значение имела скупка сырой рыбы у переселенцев и коренного населения, ее последующая переработка мелкими предпринимателями и, наконец, продажа оптовикам [5, с. 16]. Н.Г. Егоров указывает, что спецификой накопления капитала в рыбной промышленности Дальнего Востока России являлась неограниченная эксплуатация не затронутых промышленным рыболовством уникальных рыбных ресурсов и использование труда наиболее обездоленных групп населения – прибывших в край переселенцев, сахалинских каторжников и представителей коренного населения [5, с. 16]. Полагаем, что немаловажную роль в становлении и дальнейшем развитии рыбной отрасли дальневосточного региона в первой четверти XX в. играла рыболовецкая артель.

Согласно данным о распределении русского народонаселения по сословиям, в городах и округах Приморской области в конце XIX в. преобладало крестьянское население, основной сферой деятельности которого являлось сельское хозяйство и формирующаяся торгово-ростовщическая деятельность [12, с. 13]. Становление товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве в дальневосточном регионе привело к усилению процесса кооперирования

населения. Кредитная кооперация региона к 1914 г. объединяла 25,3% всего крестьянского и казачьего населения: в Амурской области было кооперировано 17,9% крестьян и казаков, в Приморской – 30,4% [8, с. 326]. Три года спустя в Амурской области кооперированными являлись 32,2% крестьянских и казачьих хозяйств, в Приморской – 48,4% [8, с. 327]. Характеризируя посев как показатель развития дальневосточной деревни, Е.П. Сычевский отмечает присутствие в его составе коммерческой и хозяйственно-необходимой запашки [16, с. 9]. Так, объем посева складывался из продовольственного, фуражного, семенного посева и посева для реализации на рынке с целью приобретения необходимых товаров. Характерно, что в натуральном хозяйстве какие-либо элементы, характеризующие развитие товарно-рыночных отношений, отсутствуют, а значит хозяйства дальневосточной деревни были связаны с рынком [16, с. 9]. Подчеркнем, что последний факт дает основание утверждать, что в регионе укреплялась экономическая база, способствующая кооперированию хозяйств. Нам представляется аргументированным утверждение о том, что появление кооперативов являлось результатом развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве дальневосточного региона [8, с. 326].

В Амурской области кредитная кооперация создавала артели из китайских рабочих специально для обслуживания зажиточных хозяйств. В 1915 г. Амурское сельскохозяйственное общество обратилось к генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, деятельность которого основывалась на его личном убеждении о необходимости «развития переселенческого управления по заселению края землепашцами; широкого участия переселенческого ведомства в доставке на Дальний Восток русских рабочих, промышленного люда, ... широкой организации доступного торгово-промышленного кредита» [4, с. 64]. В специальном письме была изложена просьба разрешить упрощение пропускной системы для использования китайских рабочих на полевых работах [15, с. 67]. Данное прошение было удовлетворено, в связи с чем несколько тысяч рабочих были привезены для создания таких артелей. Так, Ивановское отделение кредитной кооперации в 1915 г. создало несколько рабочих китайских артелей для обслуживания молотилок. Заметным явлением в социально-экономической жизни Дальнего Востока в начале XX в. являлось то, что китайский труд являлся наибо-

лее дешевой рабочей силой в регионе, что вызвало опасение и тревогу у местных жителей.

Вместе с тем в указанный период проявила себя и обратная тенденция – стремление вытеснить китайский труд через создание русских артелей в регионе. Так, в 1911 г. С.Д. Меркулов отмечал: «Артельные организации могут быть крупными шансами, большим плюсом в конкуренции русского труда с китайским, но лишь при наличии мер, способных создать условия для возможности такой конкуренции» [10, с. 74]. На 1 января 1916 г. на Дальнем Востоке проживало 145 тыс. иностранцев, среди них большинство составляли китайцы и корейцы, которые прибывали в регион в качестве сезонных рабочих и покидали его в зимнее время [8, с. 225]. В 1906–1917 гг. численность китайцев достигла максимального значения по сравнению с предыдущим периодом и составляла 78 тыс. человек [8, с. 225]. Таким образом, формирование артельных товариществ являлось альтернативой дешевого рабочего труда, организация которого способствовала уменьшению количества сезонных китайских рабочих на Дальнем Востоке.

Крупным событием в сельскохозяйственной жизни региона являлись организованные в 1899 г. сельскохозяйственные и промышленные выставки: Амурско-Приморская в Хабаровске и Забайкальская в Чите. Они отражали состояние экономического развития страны и способствовали формированию кооперативных основ ведения хозяйства в регионе. К выставке в Хабаровске был приурочен проходивший с 7 по 12 сентября 1899 г. съезд сельских хозяев Амурской и Приморской областей, на котором присутствовали не только хозяева-частновладельцы, но и представители сельскохозяйственных обществ различных волостей и станичных округов.

Площадь всех хозяйств, участвовавших в Приамурской выставке 1913 г., составляла 12 928 десятин, из них 3 348 десятин эксплуатировались на праве полной собственности, 9 346 десятин – на арендном праве, 234 десятины – с неустановленным правом обладания землей [2, с. 2]. А. Меньшиков, являвшийся представителем официально-консервативного направления в истории дальневосточной кооперации в начале XX в. [6, с. 6], передал доклад Главному выставочному комитету, в котором указывалось на особенности деятельности Приморского сельскохозяйственного общества.

В отчете отмечалось, что значительная часть средств общества тратилась на мелиорацию и строительство [2, с. 2]. Амурское сельскохозяйственное общество экспонировало на выставке ряд семенных хозяйств, в задачу которых входило снабжение крестьянского населения улучшенными зерновыми запасами [2, с. 5]. Около 700 участников получили награды от Главного выставочного комитета, председателем которого являлся Н.Л. Гондатти [4, с. 81]. Руководство выставки после окончания работы павильонов в октябре 1913 г., рассмотрев предложения экспертных комиссий о награждении экспонентов, постановило утвердить награды наиболее отличившимся сельскохозяйственным обществам и промышленным товариществам: товариществу «Теверь и Ружицкий» г. Владивостока, товариществу «Приморский Портландский цемент» с. Спасское Приморской области, Амурскому промышленному товариществу г. Благовещенка, Амурскому сельскохозяйственному обществу г. Благовещенка за объединение сельских хозяйств, Владивостокской коммерческой артели и Павленовскому сельскохозяйственному обществу Приморской области [2, с. 3]. Вышеуказанные сельскохозяйственные общества и промышленные товарищества получили награды от Министерства торговли и промышленности, от Главного управления землеустройства и земледелия, от Комитета Музея прикладных знаний, от Императорского вольно-экономического общества, а также от Приморского общества сельского хозяйства.

Таким образом, важной чертой складывавшихся капиталистических отношений в сельском хозяйстве на российском Дальнем Востоке в начале XX в. являлось становление и дальнейшее развитие кооперативных обществ. Формировавшиеся в регионе товарно-денежные отношения способствовали активизации деятельности кооперативов, которые принимали участие в закупках промышленных товаров, занимались кредитными операциями, а также выполняли функции посредников между переселенческими складами и крестьянскими хозяйствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Л.М. К вопросу о взаимодействии капиталов в кооперативной политике начала XX в. // Кооперация: страницы истории. Вып. 4. М., 1994. С. 69–89.
2. Выставка Приамурского края. 1913. № 32.
3. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Генерала от инфантерии Гродекова (1898–1900 гг.). Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901.
4. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997.
5. Егоров Н.Г. Рыбная промышленность Дальнего Востока в эпоху капитализма: автореф. дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 1990.
6. Иванов А.В. Кооперативное движение на Дальнем Востоке в начале XX в. (1900–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. н. Благовещенск, 1998.
7. Иващенко В.К. Потребительская кооперация Дальнего Востока в дореволюционный период (1898–1917 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. С. 5–27.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991.
9. Кооперация Дальневосточного края. Хабаровск, 1926.
10. Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911.
11. Нечаев А.И. Кооперация в Приморской губернии // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток, 1923. С. 320–332.
12. Обзор Приморской области за 1894 год. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1895.
13. Приамурские ведомости. 1897. № 182.
14. Сибирская деревня. 1914. № 22.
15. Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1962.
16. Сычевский Е.П. К вопросу о социальной структуре амурского крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории и социологии Дальнего Востока России в эпоху капитализма. Благовещенск, 1972. С. 3–32.
17. Торопов А.А. Дальний Восток России: из истории системы управления. Владивосток, 1999.
18. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987.
19. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989.
20. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.

REFERENCES

1. Arkhipova, L.M., 1994. K voprosu o vzaimodeistvii kapitalov v kooperativnoi politike nachala XX v. [On the issue of interaction of capitals in cooperative policy at the beginning of the XXth century]. In: Kooperatsiya: stranitsy istorii. Vyp. 4. Moskva, 1994, pp. 69–89. (in Russ.)
2. Vystavka Priamurskogo kraia, 1913, no. 32. (in Russ.)
3. Vsepoddaneishii otchet Priamurskogo general-gubernatora Generala ot infanterii Grodekova (1898–1900 gg.) [Governor-General Grodekov's 1898–1900 report on Primurye]. Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1901. (in Russ.)
4. Dubinina, N.I., 1997. Priamurskii general-gubernator N.L. Gondatti [Governor-General of Primurye N.L. Gondatti]. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo. (in Russ.)
5. Egorov, N.G., 1990. Rybnaya promyshlennost' Dal'nego Vostoka v epokhu kapitalizma [Fishing industry of the Russian Far East in the era of capitalism], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)
6. Ivanov, A.V., 1998. Kooperativnoe dvizhenie na Dal'nem Vostoke v nachale XX v. (1900–1922 gg.) [Cooperative movement in the Russian Far East at the beginning of the XXth century, 1900–1922], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)
7. Ivashchenko, V.K. 1968. Potrebitel'skaya kooperatsiya Dal'nego Vostoka v dorevolutsionnyi period (1898–1917 gg.) [Consumer cooperation of the Russian Far East in the pre-revolutionary years, 1898–1917]. In: Ocherki istorii potrebitel'skoi kooperatsii Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1968, pp. 5–27. (in Russ.)
8. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.) [The history of the Far East of the USSR in the era of feudalism and capitalism (mid-XVIIth century – February of 1917)]. Moskva: Nauka, 1991. (in Russ.)
9. Kooperatsiya Dal'nevostochnogo kraia [Cooperation in Far Eastern Krai]. Khabarovsk, 1926. (in Russ.)
10. Merkulov, S.D., 1911. Voprosy kolonizatsii Priamurskogo kraia [The issues of colonization of Primurye]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
11. Nechaev, A.I., 1923. Kooperatsiya v Primorskoii gubernii [Cooperation in Primorsky province]. In: Primor'e, ego priroda i khozyaistvo. Vladivostok, 1923, pp. 320–332. (in Russ.)
12. Obzor Primorskoii oblasti za 1894 god [Review of Primorsky region for 1894]. Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo pravleniya, 1895. (in Russ.)
13. Priamurskie vedomosti, 1897, no. 182. (in Russ.)
14. Sibirskaya derevnya, 1914, no. 22. (in Russ.)
15. Starkov, M.I., 1962. Amurskoe krest'yanstvo nakanune Oktyabrya [Peasantry of the Amur region on the eve of October Revolution]. Blagoveshchensk. (in Russ.)
16. Sychevskii, E.P., 1972. K voprosu o sotsial'noi strukture amurskogo krest'yanstva nakanune Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [On the issue of the social structure of peasantry in the Amur region on the eve of the Great October Socialist Revolution]. In: Voprosy istorii i sotsiologii Dal'nego Vostoka Rossii v epokhu kapitalizma. Blagoveshchensk, 1972, pp. 3–32. (in Russ.)
17. Toropov, A.A. 1999. Dal'nii Vostok Rossii: iz istorii sistemy upravleniya [Russian Far East: from the governance system history]. Vladivostok. (in Russ.)
18. Tyukavkin, V.G. and Shchagin, E.M., 1987. Krest'yanstvo Rossii v period trekh revolyutsii [Peasantry of Russia in the period of three revolutions]. Moskva: Prosveshchenie. (in Russ.)
19. Tugan-Baranovskii, M.I., 1989. Sotsial'nye osnovy kooperatsii [Social foundations of cooperation]. Moskva: Ekonomika. (in Russ.)
20. Fain, L.E., 2002. Rossiiskaya kooperatsiya: istoriko-teoreticheskii ocherk. 1861–1930 [Russian cooperation: an essay in history and theory, 1861–1930]. Ivanovo. (in Russ.)

А.В. Глушков, К.О. Козлова, И.Д. Исмакаева*

**БРОШЮРЫ КАК ФОРМА АГИТАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ
В ПЕРИОД ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ КАМПАНИЙ В СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.****

Переселенческая программа в СССР в послевоенный период предполагала создание условий для массовой добровольной миграции в регионы, которые больше всего нуждались в притоке рабочей силы. Однако, несмотря на предоставляемые переселенцам льготы, их поток не всегда удовлетворял потребности колхозов, леспромхозов и других предприятий. В условиях добровольного переселения возрастало значение агитационно-пропагандистской работы. В статье предпринята попытка выявить общее и особенное в репрезентации различных территорий СССР в агитационных брошюрах, выпускавшихся во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. и адресованных потенциальным переселенцам.

Ключевые слова: СССР, миграции, колхозы, предприятия, агитационно-пропагандистская работа, вербовка населения, контент-анализ, тематическое картирование

Brochures as a form of propaganda materials during the period of voluntary resettlement campaigns in the USSR in the late 1950s – early 1960s. ALEXANDR V. GLUSHKOV, KRISTINA O. KOZLOVA, ILIANA D. ISMAKAEVA (HSE University, Perm)

The resettlement program in the post-war USSR implied the creation of conditions for mass voluntary migration to the regions that were in dire need of labor. However, despite the benefits provided to migrants, their flow did not always satisfy the needs of collective farms, lumber camps and other enterprises. Under these conditions, the importance of propaganda work increased. The article attempts to identify the general and special in the representation of various regions of the USSR in the brochures issued in the second half of the 1950s – early 1960s and addressed to potential migrants.

* ГЛУШКОВ Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: avglushkov@hse.ru

КОЗЛОВА Кристина Олеговна, студент образовательной программы «История» Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: kokozlova@edu.hse.ru

ИСМАКАЕВА Илиана Дамировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: idismaakaeva@hse.ru

© Глушков А.В., Козлова К.О., Исмакаева И.Д., 2024

** Работа выполнена в рамках проекта «Внутренняя колонизация СССР: источники агитационной кампании по привлечению добровольных трудовых мигрантов в период послевоенного восстановления экономики» (конкурс командных исследовательских проектов студентов «Научная инициатива» НИУ ВШЭ).

Keywords: USSR, migration, collective farms, enterprises, propaganda work, recruitment, content analysis, topic mapping

Введение

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. вследствие развития ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства в условиях послевоенного восстановления экономики СССР многие регионы страны нуждались в массовом организованном притоке рабочей силы. «Перераспределение» людских ресурсов происходило под контролем государства, которое, исходя из текущих потребностей, определяло регионы входа и выхода переселенцев, выделяло квоты и контролировало миграционные процессы. При этом переселение носило добровольный характер, а ответственность за набор ложилась на местные органы власти, которые вынуждены были отправлять вербовщиков на территории, жителей которых приглашали переехать на новые места [5]. В условиях борьбы за рабочую силу агитационно-пропагандистская деятельность становится одним из важнейших направлений работы по привлечению трудовых мигрантов в послевоенный период в СССР.

Деятельность вербовщиков, которые направлялись в регионы выхода переселенцев, опиралась на различные наглядные материалы: газеты, брошюры, плакаты, листовки. Информация о переселении часто публиковалась в отраслевых газетах и журналах (см., например, газету лесозаготовителей Молотовской области «Лесник Прикамья»), а также различных региональных газетах. В этих изданиях нередко публиковались письма переселенцев, обращавшихся к своим «землякам» в других регионах СССР с призывами последовать их примеру. Например, в сентябре 1955 г. в специальном выпуске газеты «Лесник Прикамья» наряду с другой информацией и иллюстративными материалами было опубликовано сразу несколько подобных писем [12]. В газете Мордовшиковского райкома КПСС и райсовета депутатов трудящихся «Сталинский луч» было опубликовано письмо П. Симбирева, переселенца из Чувашской АССР в Бизярский леспромхоз Молотовской области [19]. Однако среди агитационно-пропагандистских материалов именно брошюры были направлены на предоставление справочной информации о регионе вселения и льготах для переселенцев.

Цель данного исследования – выявить общее и особенное в репрезентации различных территорий СССР в агитационных брошюрах, адресованных потенциальным переселенцам. Для этого необходимо определить круг подлежащих анализу источников, классифицировать их, а затем путем идентификации наиболее употребительных словоформ выделить характерные особенности репрезентации каждого региона.

Историография миграционных процессов в послевоенном СССР обширна и включает в себя как изучение переселенческой политики государства в области промышленности и сельского хозяйства в целом, так и исследования, посвященные особенностям переселения в отдельных регионах. В работах Ж.А. Зайончковской [9], А.А. Давыдова [8], а также в коллективной монографии О.Д. Воробьевой, Л.Л. Рыбаковского и О.Л. Рыбаковского [4] рассмотрены общие вопросы миграций и миграционной политики СССР, в т.ч. в исследуемый период. Авторы уделяют внимание видам миграций, этапам переселенческой политики и стимулам, которые государство предоставляло добровольным трудовым мигрантам. Советскую переселенческую политику 1940-х – 1980-х гг. подробно рассматривал в своих трудах С.А. Пискунов, сосредоточившийся главным образом на практической реализации внутриобластного сельскохозяйственного переселения в регионах РСФСР [16]. Однако большинство исследований послевоенных миграций в СССР все же посвящено реализации переселенческой политики в отдельных регионах. Так, Д.В. Манкевич рассматривает процесс заселения вновь образованной Калининградской области в 1945–1950 гг. [14]. Г.И. Большакова комплексно изучает переселенческие процессы на Карельском перешейке в 1940-е – 1960-е гг., затрагивая в том числе тему агитационных кампаний по привлечению переселенцев [2]. Предметом исследований Н.В. Хомяковой стала реализация демографической политики в послевоенный период на Урале [20], Э.И. Сеитова рассматривает миграционную политику СССР послевоенного периода в Крыму [17], Л.А. Крушанова – на Дальнем Востоке [11], а Н.А. Малова – в Са-

ратовской области [13]. Ряд других исследований, посвященных трудовой миграции в СССР в 1940-е – 1960-е гг., отмечены в историографическом обзоре Н.В. Чернышевой, К.А. Чернышева и А.В. Бровцина [21].

Некоторые исследователи обращались и к изучению собственно агитационных кампаний по привлечению трудовых мигрантов в отдельных регионах страны. Отмечая, что советская политика перераспределения рабочей силы, с одной стороны, была направлена на обеспечение промышленности трудовыми ресурсами, с другой стороны, исходила из экономической и политической необходимости заселения окраин, О.В. Горбачев обращал внимание на сложности, с которыми сталкивались вербовщики по мере того, как практика переселений и оргнаборов утрачивала мобилизационный характер [7]. Тему агитации для переселения в БССР поднимала в своем исследовании Н.В. Барабаш [1], в Молотовской области – А.В. Глушков и К.О. Козлова [6]. Вместе с тем необходимо отметить, что отдельные виды агитационно-пропагандистских материалов, к числу которых относятся брошюры, пока не становились предметом отдельных исследований.

Брошюры для переселенцев: характеристика источника

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. переселенческими управлениями и отделами в регионах СССР были подготовлены и опубликованы брошюры для привлечения переселенцев в многоземельные колхозы и на промышленные предприятия СССР. В этот период государство стремилось постепенно отказаться от сезонных рабочих в ряде отраслей народного хозяйства и обеспечить приток постоянных кадров в колхозы, леспромхозы и на предприятия. Однако после выхода в 1959 г. приказа «О сокращении объема изданий агитационно-справочных материалов» [11] активное распространение агитационных материалов, в т.ч. плакатов, специальных выпусков газет и брошюр, постепенно прекращается.

Брошюры представляли собой небольшие печатные материалы. Объем самой маленькой брошюры – «Переселяйтесь в Карело-Финскую ССР для работы в лесозаготовительных предприятиях» – составляет 11 страниц (тираж 10 000 экз.), а самой большой – «Переселяйтесь на целинные земли», изданной в Молдавской ССР, – 95 страниц (тираж 5 000 экз.).

Полный перечень использованных в данном исследовании брошюр по привлечению трудовых переселенцев в различные регионы СССР представлен в таблице 1. Авторы обращались к брошюрам, хранящимся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), а также региональных библиотеках, например, Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького (г. Пермь). С точки зрения географического охвата они представляют различные регионы СССР, в которые происходило переселение в рассматриваемый период, в т.ч. Сибирь, Дальний Восток, Центральную Россию и т.д. Таким образом, выборка позволяет наиболее полно и точно выявить общее и особенное в репрезентации различных территорий СССР.

Отдельные брошюры содержат информацию о составителях, в числе которых встречаются географы, краеведы и журналисты. Так, составителем брошюры по Молотовской области являлся С.Ф. Николаев (1912–2002), географ, краевед, автор публикаций о природе, истории, хозяйстве, народонаселении Пермской (Молотовской) области.

Прежде всего необходимо отметить, что брошюры выполняли различные функции и имели различную направленность. Так, в большей части брошюр была представлена историко-географическая и социально-экономическая характеристика региона, описание населенных пунктов, сведения о школах, средне-специальных и высших учебных заведениях, медицинских учреждениях, социальной инфраструктуре (магазины, клубы, библиотеки и др.), о колхозах и предприятиях, в которые предполагалось переселение, перечислены льготы, приведены письма переселенцев. Как правило, для наглядности печатная продукция сопровождалась картографическими материалами и фотографиями. Например, брошюра «Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область» состояла из следующих разделов «Край несметных богатств», «Промышленно-сельскохозяйственный район», «Мощная лесная индустрия», «Расцветает социалистическая культура», которые содержали информацию об одном из промышленных регионов РСФСР, Молотовской области, и жизни переселенцев – рабочих леспромхозов. Подобные брошюры можно определить как информационные издания по привлечению переселенцев в многоземельные колхозы и на промышленные предприятия СССР, которые предназначались в первую оче-

Название брошюры	Год издания	Количество страниц
«Добро пожаловать в Сибирь – край социалистического созидания!»	1959	79
«Переселяйтесь в Джамбульскую область!»	1966	31
«Переселяйтесь в Западный Казахстан»	1960	39
«Переселяйтесь в Карело-Финскую ССР для работы в лесозаготовительных предприятиях»	1952	11
«Переселяйтесь в колхозы Кемеровской области»	1957	22
«Переселяйтесь в колхозы Томской области»	1956	34
«Переселяйтесь в Кустанайскую область»	1960	26
«Переселяйтесь в леспромхозы Архангельской области!»	1955	19
«Переселяйтесь в леспромхозы и совхозы Карело-Финской ССР: сборник материалов»	1956	42
«Переселяйтесь в леспромхозы Карело-Финской ССР: письма и рассказы наших земляков»	1955	24
«Переселяйтесь в наш лесной край»	1956	48
«Переселяйтесь в Новосибирскую область»	1956	70
«Переселяйтесь в совхозы Карельской АССР»	1958	44
«Переселяйтесь в Хабаровский край»	1957	60
«Переселяйтесь к нам в Приморье!»	1956	68
«Переселяйтесь к нам в Северный Казахстан!»	1957	39
«Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область»	1956	63
«Переселяйтесь к нам на Алтай»	1957	64
«Переселяйтесь к нам на Сахалин»	1955	39
Переселяйтесь к нам, в Алма-Атинскую область!»	1960	28
«Переселяйтесь на богатые земли Красноярского края»	1956	59
«Переселяйтесь на целинные земли: сборник материалов»	1956	95
«Переселяйтесь на целинные земли в колхозы Казахской ССР»	1956	74
«Товарищи колхозники и механизаторы Брянской области! Переселяйтесь на богатые, плодородные земли колхозов и совхозов ордена Ленина Саратовской области: сборник»	1965	15
«Товарищи колхозники и механизаторы Краснодарского края! Переселяйтесь на богатые, плодородные земли колхозов ордена Ленина Саратовской области: сборник»	1965	16
«Товарищи колхозники и механизаторы Курской области! Переселяйтесь на богатые, плодородные земли колхозов и совхозов ордена Ленина Саратовской области: сборник»	1965	28

редь для будущих переселенцев, предоставляли им необходимую информацию о регионе и помогли лучше понять новые условия жизни.

Другая часть брошюр полностью состояла из писем и рассказов переселенцев, которые обращались к своим землякам и родственникам и сообщали о своем устройстве и работе на новом месте, мотивах для переезда и сложностях, с которыми они столкнулись. Как правило, это письма и рассказы переселенцев различных национальностей, возрастов, профессий и социальных слоев, что позволяет лучше понять и сопоставить различные опыты. Так, Главное управление по переселению и организованному набору рабочих при Совете министров Белорусской ССР опубликовало брошюру «Переселяйтесь в леспромхозы Карело-Финской ССР: письма и рассказы наших земляков» с письмами переселенцев из Белорусской ССР в Карело-Финскую ССР. В представленных в брошюре письмах переселенцы рассказывают о своем опыте переезда, условиях жизни в леспромхозах Карело-Финской ССР, а также призывают прежних земляков переселиться и обустроить новую жизнь в новом месте на лучшем уровне. Тексты писем сопровождаются различными фотографиями, на которых показаны сами переселенцы, работа в леспромхозе и т.д.

Параллельно с агитационными материалами в регионах выпускались издания для самих агитаторов, нацеленные на более эффективную работу. Брошюры-справочники были ориентированы на работников райисполкомов, переселенческих отделов, областных и краевых управлений сельского хозяйства и промышленности. В отдельных регионах такие справочники начали появляться уже на рубеже 1940-х – 1950-х гг. [3; 10]. А в 1956 г. в Москве тиражом 50 000 экз. Главным переселенческим управлением при Совете министров РСФСР был издан «Справочник для председателя колхоза по вопросам приема и хозяйственного устройства переселенцев» [18], который предназначался «для работников райисполкомов, машинно-тракторных станций, переселенческих отделов, областных и краевых управлений сельского хозяйства и министерств сельского хозяйства автономных республик мест вселения» [18, с. 3]. Хотя брошюры-справочники и не являются собственно агитационными материалами, обращение к ним помогает лучше понять, как именно функционировала система агитации среди переселенцев.

Результаты анализа брошюр

Для анализа и выявления особенностей брошюр использован метод тематического моделирования (LDA), который позволил выделить основные темы¹, представленные в брошюрах для привлечения переселенцев: «Сельское хозяйство», «Промышленность», «Лесная промышленность», «Переселение». Тематическое моделирование брошюр позволило выявить, каким отраслям народного хозяйства уделялось внимание в брошюрах, и их соответствие приоритетным направлениям переселения. Подобный анализ также может показать взаимосвязь между темами.

Контент-анализ брошюр, разделенных на группы по географическому признаку, позволил выявить наиболее часто упоминающиеся в брошюрах словоформы и, соответственно, словоформы, которые употреблялись чаще для мотивации к переезду в тот или иной регион. Далее будет представлен анализ каждой группы брошюр.

В первую группу входят агитационные брошюры по привлечению трудовых мигрантов в Карело-Финскую ССР. Так, для брошюры «Переселяйтесь в Карело-Финскую ССР» характерны такие словоформы, как «переселенцы», «ссуды», «вселение», «лесозаготовительные», «предприятия», «промышленность» и т.д. В брошюре «Переселяйтесь в леспромхозы и совхозы Карело-Финской ССР» часто употребляются «рубль», «ссуды», «вселение», «хозяйство», «срок», «дома», «рабочие», «совхоз». К часто упоминаемым словоформам в брошюре «Переселяйтесь в леспромхозы Карело-Финской ССР: письма и рассказы наших земляков» можно отнести «леспромхоз», «поселок», «лес», «клуб», «заработок», «лесопункт», «переселенец» и т.д. Таким образом, для брошюр, посвященных данному региону, характерно упоминание отраслей промышленности, в особенности связанных с лесозаготовками, леспромхозов. Особое внимание уделялось словоформам, связанным с льготами для переселенцев, что может говорить о том, что одну из мотиваций к переселению составители брошюр видели в различных материальных благах.

Следующая группа состоит из брошюр, посвященных переселению в регионы Казахской ССР. В число часто употребляемых словоформ в брошюре «Переселяйтесь в Алма-Атинскую

¹ В тематическом моделировании – совокупность слов, которые встречаются рядом.

область!» входят такие, как «гектары», «район», «переселенцы», «скот», «колхоз», «хозяйство», «овцы», «шерсть» и т.д. Для брошюры «Переселяйтесь на целинные земли в колхозы Казахской ССР» типичны такие словоформы, как «колхоз», «гектары», «переселенцы», «земли», «сельский», «зерно», «целинные земли», для брошюры «Переселяйтесь в Западный Казахстан» – «колхозы», «совхозы», «переселенцы», «строительство», «хлеб», «хозяйство», «семьи». При анализе брошюры «Переселяйтесь в Кустанайскую область» выделяются «гектары», «области», «совхозы», «переселенцы», «скот», «колхозы», «мясо», «производство». К часто употребляемым словоформам в брошюре «Переселяйтесь к нам в Северный Казахстан!» можно отнести «колхозы», «район», «гектары», «молоко», «МТС», «семьи», «хозяйство», «зерно». Следовательно, составителям брошюр, посвященных Казахской ССР, было важно отразить в них, что региону требуются новые рабочие для сферы сельского хозяйства, а именно – для земледелия и животноводства.

Еще одну группу составляют брошюры, относящиеся к центральной и европейской части РСФСР. Для брошюры «Переселяйтесь в леспромхозы Архангельской области» характерны такие словоформы, как «леспромхоз», «область», «лес», «рабочий», «промышленность», «предприятие», «древесина», «лесозаготовитель» и т.д. Похожие словоформы встречаются в брошюре «Переселяйтесь в наш лесной край»: «леспромхоз», «поселок», «рабочий», «лес», «лесопункт», «промышленность», «лесозаготовка». В брошюре «Переселяйтесь в совхозы Карельской АССР» упоминаются «совхоз», «республики», «молоко», «корова», «мясо», «картофель». К часто употребляемым словоформам в брошюре «Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область» относятся «леспромхоз», «область», «река», «предприятие», «лес», «рабочий», «древесина», «промышленность», «комбинат». Исходя из анализа брошюр данной группы можно сказать, что в регионах европейской части РСФСР внимание отводилось поиску добровольных переселенцев одновременно и для лесозаготовительных предприятий, и для сельскохозяйственных работ.

Четвертая группа брошюр состоит из материалов для агитации к переселению в сибирские регионы РСФСР. Так, в брошюре «Переселяйтесь к нам на Алтай» часто упоминаются следующие словоформы: «Алтай», «колхоз»,

«гектар», «хозяйство», «земля», «степь», «получать», «трудодень», «доход», «урожай». Для брошюры «Переселяйтесь в колхозы Томской области» характерны такие словоформы, как «колхоз», «область», «большой», «колхозник», «животноводство», «хозяйство», «сельский». Самыми часто встречающимися словоформами в брошюре «Переселяйтесь на богатые земли Красноярского края» стали «колхоз», «леспромхоз», «рабочий», «переселенец», «скот», «лесозаготовительный», «промышленность». В брошюре «Добро пожаловать в Сибирь – край социалистического созидания!» употребляются «колхоз», «предприятие», «рабочий», «комбинат», «завод», «промышленность», «строитель». А для брошюры «Переселяйтесь в Новосибирскую область» характерны такие словоформы, как «колхоз», «район», «город», «предприятие», «промышленность». Похожие словоформы упоминаются и в брошюре «Переселяйтесь в колхозы Кемеровской области», а именно: «район», «область», «колхоз», «колхозник», «сельхозартель», «культура», «животноводство», «молоко». На основании полученных результатов можно сделать вывод, что в брошюрах, посвященных сибирским регионам РСФСР, уделялось внимание сельскому хозяйству и животноводству, в меньшей степени – промышленным предприятиям.

В особую группу входят брошюры по регионам Дальнего Востока. Так, в брошюре «Переселяйтесь в Хабаровский край» часто можно увидеть такие словоформы, как «колхоз», «лес», «леспромхоз», «хозяйство», «труд», «работа». Для брошюры «Переселяйтесь к нам в Приморье!» характерны словоформы «колхозы», «молоко», «переселенцы», «кукуруза», «овощи», «хозяйство», «промышленность». Самыми часто упоминаемыми словоформами в брошюре «Переселяйтесь к нам на Сахалин» стали «область», «колхоз», «остров», «промышленность», «скот», «корова», «рыба». Таким образом, для составителей агитационных материалов для переселения на Дальний Восток важно было отразить информацию о сельском хозяйстве, а также упомянуть промышленность, в т.ч. рыбную.

Отдельно выделяется брошюра, призывающая к переезду в Молдавскую ССР, – «Переселяйтесь на целинные земли». В ней самыми часто употребляемыми словоформами стали «колхоз», «скот», «земли», «гектары», «зерно», «переселенцы», «колхозники», «хозяйство»,

«зерновые» и т.д. Это говорит о том, что основной акцент был сделан на агитацию колхозников, больше информации содержалось о сельском хозяйстве региона.

Заключение

Таким образом, брошюры для привлечения трудовых мигрантов в регионы СССР можно классифицировать по различным основаниям: по характеру представленной информации (информационные брошюры о месте вселения, брошюры-сборники писем и рассказов переселенцев), по направленности (брошюры для переселенцев, брошюры-справочники для агитаторов и вербовщиков), по географическому признаку, по тематике. Кратко охарактеризуем основные особенности брошюр по привлечению переселенцев.

Во-первых, результаты тематического картирования и применения других методов анализа брошюр позволяют тематически разделить брошюры на две категории: посвященные промышленности или сельскому хозяйству. Это свидетельствует в пользу того, что существовало строгое ограничение брошюр по темам: внимание уделялось или только промышленности, или только сельскому хозяйству, в зависимости от отраслевых приоритетов региона переселения.

Во-вторых, результаты контент-анализа позволяют выделить, на что обращали внимание составители той или иной брошюры. Так, для группы брошюр, посвященных Карело-Финской ССР, приоритетной темой при информировании людей были леспромхозы региона, а для призыва к переезду в регионы Казахской ССР использовалась информация о сельском хозяйстве, в т.ч. животноводстве. Для брошюр о центральных регионах РСФСР характерно упоминание и сельского хозяйства, и промышленности. В брошюрах о сибирских регионах РСФСР прослеживается частое упоминание сельского хозяйства, в то время как тема промышленности акцентирована в меньшей степени. В брошюрах о Дальнем Востоке промышленности и сельскому хозяйству уделено примерно одинаковое внимание. В тексте брошюры о Молдавской ССР акцентировалось внимание на сельском хозяйстве. Следовательно, составители брошюр обращали внимание на специфику региона, преподносили потенциальным переселенцам его «сильные стороны» (например, леспромхозы Карело-Финской ССР, рыболовная промышленность Сахалин-

ской области и т.д.), или же, напротив, делали акцент на тех отраслях, которые необходимо было развивать (например, сельское хозяйство в сибирских регионах РСФСР). Таким образом, брошюры можно рассматривать как раннюю, еще не намеренную попытку «брендинга» регионов СССР.

В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что в брошюрах часто упоминаются словоформы, связанные с льготами, такие как «ссуды», «кредиты», «выдача» и т.д. Это говорит о том, что упоминание льгот являлось одним из инструментов агитационного дискурса, льготы служили одной из мотиваций людей к переезду.

Стоит также отметить, что брошюры отличались ярко выраженной интертекстуальностью. Так, например, для усиления мотивации к переселению составители использовали материалы из различных справочников и периодической печати, песни, а также статьи В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева. Показательно, что агитаторы обращались и к наследию дореволюционной России, в частности, творчеству А.Н. Радищева и М.В. Ломоносова. Броские заголовки брошюр звучали как прямой призыв к действию. Наиболее часто используемыми словоформами были «приезжайте» и «переселяйтесь». Использование личных местоимений было важным для формирования представлений о существовании в регионах сообществ земляков – переселенцев из одного региона, которые помогут вновь прибывшим в адаптации и не оставят их в одиночестве [10, с. 37]. Аналогичные инструменты были характерны для всех форм агитации, в которых использовались письма или обращения переселенцев к своим землякам.

Для усиления агитации в некоторых брошюрах был использован визуальный ряд в виде фотографий или рисунков, связанных с жизнью и работой людей в описываемых регионах. Они демонстрировали, что после переезда на новом месте люди живут хорошо, у них есть постоянное место работы, разные виды досуга. Распространялись в сборниках писем и портреты переселившихся, призванные показать потенциальным переселенцам, что это обычные люди, такие же, как и они сами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш Н.В. Формы и методы агитационно-пропагандистской работы среди переселенцев в середине 1940-х – 1950-е гг. // Европа:

актуальные проблемы этнокультуры: материалы международной научно-теоретической конференции (Минск, 27 апреля 2007 г.). Минск: БГПУ, 2007. С. 317–319.

2. Большакова Г.И. Особенности государственной переселенческой политики в 1940–1960-е годы на Карельском перешейке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 59. С. 197–203.

3. В помощь агитатору на лесозаготовках: сборник материалов. Молотов: Молотовское книжное издательство, 1955.

4. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016.

5. Глушков А.В., Кимерлинг А.С., Корниенко С.И. Архивные документы как источники по истории трудовых миграций в Молотовской области в послевоенный период (1945–1950-е гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 60–66.

6. Глушков А.В., Козлова К.О. «Ждем вас, дорогие товарищи!»: источники по изучению агитационно-пропагандистской работы по привлечению трудовых мигрантов в Молотовскую область в конце 1940-х – 1950-е гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (Пермь, 30 ноября – 1 декабря 2021 г.). Пермь, 2022. С. 353–367.

7. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.

8. Давыдов А.А. Государственная политика в области трудовой миграции в СССР: истоки, этапы, тенденции // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 1048–1052.

9. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.

10. Козлова К.О., Исмакаева И.Д., Глушков А.В. «Переселяйтесь в наши края!»: дискурс-анализ брошюр по привлечению трудовых мигрантов в регионы РСФСР // Сборник докладов Шестой зимней школы по гуманитарной информатике (Калининград, 16–18 декабря 2022 г.): научное электронное издание. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. С. 33–39.

11. Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.

12. Лесник Прикамья. 1955. Сентябрь. Специальный выпуск.

13. Малова Н.А. Заселение заволжских районов Саратовской области в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 144–149.

14. Манкевич Д.В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2008. № 3. С. 54–68.

15. Массово-политическая работа на лесозаготовках. Молотов: Молотовгиз, 1951.

16. Пискунов С.А. Советская переселенческая политика второй половины 1940-х – 1980-х гг.: опыт РСФСР // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 33–42.

17. Сеитова Э.Н. Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 173–183.

18. Справочник для председателя колхоза по вопросам приема и хозяйственного устройства переселенцев. М., 1956.

19. Сталинский луч. 1956. 24 февраля.

20. Хомякова Н.В. Демографическая политика советской власти и ее реализация на Урале в послевоенные годы // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы всероссийской научно-методической конференции (Оренбург, 30 января – 1 февраля 2013 г.). Оренбург: ИПК «Университет», 2013. С. 1782–1784.

21. Чернышева Н.В., Чернышев К.А., Бровцин А.В. Трудовые миграции населения СССР в середине 1940–1960-х гг.: историографический обзор // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 48–60.

REFERENCES

1. Barabash, N.V., 2007. Formy i metody agitatsionno-propagandistskoi raboty sredi pereselentsev v seredine 1940-kh – 1950-e gg. [Forms and methods of agitation and propaganda work among migrants in the mid-1940s – 1950s]. In: Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury: materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi

- konferentsii (Minsk, 27 aprelya 2007 g.). Minsk: BGPU, 2007, pp. 317–319. (in Russ.)
2. Bol'shakova, G.I., 2008. Osobennosti gosudarstvennoi pereselencheskoi politiki v 1940–1960-e gody na Karel'skom peresheike [The features of state migration policy in Karelian Isthmus in the 1940s–1960s], *Izvestiya Rossiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 59, pp. 197–203. (in Russ.)
3. V pomoshch' agitatoru na lesozagotovkakh: sbornik materialov [To assist agitators in lumber camps: a collection of materials]. Molotov: Molotovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. (in Russ.)
4. Vorobyova, O.D., Rybakovskii, L.L. and Rybakovskii, O.L., 2016, *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modern state]. Moskva: Ekon-Inform. (in Russ.)
5. Glushkov, A.V., Kimerling, A.S. and Kornienko, S.I., 2022. Arkhivnye dokumenty kak istochniki po istorii trudovykh migratsii v Molotovskoi oblasti v poslevoennyi period (1945–1950-e gg.) [Archival documents as a source on the history of labor migrations in Molotov Oblast in the post-war years (1945–1950s)], *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 60–66. (in Russ.)
6. Glushkov, A.V. and Kozlova, K.O., 2022. «Zhdem vas, dorogie tovarishchi!»: istochniki po izucheniyu agitatsionno-propagandistskoi raboty po privlecheniyu trudovykh migrantov v Molotovskuyu oblast' v kontse 1940-kh – 1950-e gg. [«We are waiting for you, dear comrades!»: sources for the study of propaganda work to attract labor migrants to Molotov Oblast in the late 1940s – 1950s]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Natsional'naya politika i migratsionnye protsessy v Sovetskom Soyuze. K 100-letiyu sozdaniya SSSR»* (Perm, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2021 g.). Perm, 2022, pp. 353–367. (in Russ.)
7. Gorbachev, O.V., 2003. Organizovannaya migratsiya iz sela Tsentral'nogo Nechernozem'ya vo vtoroi polovine 1940-kh – 1960-e gg. [Regular migration from rural areas of Central non-Chernozem zone in the second half of the 1940s – 1960s], *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 138–148. (in Russ.)
8. Davydov, A.A., 2014. Gosudarstvennaya politika v oblasti trudovoi migratsii v SSSR: istoki, etapy, tendentsii [State policy in the field of labor migration in the USSR: origins, stages, trends], *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 1048–1052. (in Russ.)
9. Zaionchkovskaya, Zh.A., 2000. Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX v.: evolyutsiya skvoz' kataklizmy [Migration of the population in the USSR and Russia in the XXth century: evolution through cataclysms], *Problemy prognozirovaniya*, no. 4, pp. 3–15. (in Russ.)
10. Kozlova, K.O., Ismaeva, I.D. and Glushkov, A.V., 2022. «Pereselyaites' v nashi kraya!»: diskurs-analiz broshyur po privlecheniyu trudovykh migrantov v regiony RSFSR [«Move to our region!»: discourse analysis of brochures to attract labor migrants to the regions of the RSFSR]. In: *Sbornik dokladov Shestoi zimnei shkoly po gumanitarnoi informatike* (Kaliningrad, 16–18 dekabrya 2022 g.). Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2022, pp. 33–39. (in Russ.)
11. Krushanova, L.A., 2014. Migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke (seredina 1940-kh – 1970-e gg.) [Migration policy in the Soviet Far East (mid-1940s – 1970s)]. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (in Russ.)
12. Lesnik Prikam'ya, 1955, September (special issue). (in Russ.)
13. Malova, N.A., 2017. Zaselenie zavolzhskikh raionov Saratovskoi oblasti v kontse 1940-kh – pervoi polovine 1950-kh gg. [The settlement of trans-Volga areas of Saratov Oblast in the late 1940s – first half of the 1950s], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 12, pp. 144–149. (in Russ.)
14. Mankevich, D.V., 2008. Migratsii naseleniya SSSR v pervye poslevoennye gody i zaselenie Kaliningradskoi oblasti (1945–1950 gg.) [Migrations of the population of the USSR in the early post-war years and the settlement of Kaliningrad Oblast (1945–1950)], *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei*, no. 3, pp. 54–68. (in Russ.)
15. Massovo-politicheskaya rabota na lesozagotovkakh [Mass political work in lumber camps]. Molotov: Molotvgiz, 1951. (in Russ.)
16. Piskunov, S.A., 2021. Sovetskaya pereselencheskaya politika vtoroi poloviny 1940-kh – 1980-kh gg.: opyt RSFSR [Soviet migration policy of the second half of the 1940s – 1980s: the case of the RSFSR], *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, Vol. 1, no. 4, pp. 33–42. (in Russ.)
17. Seitova, E.N., 2013. Organizatsiya trudovogo pereseleniya v Krym (1944–1976 gg.) [Organization of labor migration to Crimea, 1944–1976], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, Vol. 155, book 3, part 1, pp. 173–183. (in Russ.)

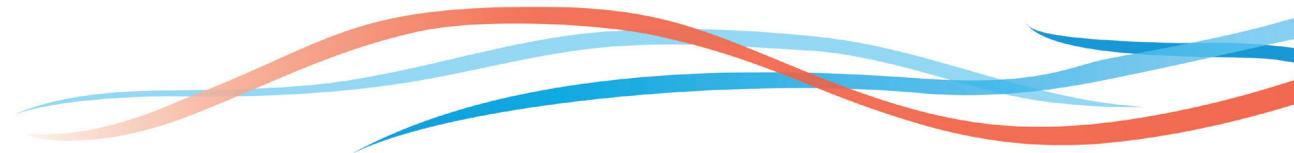
18. Spravochnik dlya predsedatelya kolkhoza po voprosam priema i khozyaistvennogo ustroistva pereselentsev [A handbook for the collective farm chairman on the admission and economic organization of migrants]. Moskva, 1956. (in Russ.)

19. Stalinskii luch, 1956, February 24. (in Russ.)

20. Khomyakova, N.V., 2013. Demograficheskaya politika sovetskoi vlasti i eyo realizatsiya na Urale v poslevoennye gody [Demographic policy of Soviet government and its implementation in the Ural region in the post-war years]. In: Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury:

materialy vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (Orenburg, 30 yanvarya – 1 fevralya 2013 g.). Orenburg: IPK «Universitet», 2013, pp. 1782–1784. (in Russ.)

21. Chernysheva, N.V., Chernyshev, K.A. and Brovtzin, A.V., 2015. Trudovye migratsii naseleniya SSSR v ser. 1940–1960-kh gg.: istoriograficheskii obzor [Labor migrations of the population of the USSR in the mid-1940s – 1960s: historiographical review], Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, no. 5, pp. 48–60. (in Russ.)

Н.А. Береснева*

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ, «НЕИДЕАЛЬНЫЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ»
И БОРЬБА ЗА СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ:
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ**

В статье на материале региональных школьных учебных пособий советского и постсоветского периодов рассматриваются формы самопрезентации Дальнего Востока и способы приращения регионом (и отдельными его субъектами) символического капитала. С одной стороны, речь идет о реакции на устойчивое представление о собственной истории, которая в субстанциональном отношении видится относительно короткой (фактически – не ранее второй половины XIX в.), – анализе техник, позволяющих Дальнему Востоку «сравняться» с историческим центром, а отдельным субъектам – удлинить свою историю; с другой – об уникальности стратегий самопрезентации региона, в частности, о вводе в нарратив сюжетов о «неидеальных деловых людях».

Ключевые слова: региональная история, Дальний Восток, школьное образование, иерархия территорий, формы самопозиционирования, конкуренция

«Short history», «imperfect business people» and the fight for symbolic capital: presentation of the Russian Far East in regional textbooks.
NATALIYA A. BERESNEVA (HSE University, Moscow)

Based on the content of regional school textbooks, the article examines the forms of self-presentation of the Russian Far East and a number of techniques used by the region (and its subjects) to increase symbolic capital. On the one hand, the article presents an analysis of techniques that allow the Russian Far East to «match» with the historical center and its federal subjects to lengthen their history, which in a substantial sense seems relatively short (in fact, not earlier than the second half of the XIXth century). On the other hand, it shows the uniqueness of the region's self-presentation strategies, an example of which is a narrative about «imperfect business people».

Keywords: regional history, Russian Far East, school education, territorial hierarchies, presentation models, competition

* БЕРЕСНЕВА Наталия Александровна, аспирант Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: nberesneva@hse.ru

© Береснева Н.А., 2024

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Е.М. Болтуновой за ценные комментарии при подготовке статьи.

Введение

Рассмотрение учебника как источника является классической позицией исследователей истории памяти: по крайней мере, с момента издания Марком Ферро работ, посвященных презентации исторического материала для детской аудитории¹. Особое место учебники (не только истории, но также географии и др.) занимают в рамках анализа политики памяти (см., напр.: [34; 35, р. 41–55]). Интерес к изучению учебников по истории России в последние десятилетия только растет (см., напр.: [29; 30; 33]). Показательно здесь и появление коллективной монографии «Учебник как модель мира и общества», один из разделов которой, в частности, посвящен анализу постсоветских учебников по истории России как отражения политики исторической памяти [31, с. 168–176]. Процесс активного пересмотра целого спектра исторических позиций в 1990-е гг., сменившийся дискуссиями о том, «каким быть школьному учебнику по отечественной истории XX века», и пристальным вниманием к историческому образованию со стороны российской власти (от позиции в отношении проекта единого учебника по истории в 2013–2014 гг. (см., например: [18; 22])² до анонсированного в апреле 2022 г. решения о преподавании истории в начальной школе [1] и появления в университетской программе курса «Основы российской государственности» [25]), стимулировал академическую работу в отношении анализа учебной литературы. Однако в подавляющем большинстве случаев речь идет об учебниках по истории России: учебные пособия, повествующие об истории отдельных регионов/административных единиц, по-прежнему остаются на периферии исследовательского внимания. Если подобные материалы и попадают в поле зрения ученых, то речь идет об анализе конкретных и значимых эпизодов, т.е. о рассмотрении интерпретации событий Первой мировой войны, революции 1917 г. или, что чаще, Великой Отечественной войны (см., напр.: [2; 16]). Изучение учебного пособия как единого целого со своей структурой и локальной прагматикой, как правило, не фигурирует в списке академических задач и не осмысливается как существенный фактор.

¹ Работы М. Ферро начала 1980-х гг. были переведены на русский язык существенно позже (см., напр.: [32]).

² Вместе с тем вопросы к содержанию учебников по истории звучали и раньше (см., напр.: [10]).

Вместе с тем на протяжении долгого времени учебные пособия по истории отдельного региона (другое частое наименование – краеведческие учебные пособия) занимали важное место в учебном процессе. После выхода в 1961 г. совместного приказа Министерства просвещения РСФСР и Министерства культуры РСФСР «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школ» краеведение включают в школьные программы [14], дополняя основной курс по отечественной истории, а сами учебные пособия становятся частью общего движения по «усилению краеведческой работы в школах», сохраняя свое место вплоть до распада СССР. В 1990-е гг. – период экспериментов в области построения образовательной программы – региональные учебные пособия, с одной стороны, переписываются и уточняются (в рамках общего движения по пересмотру исторических позиций)³, с другой – постепенно теряют свое «обязательное место» в курсе школьного образования. В 2000-е гг. ситуация также не стабилизируется: утвержденные в 2007 г. поправки к закону «Об образовании» давали возможность субъектам Российской Федерации выбирать, каким образом будет проходить освоение регионального компонента – как отдельный курс, как раздел в рамках курса отечественной истории и т.д. Эти решения регионами принимаются до сих пор: так, в 2021 г. в Приморском крае по инициативе губернатора О.Н. Кожемяко в программу школьного образования начали внедрять курс «Мой Приморский край»; специально написанное для реализации этой программы новое учебное пособие будет рассмотрено далее.

Существенным является и другой аспект: анализ локальных учебных пособий по истории с применением ставшего уже классическим метода истории памяти⁴ позволяет обнаружить интерпретации исторического прошлого, востребованные в конкретном регионе. В этом

³ Отдельные исследователи высказывают мнение, что в 1990-е гг. можно говорить о «перевесе» в сторону региональной повестки: «Это привело, во многих случаях, к появлению параллельных учебников и программ и в конечном счете к диспропорции в освещении общенациональной и региональной истории, в пользу последней» [12, с. 109].

⁴ Показательно, что объем литературы, посвященной изучению истории памяти, неуклонно растет, а в последнее время в этом пространстве появляются также и учебные пособия (см., напр.: [24]).

отношении важно отметить, что, с одной стороны, акторность регионов в выстраивании локального взгляда на вопросы местной истории и культуры в последние десятилетия неуклонно растет. Сейчас при взгляде на территории, создающие свой – локальный – исторический нарратив, заметным становится стремление аккумулировать все имеющиеся ресурсы – упомянуть все самое яркое, сильное, выделяющее регион. С другой стороны, сопоставление выстраиваемых таким образом нарративов в разных регионах позволяет увидеть существующую вариативность. В литературе заговорили даже о «тематическом репертуаре» политики памяти в регионах современной России, который формируется при взаимодействии локальных и федеральных акторов (см., напр.: [20]). Это, в свою очередь, ставит вопрос о расстановке приоритетов при интерпретации исторического прошлого на локальном уровне, особенно если речь идет о презентации истории для школьников, т.е. имеет своей целью формирование соответствующей локальной идентичности.

В предлагаемой статье предпринята попытка анализа серии учебных пособий по истории Дальнего Востока как своего рода проекта по истории памяти региона. Этот проект, как будет показано ниже, обладал рядом характеристик, оставшихся неизменными при переходе от советского к постсоветскому периоду. Выбор региона определяется выраженной спецификой последнего. Российский Дальний Восток – это территория, удаленная от центра страны, находящаяся на побережье Тихого океана и частично граничащая с Китаем. Существенно, что, с одной стороны, согласно переписям населения за 2010 и 2020–2021 гг., Дальний Восток – самая малонаселенная часть страны, а с другой, в рамках существующего деления на федеральные округа, он занимает более 40% территории Российской Федерации. В последние годы Дальний Восток вызывает серьезный интерес федеральных властей, что видно по распределению как экономических ресурсов, так и «символического капитала» (например, проведение во Владивостоке ежегодного Восточного экономического форума, актуализация в рамках политической риторики темы «поворота на Восток» и маркирование Дальнего Востока как территории, которая станет приоритетом России на XXI в. [21]). В выборку вошли учебники по истории как непосредственно «макрорегиона» (Дальнего Востока), так и входящих в Дальне-

восточный федеральный округ субъектов, опубликованные с 1960 г. до настоящего момента. В первую очередь в фокусе внимания исследования находились учебные пособия, опубликованные во Владивостоке и в Хабаровске.

«Короткая» история далекого региона

В современном общественном сознании жителей региона и на уровне публичной истории Дальний Восток – регион молодой, его наполненная событийная история начинается лишь со второй половины XIX в., когда Российская империя начинает освоение этих территорий и активизирует свое геополитическое присутствие на Тихом океане. Показательно, что именно в это время появляется и топоним «Дальний Восток» – прежде эти территории ассоциировались с Сибирью⁵.

Очевидно, авторы учебных пособий по истории Дальнего Востока и отдельных субъектов этой части страны воспринимают такое положение вещей как своего рода «вызов»: одной из самых значимых позиций локальной учебной литературы оказывается установка на «удлинение истории» региона. При этом формирование подобного нарратива оказывается задачей, которая остается неизменной при радикальной смене историко-культурного контекста: ее в равной мере осознают и артикулируют создатели как советских, так и постсоветских учебных пособий.

Региональные учебные пособия советского периода, построенные с опорой на марксистскую теорию о сменяющих друг друга в процессе истории общественных формациях, однако, не могли начинать повествование с периода позднего феодализма или раннего капитализма. По этой причине отсчет истории Дальнего Востока в этих текстах шел не с 1582 г. (поход атамана Ермака за Уральские горы) или 1632 г. (год постройки Ленского острога, позднее – Якутска), а намного раньше – в советский период датировка варьировалась от 30 до 10 тыс. лет до н.э., то есть от появления первого человека в Приморье/на Дальнем Востоке. Подобная структура учебного пособия оказывается вполне устойчивой. Так, учебное пособие по истории Приморского края, изданное в 2021 г.,

⁵ По мнению А.В. Ремнева, «выделение Дальнего Востока из Сибири, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв., испытало новый политический импульс в 1850-х гг. и завершилось в 1884 г. административным обособлением в Приамурское генерал-губернаторство» [23, с. 31–32].

начинается рассказом о «Далеком прошлом Приморья», где отсчет также ведется от первого человека на территории края, только теперь речь идет уже о 40 тыс. лет до н.э. Вышедшее в 2021 г. пособие «История Дальнего Востока России в древности и Средневековье» (для 5–6 классов) начинается с рассуждения о том, с какого момента можно говорить об истории Дальнего Востока («Неужели история нашей малой родины – Дальнего Востока и Хабаровского края как его части – начинается только в середине XVII в.? ... Конечно, нет! Прошлое Дальнего Востока теряется в глубокой древности...»⁶ [27, с. 4]), которое сменяется таблицей, представляющей разные вехи истории Дальнего Востока (один из представленных временных промежутков на ней – «около 10 млн лет назад»). Вероятно, причина устойчивости такого подхода кроется в его продуктивности. Связывание истории Дальнего Востока с появлением первого человека на его территории⁷ позволяет региону значительно расширить хронологию собственного бытования.

Этот подход, однако, не разрешает проблему полностью, ведь учащемуся необходимо представить человека, с которым он мог бы себя соотнести в социальном, политическом или культурном отношении. Обращение к эпохе «географических открытий», т.е. времени первых землепроходцев⁸ или начальному периоду продвижения российского государства на восток, решает эту задачу лишь частично: «чело-

век социальный» или «человек политический» обнаруживается в веке XVII, но не ранее. И это при том, что учащиеся, например, регионов Центральной России или северо-запада страны посредством своего учебника получили представление о «человеке социальном» или «человеке политическом» весьма подробно, объемно и в развитии: двигаясь в рамках школьной программы к XVII в., они узнали о славянских племенах, начале русской государственности, княжеских усобицах и внешних угрозах, появлении централизованного государства (и месте конкретного региона в нем), а затем – о создании Московского царства, новых политических вызовах и новых способах их преодоления.

Однако для учебников по истории Дальнего Востока даже отсылка к XVII в. как к своего рода «точке отсчета» (времени первых переселенцев и активного освоения территории) оказывается непростой – здесь возникают свои сложности в создании непрерывного нарратива. «Движение на восток в начале XVII в. носило стихийный характер, как правило, было частной инициативой и организовывалось на личные средства», – читаем в пособии по истории Приморского края 2021 г. [15, ч. 1, с. 63]. Эта прерывистость влияет и на форму повествования: период с XVII в. до первой половины XIX в. предстает в учебных пособиях как история отдельных лиц (экспедиций).

В советский период такой подход дополнительно осложняется необходимостью «отбора персоналий» и представления движения на восток как подвига «простых русских людей, выходцев из различных городов и сел западной части Русского государства» [7, с. 22]. Интересно проследить, как менялось количество упоминаемых руководителей сухопутных и морских экспедиций в учебном пособии по истории советского Приморья 1963, 1970, 1976 и 1984 гг. [7; 8; 9; 19]. Так, если в самом первом издании упоминаются фигуры В.Д. Пояркова, Е.П. Хабарова, О. Степанова, Г.И. Невельского и Е.В. Путятин, то уже в 1970 г. рассказ об освоении территории в XVII в. ограничивается только историей «отряда казаков под руководством служилого человека Онуфрия Степанова» [7, с. 22] (за «морской раздел» (XIX в.) по-прежнему остаются отвечать только Г.И. Невельской и Е.В. Путятин). На страницы пособия Поярков и Хабаров вернутся в 1976 г., тогда же появится небольшой, в несколько предложений, раздел про русские сухопутные экспеди-

⁶ Примечательно, что здесь же авторы говорят об отсутствии Дальнего Востока в учебниках по отечественной и всемирной истории для 5–6 классов, например: «А в учебнике по отечественной истории с древнейших времен до конца XV в. по понятным причинам все карты ограничены европейской частью России» [27, с. 4].

⁷ Здесь исключением становится упомянутый выше учебник по истории Дальнего Востока с древнейших времен, где авторы отодвигают начало повествования еще дальше в прошлое – первые разделы пособия здесь посвящены «дальневосточной земле до появления человека» [27, с. 8].

⁸ В советских учебных пособиях (например, в пособии по истории Сахалинской области) мы можем увидеть следующую формулировку: «...Великие русские географические открытия XVII века завершились походами казаков на неведомые цивилизованным странам Камчатку...» [6, с. 32]. В учебнике «Мой Приморский край» одна из глав посвящена «Русским географическим открытиям на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв.» [15, ч. 1, с. 62–79].

ции 1850-х – 1860-х гг.; в 1984 г. «экспедиционная часть» будет охватывать уже несколько десятков персоналий. По такому же принципу выстроены учебники, опубликованные после 1991 г. Главное отличие в них – вариативность набора персоналий (в т.ч. в зависимости от того, о какой территории идет речь: о Дальнем Востоке в целом или же отдельной его части – Приморском крае, Камчатке и др.).

Однако обращение к эпохе землепроходцев все еще оставляло большой зазор по отношению к «большой истории» или истории регионов европейской части страны – эту проблему в учебных пособиях было призвано решить обращение к истории коренных народов Дальнего Востока и широкие отсылки к категории «государственность». Так, если в главе учебника Ивановской области [17], посвященной возникновению и развитию феодализма, повествование начинается с истории Киевской Руси, то в учебниках по истории советского Приморья раздел, охватывающий период с конца VI по XVII вв., посвящен государству Бохай (698–926 гг.), государству чжурчженей (1115–1234 гг.) и рассказу об истории существования на этой территории коренных народов. Мотивация выбранного подхода представлена в предисловии к изданию 1963 г.: «Исторический путь населения Приморья – это составная часть исторического пути народов нашей страны. И как бы ни отличались события, происходившие здесь, в нашем крае, на разных этапах развития, от событий в других областях страны, мы ясно видим единство исторического процесса с древнейших времен ... до наших дней» [19, с. 3]. Можно говорить о том, что подобный подход «наследуется» и выпущенными позднее пособиями, в т.ч. и постсоветскими, однако в последнем случае обоснование предстает в тексте в более сглаженном варианте (либо подразумевается). Например, в учебнике по истории Дальнего Востока за 1999 г. в «Необходимых пояснениях» авторы уточняют, что «население Дальнего Востока с глубокой древности было многонациональным ... именно поэтому особое внимание в учебнике уделено рассмотрению этнической истории и культуры, характеру и особенностям национальных отношений в крае» [3, с. 6]. В главе 1 учебника «Мой Приморский край» даются основные характеристики края, где население (многонациональное) предстает одной из них, после чего подчеркивается, что «история приморцев и Приморья не как административной единицы,

а как места жизни имеет более глубокие корни» [15, ч. 1, с. 6–7]. Таким образом, апелляция к «многонациональности», актуальная для нарратива «большой истории» как в советский, так и в постсоветский периоды, в этом случае позволяет также выходить за пределы сугубо «русского» Дальнего Востока, позиционируя непрерывность истории территории.

Обращение к истории государства Бохай и государства чжурчженей (шире – первых государств на рассматриваемой территории) позволяет приблизить историю Дальнего Востока к «нормальной истории». Эксплицитно эта мысль представлена в пособии по истории Дальнего Востока для 5–6 классов: в нем третья часть, посвященная истории первых государств на территории российского Дальнего Востока, открывается сравнительной таблицей, в которой представлены основные вехи истории первых государств на территории: 1) Африки и Азии; 2) Европы (как Западной, так и Восточной); 3) Дальнего Востока России. В рамках этой таблицы Дальний Восток заметно отстает (в сравнении с Африкой и Азией), но все же имеет возможность встроиться в «общую повестку»: так, например, государство Бохай (698–926 гг.) расположено на одной строке с Арабским халифатом и Хазарским каганатом [27, с. 48–49]. Сравним с мыслью, которая была озвучена М. Романовой в интервью, посвященном указанному учебнику: «Традиционное представление о цивилизации – о том, что цивилизация у нас развивается только благодаря появлению государства или производительных форм хозяйства – оно ... не комплиментарно для Дальнего Востока, хотя у нас все было как у людей. У нас земледелие и скотоводство появляется здесь примерно в VII–VIII вв. н.э., и тогда же появляются первые государственности, и в этом плане мы ничуть не хуже Арабского халифата ... или ... Империи Карла Великого...» [13].

Примечательно, что в этой же логике выстроены и музейные пространства Дальнего Востока. Примером может послужить постоянная экспозиция Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева: за залом с археологическими находками (от эпохи палеолита до империи Цзинь и государства Дун Ся) следует экспозиция, рассказывающая об истории коренных народов Дальнего Востока, и только после нее появляется «Кабинет исследователя», представляющий историю продвижения Российской империи на восток. Схожим образом устроена

экспозиция Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова⁹: разделу об истории освоения Приамурья в конце XIX – начале XX вв. («Кабинет чиновника») предшествует Музей Амура и природный отдел, а также комплекс, посвященный культуре коренных народов Хабаровского края.

Важно отметить, что в схожей логике «удлинения истории» и «поиска государственности» выстраивались учебные пособия по истории регионов, лишь в 2018 г. вошедших в состав Дальневосточного федерального округа (Республики Бурятия и Забайкальского края¹⁰). Повествование в них, как в советский, так и в постсоветский периоды, начинается с рассказа об археологических находках и особенностях быта проживавших на указанной территории народов и продолжается разговором о различных формах государственности. Однако на этом сходства заканчиваются: дальнейшее повествование, в т.ч. в учебниках, выпущенных после 2018 г., посвящено вхождению указанных территорий в состав Российской империи в рамках истории освоения Сибири.

Дальневосточные учебники в диалоге с «центром»

Характерной чертой учебных пособий по истории Дальнего Востока и его составных частей в постсоветский период становится стремление отстоять ценность этой территории в рамках единого государства и «вернуть» ее в «общий нарратив». В нашей выборке подобный подход присущ прежде всего текстам, опубликованным в Хабаровске или созданным преимущественно хабаровскими исследователями. Подмеченное Д.Е. Ефременко характерное для Хабаровского края «обостренное ощущение миссии изолированного форпоста фронтальной модернизации, о котором центр, чьи интересы он отстаивает и защищает на другом конце континента, позволил себе забыть на несколько де-

сятелетий» [20, с. 230], находит свое отражение как в упоминавшемся ранее учебном пособии 1999 г., так и в опубликованных в последние годы в издательстве «Русское слово» учебных пособиях по истории Дальнего Востока с древнейших времен до 1914 г.

Несмотря на вольность слога пособия 1999 г., в его структуре нет программного раздела, говорящего о необходимости пересмотра роли и значения Дальнего Востока в рамках курса отечественной истории. Характерное для региона ощущение оторванности и необходимости апелляции к «эпизодам, которые подпитывают недоверие и разочарование политикой федерального центра» [20, с. 227–228], проходит как ремарки в рамках общего повествования. Например, в параграфе об экономическом развитии края читаем: «...Сдерживающим фактором была и позиция центра, традиционно рассматривавшего Сибирь и Дальний Восток в качестве сырьевого придатка промышленно развитых регионов, не заинтересованных в быстром росте промышленности края»¹¹ [3, с. 49]. В рамках разговора о культурной жизни Дальнего Востока главный тезис был вынесен автором пособия в само название параграфа – «дальний – не значит отсталый». Отдельным жанром здесь становятся вопросы к разделам и отдельным источникам, представленным в пособии в качестве дополнительного материала – они также могут содержать вполне четкую оценку центра (см., напр., вопрос к фрагменту из воспоминаний С.Ю. Витте – «Чем бы ты мог объяснить нарочитое невнимание императора Всея Руси Николая II к событиям на Дальнем Востоке?» [3, с. 88]).

Совершенно другой подход мы видим в серии учебных пособий по истории Дальнего Востока, опубликованной в последние несколько лет. В предисловии к каждому из пособий – для 5–6 классов, 7–8 классов и 9 класса – авторы последовательно излагают собственный взгляд на положение Дальнего Востока в рамках истории страны. Лейтмотивом становится тезис о неправомерном отсутствии Дальнего Востока на страницах учебников по истории России – не только в «древности и Средневековье», но и

⁹ В своем исследовании, посвященном политике памяти на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, Д.В. Ефременко отмечает, что в «Хабаровском крае внимание фокусируется на археологических памятниках доисторической эпохи и этнографически значимых артефактах, позволяющих получить более полное представление о материальной и духовной культуре автохтонного населения. Контекст политической истории практически отсутствует» [20, с. 186].

¹⁰ Ранее входили в Сибирский федеральный округ.

¹¹ Содержание данного параграфа перекликается с тезисом из опубликованного в 2022 г. учебного пособия по истории Сахалинской области и Курильских островов: «Развитие капитализма в России опиралось на крепкую ресурсную основу – природные богатства Сибири и Дальнего Востока» [4, с. 5].

в Новое время. «“Хрестоматийные” исторические деятели этого периода (Петр I, Екатерина II и др.), оказывается, были осведомлены о наших с вами краях ... Тем более странно, почему в современных учебниках по истории России XVII–XVIII вв. есть карты только европейской части государства?...» [26, с. 4–5]. Применительно к истории XIX–XX вв. для авторов учебников большее значение приобретают вопросы политики памяти: кто и как помнит выдающихся деятелей и «простых жителей» Дальнего Востока и кто имеет на это право. Например, сразу за информацией о памятнике Г.И. Невельскому во Владивостоке следует вопрос от авторов учебника: «Выясните, кто инициировал установку этого монумента. Почему городу “понадобился” памятник Г.И. Невельскому? Что он должен был символизировать?» [28, с. 26].

Неудивительно, что вопросы политики памяти чрезвычайно занимают именно хабаровских авторов учебных пособий: можно говорить о том, что они осознанно становятся энергичными акторами в рамках формирования локального нарратива и утверждения собственной версии истории, при этом не ограничиваясь только территорией Хабаровского края. Примечательно, что это остается возможным даже после потери Хабаровском статуса центра Дальневосточного федерального округа – с 2018 г. им становится город Владивосток. Более того, как кажется, этот перенос если и не был причиной появления указанной серии учебных пособий, то значительно стимулировал работу над ней. Первое пособие (для 5–6 классов) было опубликовано уже в 2019 г., примерно через год после начала работы над текстом (по словам авторов) [13]. Как уже упоминалось ранее, это не первый проект по созданию регионального учебного пособия, однако он единственный говорит обо всем Дальнем Востоке¹² и единственный представляет собой результат личной инициативы авторов (по меньшей мере – позиционируется таким образом): пособие «Мой Приморский край» (2021 г.) выходит прежде всего по инициативе губернатора О.Н. Кожемяко, пособие по истории Сахалина и Курильских островов (2022 г., три пособия – для 6–7 классов, 8–9 классов и

10 класса) было проектом регионального института развития образования.

«Неидеальные деловые люди», прославившие Дальний Восток

Так как существенная часть истории Дальнего Востока имперского периода в учебных пособиях как советского, так и постсоветского периодов представлена через ряд биографий, проблема выбора персоналий и методы их описания играют значительную роль. В этом ряду выделяется учебное пособие по истории Дальнего Востока, опубликованное в Хабаровске в 1999 г. С одной стороны, оно предлагает взгляд на историю региона «в его единстве»: в советский период после постановления 1959 г. «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» и приказа 1961 г. «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школ» начинается активный выпуск пособий по истории отдельных административных единиц, и вместо истории Дальнего Востока речь в большей степени идет об истории советского Приморья (в рассматриваемый период публикуются учебные пособия по истории других административных единиц, например, Сахалинской области, Магаданской области и др., однако серию по истории советского Приморья можно рассматривать как одну из самых активных и устойчивых). С другой стороны, оно является ярким примером текста переходного периода, когда автор, по-прежнему не избавившись до конца от логики (общественно-экономические формации) и вокабуляра («репрессивная машина русского царизма») советского периода, предлагает собственные суждения по тем или иным вопросам. Его оценка важных для региона персоналий сводится к следующему: споря с советской идеологией¹³ и говоря о важной роли капиталистов, «одержимых идеей развития торговли и промышленности», без которых освоение региона не было бы успешным, он завершает главу следующими словами: «Деловые люди, прославившие Дальний Восток во времена его освоения, не все и не всегда были “идеальными и правильными”. Нередко они наживали начальный капитал далеко не самым законным образом.

¹² Более того, предназначается авторами (в рамках аннотации) для учащихся общеобразовательных организаций Дальнего Востока в первом пособии (для 5–6 классов) и Дальневосточного федерального округа в последующих пособиях.

¹³ «В советском прошлом у нас в стране не принято было говорить о купцах и предпринимателях», «истинные творцы народного достояния» в этой парадигме – всегда только «рабочие и крестьяне» [3, с. 49].

Но бесспорно другое – без них, без их упорства и настойчивости наш край не достиг бы той степени обустроенности, какую он имел к началу XX в. Это по-прежнему была бы таежная, дикая глухомань, край ссыльнопоселенцев, земля, которая в конце концов стала бы легкой добычей соседних могущественных государств. Все без исключения известные предприниматели края занимались благотворительностью. ... И это второе главное дело жизни наших знаменитых земляков никогда не забудут благодарные потомки» [3, с. 51].

Несмотря на то, что это высказывание приводится в главе про экономическое развитие края и связано прежде всего с именами конкретных предпринимателей – семьей Плюсниных, купцом Тифонтаем и братьями Хлебниковыми, имплицитно схожим образом автор оценивает деятельность ряда первых землепроходцев, прежде всего Е.П. Хабарова и В.Д. Пояркова. Так, среди всех рассказов о персоналиях лишь рассказ о Хабарове, из которого автор не смог совершенно убрать упоминание его заслуг, сопровождается ремаркой «сам Хабаров стремился в первую очередь к личному обогащению» [3, с. 11]. В случае с Поярковым повествование о «незаконной» стороне его личности перенесено в раздел с источниками, приводящимися после каждой главы и призванными дополнить основное повествование: заслуги из основного текста (впервые прошел по берегам Амура и разведал Приамурье) оказываются связаны с нечеловеческим отношением к служилым, описанным в труде Н. Костомарова «Сибирские землеискатели XVII века» (не пустил в острог возвратившихся служилых, которые не смогли выполнить поставленную перед ними задачу, не дал хлеба и предложил есть мертвых туземцев).

Приведенные выше высказывания интересны тем, что охватывают как зоны умолчания, так и закрепившиеся в нарративе модели. Так, с одной стороны, «напористость, работоспособность, смекалка и целеустремленность» [15, ч. 1, с. 66] первопроходцев, а также необходимость постоянной борьбы с природой становятся основными характеристиками региона и его населения как в советский, так и в постсоветский периоды¹⁴. С другой, отдельный инте-

рес представляет мысль автора о совмещении в «деловых людях» «незаконности» и «блага», которая не найдет отражения в других учебных пособиях, но, как кажется, может рассматриваться как еще одна характеристика региона.

Распад СССР провоцирует выход целой волны новых учебников и учебных пособий по истории, в которых переосмысляются и переписываются отдельные главы из жизни страны. Закономерно происходит отход от привычных советских трактовок, где любой чиновник и шире – человек, связанный с царским режимом – становится угнетателем простого народа, взяточником, тунейдцем или соединяет в себе все указанные характеристики. Вместе с тем критически-одобрительное отношение к деятельности отдельных лиц, как это представлено в хабаровском пособии, является скорее исключением из правил, но не единственным в своем роде и выходит за рамки истории Дальнего Востока. Например, в энциклопедии коммерции Сибири, в статье, посвященной иркутскому купцу Михаилу Васильевичу Сибирякову, читаем: «М.В. был человеком своего времени: в условиях, когда власти не столько способствовали бизнесу, сколько вымогали у предпринимателей, когда возможности получения больших прибылей были достаточно широкими, а риск – постоянной привычкой профессии бизнесмена, общ. деятельность все время толкала его на конфликты с властями, а горячий характер нередко приводил к нарушению закона» [11, с. 47–48].

Можно говорить о том, что артикулированная автором двуликость деятелей региона чаще оказывается в зоне умолчания. Так, в учебном пособии 2021 г. раздел, посвященный истории Приморского края с 1990-х гг. по настоящее время, практически полностью лишен «биографического подхода»: нарратив выстраивается через последовательное описание проектов и сводит упоминание отдельных акторов к минимуму, вместо преступлений отдельных людей речь идет об «ухудшении криминогенной ситуации» в 1990-е гг., спровоцированной социально-бытовыми проблемами. Радикально иную точку зрения мы можем увидеть в пособии по истории Сахалинской области: в нем авторы в рамках основного текста (хоть и кратко) прямо говорят об отставках глав региона (в т.ч. – о сопровождавшихся коррупционным скандалом). Можно предположить, что в данном случае обвинения в коррупции становятся одной из при-

¹⁴ С той лишь разницей, что в советский период такая характеристика приписывается прежде всего «русскому народу» и не может становиться личной характеристикой отдельных руководителей экспедиций.

чин (но далеко не единственной) недовольства работой глав региона, что дает свободу в изложении фактов.

Заключение

Таким образом, школьные учебные пособия по истории Дальнего Востока (и его отдельных административных единиц), созданные в советский и постсоветский периоды, имеют ряд общих черт. С одной стороны, речь идет о реакции на устойчивое представление о собственной истории, которая в субстанциональном отношении видится относительно короткой (фактически – не ранее второй половины XIX в.), и выработке позиций, позволяющих Дальнему Востоку «сравняться» с историческим центром и/или удлинить свою историю. С другой – материалы пособий указывают на стремление позиционировать особость региона посредством оценки действий «центра», которые трактуются как причина «заброшенности» территории, и ввода в нарратив сюжетов о предприимчивых и много сделавших для развития территории, но «неидеальных» людях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В начальной школе будут изучать историю // Российская газета. 2022. 19 апреля. URL: <https://rg.ru/2022/04/19/v-nachalnoj-shkole-budut-izuchat-istoriiu.html?ysclid=ln644wqa56221221937>
2. Гузенкова Т.С. «Своя война» (Великая Отечественная война в учебниках истории и представлениях школьников России, Белоруссии, Украины и Приднестровья) // Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы международной конференции (Москва, 8–9 апреля 2010 г.). М., 2010. С. 13–19.
3. Завалишин А.Ю. История Дальнего Востока России в новое и новейшее время (середина XVII–XX вв.): учебное пособие для 8–9 классов общеобразовательных учреждений. Хабаровск, 1999.
4. Историческое краеведение Сахалинской области. История Сахалина и Курильских островов в Новое время: учебное пособие для 8–9 классов общеобразовательных организаций. М.: Русское слово, 2022.
5. Историю будут учить с первого класса в рамках других предметов // Вести.Ру. 2022. 19 апреля. URL: <https://www.vesti.ru/article/2706974>
6. История Сахалинской области: учебное пособие по краеведению для учащихся 7–10 классов. Южно-Сахалинск, 1981.
7. История советского Приморья: учебное пособие для учащихся 7–10 классов школ Приморского края. Владивосток, 1970.
8. История советского Приморья: учебное пособие для учащихся 7–10 классов школ Приморского края. Владивосток, 1976.
9. История советского Приморья: учебное пособие для учащихся 7–10 классов школ Приморского края. Владивосток, 1984.
10. Касьянов раскритиковал учебник по новейшей истории // Лента. 2001. 30 августа. URL: <https://lenta.ru/news/2001/08/30/history/>
11. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири: в 4-х т. Т. 4. Кн. 1. / Под ред. Л.М. Дамешека, Д.Я. Резуна. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997.
12. Куркин В., Лавренов С. Трансформация школьного исторического образования в 1990-е гг. // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». 2018. № 7. С. 104–114.
13. Марина Романова: история Дальнего Востока, которую не знают дальневосточники. URL: <https://www.youtube.com/live/16PqkU4zuPc?si=KNoiVGp15hWLLwGe>
14. Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. М., 1987.
15. Мой Приморский край. Страницы истории. Основное общее образование: учебное пособие: в 2-х ч. М., 2021.
16. Морозов А.Ю. История Великой Отечественной войны в региональных учебниках истории XXI века // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. СПб., 2018. С. 200–211.
17. Наш край в истории СССР: учебное пособие по краеведению для 7–10 классов школ Ивановской области. Ярославль, 1971.
18. Одна на всех // Полит.ру. 2013. 24 апреля. URL: <https://polit.ru/article/2013/04/24/history/>
19. Очерки истории советского Приморья. От эпохи первобытнообщинного строя до настоящего времени: учебное пособие. Владивосток, 1963.
20. Политика памяти в России – региональное измерение / Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2023.
21. Путин назвал приоритет России на XXI век // РБК. 2023. 12 сентября. URL: <https://www.>

rbc.ru/politics/12/09/2023/650001b89a7947ca2d6bdd2b

22. Путин объяснил, зачем нужен единый учебник по истории // РИА Новости. 2014. 16 января. URL: <https://ria.ru/20140116/989593596.html>

23. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск, 2004.

24. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.

25. С первого сентября запущен курс «Основы российской государственности» // Минобрнауки России. 2023. 01 сентября. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/>

26. Стрелова О.Ю. История Дальнего Востока России в Новое время (XVII–XVIII вв.): учебное пособие для 7–8 классов общеобразовательных организаций. М.: Русское слово, 2022.

27. Стрелова О.Ю., Романова М.И. История Дальнего Востока России в древности и Средневековье: учебное пособие для 5–6 классов общеобразовательных организаций. М.: Русское слово, 2021.

28. Стрелова О.Ю., Романова М.И., Перфильева А.С. История Дальнего Востока России в Новое время (1801–1914 гг.): учебное пособие для 9 класса общеобразовательных организаций. М.: Русское слово, 2023.

29. Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Российская история XXI века в зеркале школьных учебников истории // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4. С. 56–68.

30. Тагильцева Н.Г., Грибан И.В. Память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: отражение в отечественной культуре и школьных учебниках истории // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 12–19.

31. Учебник как модель мира и общества / Под ред. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб., 2021.

32. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб, 2010.

33. Фукс А.Н., Ковригин В.В. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2. С. 66–70.

34. Sidorov, D., 2009. Visualizing the former Cold War «other»: images of Eastern Europe in world regional geography textbooks in the United States. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, Vol. 1, no. 1, pp. 39–58.

35. Wang, Z., 2018. *Memory politics, identity and conflict: memory politics and transitional justice*. London: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

1. Agranovich, M., 2022. V nachal'noi shkole budut izuchat' istoriyu [History will be studied in primary school]. URL: <https://rg.ru/2022/04/19/v-nachalnoj-shkole-budut-izuchat-istoriiu.html?ysclid=ln644wqa56221221937> (in Russ.)

2. Guzenkova, T.S., 2010. «Svoya voina» (Velikaya Otechestvennaya voina v uchebnikakh istorii i predstavleniyakh shkol'nikov Rossii, Belorussii, Ukrainy i Pridnestrov'ya) [«Our war» (The Great Patriotic War in history textbooks and in the eyes of schoolchildren of Russia, Belarus, Ukraine and Pridnestrovie)]. In: *Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya voyny v uchebnikakh istorii stran SNG i ES: problemy, podkhody, interpretatsii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* (Moskva, 8–9 aprelya 2010 g.). Moskva, 2010, pp. 13–19. (in Russ.)

3. Zavalishin, A.Yu., 1999. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v novoe i noveishee vremya (seredina XVII – XX vv.): uchebnoe posobie dlya 8–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [History of the Russian Far East in modern times (mid–XVIIth – XXth century): a textbook for grades 8–9]. Khabarovsk. (in Russ.)

4. *Istoricheskoe kraevedenie Sahalinskoi oblasti. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v Novoe vremya: uchebnoe posobie dlya 8–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii* [Local history of Sakhalin Oblast. History of Sakhalin and the Kuril Islands in modern times: a textbook for grades 8–9]. Moskva: Russkoe slovo, 2022. (in Russ.)

5. *Istoriyu budut uchit' s pervogo klassa v ramkakh drugikh predmetov* [History will be taught from the 1st grade within the framework of other school subjects]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2706974> (in Russ.)

6. *Istoriya Sahalinskoi oblasti: uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–10 klassov* [History of Sakhalin Oblast: a textbook on local history for grades 7–10]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1981. (in Russ.)

7. Istoriya sovetskogo Primor'ya: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 7–10 klassov shkol Primorskogo kraja [History of Soviet Primorye: a textbook for grades 7–10 of Primorsky Krai schools]. Vladivostok, 1970. (in Russ.)
8. Istoriya sovetskogo Primor'ya: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 7–10 klassov shkol Primorskogo kraja [History of Soviet Primorye: a textbook for grades 7–10 of Primorsky Krai schools]. Vladivostok, 1976. (in Russ.)
9. Istoriya sovetskogo Primor'ya: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 7–10 klassov shkol Primorskogo kraja [History of Soviet Primorye: a textbook for grades 7–10 of Primorsky Krai schools]. Vladivostok, 1984. (in Russ.)
10. Kas'yanov raskritikoval uchebnik po noveishei istorii [Kasyanov criticized a modern history textbook]. URL: <https://lenta.ru/news/2001/08/30/history/> (in Russ.)
11. Dameshek, L.M. and Rezun, D.Ya. eds., 1997. Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommertsii v Sibiri: v 4-kh t. T. 4. Kn. 1 [A short encyclopedia on the history of merchants and commerce in Siberia: in 4 volumes. Vol. 4. Book 1]. Novosibirsk: RIPEL plus. (in Russ.)
12. Kurkin, V. and Lavrenov, S., 2018. Transformatsiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v 1990-e gg. [Transformation of school history education in the 1990s], Nauchno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel'-Observer», no. 7, pp. 104–114. (in Russ.)
13. Marina Romanova: istoriya Dal'nego Vostoka, kotoruyu ne znayut dal'nevostochniki [Marina Romanova: the history of the Russian Far East that local people do not know]. URL: <https://www.youtube.com/live/16PgkU4zuPc?si=KNoiV Gp15hWLLwGe> (in Russ.)
14. Matyushin, G.N., 1987. Istoricheskoe kraevedenie [Local history]. Moskva. (in Russ.)
15. Moi Primorskii krai. Stranitsy istorii. Osnovnoe obshchee obrazovanie: uchebnoe posobie: v 2-kh ch. [My Primorsky Krai. Pages of history. A textbook for schools: in 2 parts]. Moskva, 2021. (in Russ.)
16. Morozov, A.Yu., 2018. Istoriya Velikoi otechestvennoi voiny v regional'nykh uchebnikakh istorii XXI v. [History of the Great Patriotic War in regional history textbooks of the XXIst century]. In: Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: sbornik statei. Sankt-Peterburg, 2018, pp. 200–211. (in Russ.)
17. Nash krai v istorii SSSR: uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya 7–10 klassov shkol Ivanovskoi oblasti [Our region in the history of the USSR: a textbook on local history for grades 7–10 of Ivanovo Oblast schools]. Yaroslavl, 1971. (in Russ.)
18. Odnа na vsekh [One for all]. URL: <https://polit.ru/article/2013/04/24/history/> (in Russ.)
19. Ocherki istorii sovetskogo Primor'ya. Ot epokhi pervobytnoobshchinnogo stroya do nastoyashchego vremeni: uchebnoe posobie [Essays on the history of the Soviet Primorye. From the era of the primitive communal system to the present: a textbook]. Vladivostok, 1963. (in Russ.)
20. Miller, A.I., Malinova, O.Yu. and Efremenko, D.V. eds., 2023. Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie [The politics of memory in Russia: regional dimension]. Moskva: INION. (in Russ.)
21. Putin nazval prioritet Rossii na XXI vek [Putin named Russia's priority for the XXIst century]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/09/2023/650001b89a7947ca2d6bdd2b> (in Russ.)
22. Putin obyasnil, zachem nuzhen edinyi uchebnik po istorii [Putin explained why a unified history textbook is needed]. URL: <https://ria.ru/20140116/989593596.html> (in Russ.)
23. Remnev, A.V., 2004. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vv. [The Russian Far East. The imperial geography of power in the XIXth – early XXth century]. Omsk. (in Russ.)
24. Safronova, Yu.A., 2019. Istoricheskaya pamyat': vvedenie [Historical memory: an introduction]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
25. S pervogo sentyabrya zapushchen kurs «Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti» [Starting September 1st, the course «Fundamentals of Russian statehood» has been launched]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/72464/> (in Russ.)
26. Strelova, O.Yu., 2022. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v Novoe vremya (XVII–XVIII vv.): uchebnoe posobie dlya 7–8 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii [History of the Russian Far East in XVIIth – XVIIIth centuries: a textbook for grades 7–8]. Moskva: Russkoe slovo. (in Russ.)
27. Strelova, O.Yu. and Romanova, M.I., 2021. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v drevnosti i Srednevekov'e: uchebnoe posobie dlya 5–6 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii

[History of the Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: a textbook for grades 5–6]. Moskva: Russkoe slovo. (in Russ.)

28. Strel'ova, O.Yu., Romanova, M.I. and Perfil'eva, A.S., 2023. Istorija Dal'nego Vostoka Rossii v Novoe vremya (1801–1914): uchebnoe posobie dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh organizatsii [Modern history of the Russian Far East, 1801–1914: a textbook for grade 9]. Moskva: Russkoe slovo. (in Russ.)

29. Suslov, A.B. and Shuiskaya, E.V., 2021. Rossiiskaya istoriya XXI veka v zerkale shkol'nykh uchebnikov istorii [Russian history of the XXIst century in school textbooks], Vestnik Permskogo universiteta. Istorija, no. 4, pp. 56–68. (in Russ.)

30. Tagil'tseva, N.G. and Griban, I.V., 2017. Pamyat' o russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.: otrazhenie v otechestvennoi kul'ture i shkol'nykh uchebnikah istorii [Memory of the Russian-Turkish War (1877–1878) in Russian culture and school history textbooks], Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, no. 12, pp. 12–19. (in Russ.)

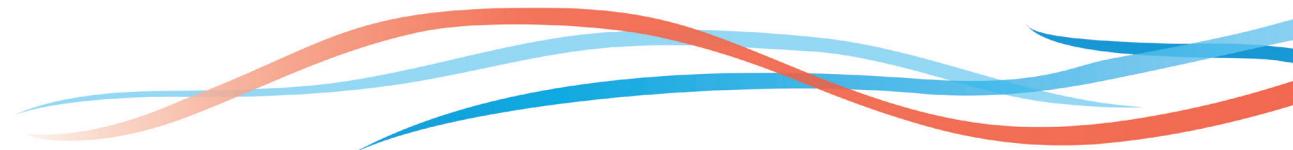
31. Artem'eva, T.V. and Mikeshin, M.I. eds., 2021. Uchebnik kak model' mira i obshchestva [Textbook as a model of the world and society]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

32. Ferro, M., 2010. Kak rasskazyvajut istoriju detjam v raznyh stranah mira [How the past is taught to children]. Moskva: Knizhnyi Klub. (in Russ.)

33. Fuks, A.N. and Kovrigin, V.V., 2017. Problemy fal'sifikatsii istorii Velikoi Otechestvennoi voiny i sodержание shkol'nykh uchebnikov po otechestvennoi istorii [Problems of history falsification of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on national history], Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», no. 2, pp. 66–70. (in Russ.)

34. Sidorov, D., 2009. Visualizing the former Cold War «other»: images of Eastern Europe in world regional geography textbooks in the United States. Journal of Educational Media, Memory, and Society, Vol. 1, no. 1, pp. 39–58.

35. Wang, Z., 2018. Memory politics, identity and conflict: memory politics and transitional justice. London: Palgrave Macmillan.

А.В. Петрук*

НАСЛЕДИЕ В.К. АРСЕНЬЕВА И ПРАКТИКИ РАБОТЫ С НИМ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ (К ИТОГАМ ГОДА АРСЕНЬЕВА В РОССИИ)

В статье анализируется работа с наследием известного путешественника, исследователя, писателя В.К. Арсеньева, реализованная на площадке Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева. Опираясь на принятые в современной науке концепции публичной истории, исторической памяти и наследия, автор характеризует основные мероприятия, реализованные музеем на протяжении 2022 г. – Года Арсеньева в России, и демонстрирует роль наследия как инструмента формирования локальной идентичности.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, наследие, публичная история, историческая память, музей, идентичность

Vladimir Arseniev's heritage and the practices of working with it in public history (to the results of Arseniev's Year in Russia). ANZHELIKA V. PETRUK (Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History)

The paper analyzes the work with the heritage of the famous traveler, scholar and writer Vladimir Arseniev performed by Arseniev Museum of Far East History. Based on modern concepts of public history, historical memory and heritage, the author characterizes the main events implemented by the museum during 2022 – Arseniev's Year in Russia – and highlights the role of heritage as a tool for the formation of local identity.

Keywords: V.K. Arseniev, heritage, public history, historical memory, museum, identity

Современному обществу, с присущей ему атомизацией, свойственна недолговечность многих социальных процессов и, как результат, потеря людьми своей идентичности, особенно остро ощущаемая в условиях глобального мира. Характерное для нашего времени отрицание привычных ценностей и кризис идеалов никак не способствуют гражданскому единству, не зря политики и общественные деятели все чаще говорят о поиске общей идеи, которая служила бы сплочению людей. Важным шагом

в этом направлении может стать приобщение граждан к истории, формирование единой ценностной системы с опорой на базовые знания и общепризнанные авторитеты.

Одним из способов сохранения прошлого в настоящем является историческая память, позволяющая удерживать в массовом сознании людей оценки минувших событий и превращать их в ценностные ориентиры. В условиях кризиса идентичности именно историческая память помогает человеку осознать свою при-

* ПЕТРУК Анжелика Витальевна, ученый секретарь Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева.

E-mail: anzhelika07@list.ru

© Петрук А.В., 2024

надлежность к той или иной социальной группе. Так и проявляется созидательный характер исторической памяти: являясь важной частью исторического сознания, она всегда ориентирована ретроспективно и вместе с тем служит идейному обоснованию образа будущего, поскольку дает возможность членам сообщества ощущать единство своей исторической судьбы [9]. Именно историческая память, помогая людям сопоставить события, происходящие в настоящее время, с фактами из прошлого, выступает мощным регулятором общественного сознания. Первым, кто отделил это понятие от привычной дефиниции «историческое сознание», был французский философ Морис Хальбвакс, обозначивший историческую память как коллективное понятие, которое заключается в сохранении и понимании общественного исторического опыта.

Он предложил рассматривать акт воспоминания как общественный феномен, необходимый для выживания общества. Поэтому сегодня мы видим, что историческая память, оставаясь одним из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, все больше становится важной составляющей самоидентификации как отдельной личности, так и общества в целом [11]. Коллективный характер исторической памяти отмечал в свое время и Ю.М. Лотман: «Подобно тому, как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти» [5, с. 344–345]. Современные исследователи уточняют и конкретизируют это понятие, утверждая, что историческая память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены сообщества ориентируются в своем окружении, но и является источником знания, дающим материал для совместного переживания и коллективной интерпретации культурных представлений и ценностей [4].

Подобная рефлексия как общественный акт наиболее очевидно проявляется в сфере публичной истории, претендующей сегодня на собственное место в междисциплинарном поле гуманитарного знания. Осознавая сложность отношений профессиональной истории с ее общественным восприятием как одну из важнейших проблем академического сообщества, современные исследователи готовы рассматривать публичную историю как компромисс меж-

ду экспертным знанием и массовой культурой [12]. Значительное внимание уделяет этому феномену основатель Российского Общества интеллектуальной истории Л.П. Репина, которая определяет публичную историю как «комплекс средств для представления научного академического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни» [10, с. 63]. Размышляя о перспективах исторического знания, Л.П. Репина все больше связывает их с развитием междисциплинарной коммуникации, в т.ч. в социокультурной сфере, обозначившейся наиболее ярко в начале XXI в., когда история совершила свой очередной виток – «культурный поворот». Результатом такого поворота стало размывание дисциплинарных границ и появление новых, над-дисциплинарных областей социогуманитарного знания, с предпосылками к их последующей реинтеграции. Именно с этих позиций Л.П. Репина предлагает решать проблему взаимодействия исторической науки и общества – с перспективой формирования общей зоны понимания между научным и общественным дискурсами. С интеграцией исторической науки и общества тесно связаны сегодня надежды на формирование нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить происходящие в мире перемены, причем важная роль в этой коммуникативной стратегии отводится публичной истории. Выступая в качестве «истории для всех», она способна оперативно отвечать на социальные запросы, поскольку общается с публикой на понятном ей языке и использует современные средства коммуникации [10, с. 62]. К тому же, в отличие от исторической науки, занимающейся случившимися фактами и связями между ними, публичная история стремится понять, каким образом факты прошлого определяют нашу жизнь сегодня.

В целом очевидно, что феномен появления публичной истории связан с желанием не только преодолеть пропасть между академическим знанием и публикой, но и удовлетворить общественный запрос на историю, растущий год от года. Современные исследователи отмечают также перемену ориентиров в оценке общественного потенциала, полагая, что на смену пониманию общества как аудитории, носителя культуры потребления, должно прийти понимание публики, организованной носителями культуры партисипативной, т.е. способной к соучастию и настроенной на него [3]. Здесь важно

понимать, что эти меры будут иметь желаемый успех только в случае опоры на наследие, понимаемое сегодня как совокупность природных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Причем подразумевается не механическая передача, а усиленная переработка опыта прошлого в соответствии с новыми реалиями, когда наследие оживает – с тем, чтобы новое поколение могло раскрыть для себя содержащиеся в артефактах смыслы, принять и понять их значение для себя. Для этого культурное наследие должно работать, т.е. быть предъявленным, включенным в социокультурную практику [7]. Именно в познании истории через наследие видят перспективу работы с памятью современные исследователи, в частности, Д. Лоуэнталь, который отмечает, что исследуемое наукой прошлое все более покрывается дымкой по прошествии времени, в то время как «наследие упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения. Увиденное глазами истории, прошлое – чужая страна, если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно» [6, с. 7]. Одной из главных площадок, призванных быть местом аккумуляции и предъявления наследия, сегодня является музей – уникальный продукт взаимодействия культуры и разума человека. Именно к музею все чаще обращаются как специалисты-исследователи, так и публика в поисках личностных и социальных смыслов.

Антропологи отмечают, что современный человек все меньше соотносит свой уровень жизни с материальными благами, и все больше – с культурным компонентом. В таких условиях существенным ресурсом развития личности становятся привычные в регионе символы и образы, такие как «душа города», «гений места» и другие, предлагаемые музеями публике в процессе интерпретации наследия. Музеи в наши дни все больше проявляют себя как хранители «гения места», так как именно они создают культурную географию региона. Опора на авторитеты, соотношение себя с коллективно признанным героем – неотъемлемая часть самоидентификации личности, свойственная каждому из нас. Краеведческий музей является именно той институцией, которая способна предложить жителям региона достойный подражания образ, трактуемый зачастую как «гений места». Эта античная метафора, возрожденная П. Вайлем в новом качестве, стала общепринятым маркером для обозначения личности, глу-

боко связанной с судьбой своего региона [2]. Для Дальнего Востока такой личностью, несомненно, является Владимир Клавдиевич Арсеньев, с именем которого владивостокский музей (Музей-заповедник истории Дальнего Востока, до 2019 г. – Приморский государственный объединенный музей) живет с 1945 г. А значит – работает с наследием В.К. Арсеньева: как с его коллекциями, так и с его именем и образом как своим символическим ресурсом. Дальневосточная история изобилует именами персонажей, проявивших свои лучшие качества на службе региону, все они – достойные люди. Однако сложно назвать кого-либо, кто мог бы сравниться с Арсеньевым по масштабу решенных задач, по числу проведенных экспедиций, по объему оставленного наследия – как материального, так и духовного: его книги читают сегодня более чем на тридцати языках народов мира, одна из них легла в основу сценария фильма «Дерсу Узала», снятого всемирно известным А. Курасовой и получившего в 1976 г. премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке.

Музей во Владивостоке обладает уникальным объектом материального наследия: сохранился дом, где В.К. Арсеньев прожил последние годы своей жизни. В этом доме он умер в 1930 г., а члены семьи еще некоторое время проживали по этому адресу: вдова – до своего ареста в 1937 г., дочь – до ареста в 1941 г. Уникальность этого объекта в том, что ни один из домов, где Арсеньеву приходилось проживать за годы его «дальневосточной одиссеи», не сохранился – ни во Владивостоке, ни в Хабаровске. Это здание по улице Арсеньева, 7-б (ранее – ул. Федоровская, с 1925 г. – ул. Производственная, с 1945 г. – ул. Арсеньева) – единственный подобный артефакт. В 1978 г., когда было принято решение Владивостокского Горсовета о создании мемориального дома-музея и расселены проживавшие там жильцы, началась эпопея музеефикации здания. Музей был открыт лишь в 1997 г., к 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. Это стало возможным благодаря содействию мецената В.А. Владимирова, который пожертвовал значительные средства на ремонт здания, обустройство участка, разработку и монтаж экспозиции. К этому событию музей готовился на протяжении нескольких лет: шли сборы, проводилась систематизация наследия и поиски новых артефактов. Открытие дома-музея стало важной вехой в работе с наследием В.К. Арсеньева: появилось простран-

ство, непосредственно связанное с ним лично и предоставляющее возможность предметного разговора о его жизни и разнообразной деятельности. Устройство экспозиции в мемориальном пространстве осложнялось тем, что осталось чрезвычайно мало подлинных артефактов, имеющих мемориальное значение, то есть принадлежавших В.К. Арсеньеву и членам его семьи. Другим обстоятельством, поставившим научных сотрудников музея перед серьезной проблемой, стало осознание сложности рассказа в этом пространстве о предшествующих годах жизни В.К. Арсеньева, когда он и его семья проживали по другим адресам. Учитывая эти два момента, музейщики приняли решение о частичной, а не полной, мемориализации пространства: обстановка гостиной и кабинета была максимально приближена к аутентичной, а две смежные комнаты занимаемой Арсеньевыми квартиры – спальня и детская – соединили между собой в единое пространство, названное экспедиционной комнатой. Здесь организовали экспозицию, рассказывающую в целом о деятельности В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке, где визуальным акцентом стала небольшая диорама «Палатка путешественника».

Со временем экспозиция устарела – как физически, так и морально: диорама обветшала, подлинные предметы после двадцати лет экспонирования нуждались в реставрации, а концепция их предъявления уже не соответствовала передовым музейным тенденциям. Поэтому в 2017 г., в рамках подготовки к празднованию 150-летия со дня рождения В.К. Арсеньева, было принято решение о глобальной реэкспозиции мемориального дома-музея. В Приморском государственном музее им. В.К. Арсеньева сформировали кураторскую группу с целью разработки концепции новой экспозиции и реализации проекта на площадке мемориального дома-музея. Приступая к работе, научные сотрудники музея опирались на сложившуюся к тому времени принципиально новую модель музейной коммуникации, подразумевающую активное вовлечение посетителя в процесс освоения материала. Поэтому было принято решение о реконструкции так называемой «экспедиционной комнаты», которую превратили в партисипаторное пространство. Главным элементом экспозиции стал объект под названием «Стол исследователя», который призван дать посетителю не только понимание, но и ощущение того, каково это – быть многопрофильным

исследователем. Объект представляет собой витрину – имитацию стола, разделенную визуально на несколько секторов, каждый из которых связан с той или иной сферой знания, занимавшей В.К. Арсеньева в рамках его научных интересов. Центральное пространство стола занимает стеллаж с помещенными под стекло подлинными экспонатами – принадлежавшим Арсеньеву научным инструментарием. В центре каждого из секторов размещаются типологические предметы: фрагменты керамики и копия составленного Арсеньевым отчета о раскопках в Уссурийском районе – в разделе «Археология», предметы быта коренного населения (охотничьи сумочки) – в разделе «Этнография», гербарий и эвенкийский календарь – в разделе «Музейное дело», прижизненные издания книг В.К. Арсеньева – в разделе «Литература», карты – в разделе «Топография», и русско-орочский словарь – в разделе «Лингвистика». Каждый сектор снабжен интерактивными материалами, дающими посетителю представление о том, как устроен мир исследователя. К примеру, в разделе «Литература» имеется лист-викторина с вопросами по тексту размещенной рядом книги В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», в разделе «Археология» – апплицированный сосуд (разрозненные фрагменты древнего керамического сосуда, которые посетителю предлагается составить в нужном порядке), в разделе «Этнография» – образец нанайского орнамента, который следует нанести на лист по шаблону и раскрасить в соответствии с описанием. Перемещаясь от раздела к разделу, посетитель осваивает исследовательские компетенции в разных сферах, прикасается таким образом к многообразному арсеньевскому наследию и формирует понимание того, что именно означает применимый к работе В.К. Арсеньева термин «комплексные исследования».

Подобный подход соответствует современной модели музейной коммуникации, которая подразумевает множественность способов освоения реальности, включая нерациональные – интуицию, воображение, ассоциации. Новые смысловые интерпретации зачастую рождаются в результате соединения несовместимых на первый взгляд культурных феноменов. Пример такого подхода к освоению наследия – театрализация, которая привлекает сейчас пристальное внимание исследователей и пользуется большой популярностью у посетителей. Работа с наследием В.К. Арсеньева в этом контексте

открывает широкие возможности, т.к. сохранились документы, дневники, письма, изданы книги, объединенные исследователями в своеобразный гипертекст. Все это отражает рефлексию автора, содержит важную информацию о его жизни и творчестве. К тому же имеется мемориальное пространство, где подобная театрализация как нельзя уместна. На площадке Дома-музея В.К. Арсеньева на протяжении нескольких лет работал «Театр Дома Арсеньевых», где силами заведующей филиалом и актеров местных театров осуществлялись театральные постановки сюжетов из жизни семьи Арсеньевых. В основе сценария всегда лежали подлинные документы – письма, воспоминания самого В.К. Арсеньева и членов его семьи. Проект пользовался неизменным успехом у горожан и гостей Владивостока. Этот опыт оказался чрезвычайно полезным в работе музея, т.к. подобная театрализация обычно значительно расширяет круг людей, прикоснувшихся к наследию, и насыщает музей событийностью.

Современные подходы к интерпретации наследия предъявляют новые требования и к организации экспозиционного пространства. Музейная экспозиция все чаще строится на основе концептуального подхода, или сценария, необходимого не только для научной презентации музейных предметов, но и для создания целостного художественного образа [13, с. 17]. Именно в такой концепции была построена выставка «В поисках страны Удэхе», работавшая на площадке музея в преддверии 150-летия со дня рождения В.К. Арсеньева (в 2017–2019 гг.). Концептуальная основа выставки была построена вокруг гипотетической, по сути, идеи. В письмах и прочих эго-документах последних лет жизни В.К. Арсеньев неоднократно упоминал о своем масштабном труде, близком к завершению – двухтомной монографии «Страна Удэхе», посвященной традиционной культуре удэгейцев. Неоднократно сам В.К. Арсеньев называл этот труд делом всей жизни, одно из упоминаний о книге содержится в его письме Ф. Аристову, датированном 27 июня 1930 г. (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 196. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2об.). Однако после смерти В.К. Арсеньева рукопись так и не была обнаружена. Поиски продолжаются по сей день.

Главная задача выставочного проекта заключалась в том, чтобы показать жизнь и деятельность В.К. Арсеньева во всем их многообразии:

истоки формирования интереса к исследованиям в юности, проведение экспедиций на Дальнем Востоке, наработка исследовательских компетенций, сбор коллекций, археологическая разведка и организация раскопок, научная и музейная деятельность, литературный опыт, просветительство, общение в кругу друзей и близких. Автором концепции была предложена идея – рассказать о жизни В.К. Арсеньева и его «дальневосточной одиссее» как о долгом пути в поисках Страны Удэхе – прекрасного мифического мира, где человек живет в гармонии с окружающим миром: мирно соседствует с людьми иного жизненного уклада, руководствуется принципами разумного потребления, стремится сохранить и приумножить морские и таежные богатства. Подобное гуманистическое отношение к миру и глубокие переживания по поводу его несовершенств были свойственны Арсеньеву в последние годы жизни. Страна Удэхе в названии выставки намеренно не взята в кавычки, так как здесь подразумевался двойной смысл: авторам хотелось сделать акцент на утраченной рукописи и одновременно показать, как название книги, которую Арсеньев считал делом всей жизни, мифологически описывает саму его жизнь. В связи с этим обстоятельством экспозицию разделили на блоки, каждый из которых раскрывал ту или иную сторону жизни героя и, соответственно, размышлений о человеке и его месте в мире. Такой подход позволил насытить пространство выставки оригинальными смысловыми и дизайнерскими решениями. К примеру, в зале «Семья» у потолка на проволоке были развешены крупноформатные снимки, имитирующие негативы. Основой послужили фотографии из семейного альбома Арсеньева, хранящегося в собрании музея. Более пятидесяти снимков с запечатленными на них персонажами дают представление о широком круге общения героя: здесь не только родные и близкие, но и соратники по географическому обществу, друзья-офицеры, коллеги-ученые. Многие из них не пережили 1937 г. Драматизма залу добавили окрашенные в красный цвет стены и размещенные на них документы из личного архива В.К. Арсеньева, на страницах которых он предстает как любящий муж, сын, отец, – не далекий небожитель, а обычный человек со своими житейскими проблемами, как любой из нас. Такой прием позволяет посетителю выставки соотнести себя с героем и ощутить собственную идентичность, лучше понять

самого себя и свою причастность к судьбе территории. Сочетание двух типов нарратива – героического (нарратив отцов-основателей) и парадигмального (нарратив простого человека), позволяющее каждому из нас соотнести себя с региональным «гением места», крайне важно для институционализации людей как членов общества, поэтому в музейной практике успешно используются подобные методы общения с публикой.

В истории есть много примеров, когда проблемы настоящего времени диктовали необходимость не просто обращения к прошлому, но его кардинальной переоценки. Причем исследователи все чаще обращают внимание не только на сами события, но и на их восприятие современниками, особенно в переломные моменты истории, на трансляцию опыта их переживаний в историческом сознании последующих поколений, на фиксацию и мифологизацию исторической памяти. Сформированные таким образом исторические представления воплощаются как в материально-предметной форме артефактов, в музейных экспозициях и выставках, так и в определенных результатах научной деятельности, например, в научных публикациях. В этом смысле работа с наследием В.К. Арсеньева открывает большие возможности.

С 1984 г. в Приморье регулярно проходят научно-практические конференции – Арсеньевские чтения. Учитывая многообразие научных интересов самого Арсеньева, конференции дают возможность говорить о его наследии с позиции различных дисциплин: истории, археологии, этнографии, геологии, ботаники, зоологии, музееведения. Как правило, конференции проходят в трех секциях: биографическая (жизнь и деятельность В.К. Арсеньева), научно-исследовательская (современные исследования в науках, которыми интересовался В.К. Арсеньев) и музейная (работа с его коллекциями в музеях и развитие музейного дела в целом).

В юбилейном 2022 г. конференция вылилась в музейный форум «Владимир Арсеньев и его наследие». Участники поставили перед собой задачу не только подвести итоги изучения обширного арсеньевского наследия, но и обсудить актуальные вопросы в изучении дальневосточного региона, выявить новые тренды в научных дисциплинах, с которыми ассоциировал свою деятельность В.К. Арсеньев, выработать новые методики их популяризации. Помимо пленарной сессии «Имя и наследие В.К. Арсеньева в

современном мире», в рамках форума проходили круглые столы на тему «Современная этнография и антропология: как собирать и как популяризировать?» и «Музей как центр местного сообщества». Большой интерес участников и гостей форума вызвала панельная дискуссия «В.К. Арсеньев и геополитическое значение Дальнего Востока в истории России», на которой участники предприняли попытку оценить востребованность исследований Арсеньева в наши дни и понять, насколько реалистичными оказались прогнозы, данные им почти сто лет назад по разным вопросам развития Дальнего Востока.

Одной из важнейших форм публикации наследия музеем является также каталогизация музейных коллекций. Каталог как перечень предметов, хранящихся в музейном собрании и систематизированных по определенному признаку, служит опорой в работе с любой коллекцией, особенно – с многопрофильной. Составляя каталоги, научные сотрудники музеев решают несколько задач: проводят инвентаризацию коллекций, сверяют атрибуцию предметов, уточняют их состояние с целью дальнейшей реставрации, и облегчают таким образом работу исследователям, которые обращаются в музей для ознакомления с источниками. Первый каталог фонда В.К. Арсеньева в собрании музея увидел свет в 2002 г. – в канун 130-летия со дня его рождения. Через двадцать лет, уже в канун 150-летнего юбилея известного путешественника, стало очевидно, что старое издание не отвечает требованиям времени. Коллекция выросла, часть предметов благодаря новым исследованиям прошла переатрибуцию или уточнение атрибуции, что непременно следовало отразить в каталоге. К тому же, в связи с внедрением новых технологий, появилась возможность сделать высококачественные цифровые снимки коллекций. Поэтому музеем было принято решение выпустить новый каталог. Работая над концепцией, авторы издания предложили разделить фонд В.К. Арсеньева в собрании музея на две части – материалы личного характера и собственно наследие. В первую вошли разделы «Документы», «Фотографии», «Мемориальные предметы», во вторую – разделы «Археологические коллекции», «Этнографические коллекции», «Книжные издания», «Карты». Такой подход позволил дифференцировать потенциального читателя в соответствии с его интересами: исследователями будут вос-

требованы в первую очередь коллекции, а тем, кому интересны жизнь и деятельность В.К. Арсеньева, важно иметь представление об увековечении его памяти в предметном ряду музея. При этом понятно, что интересы тех и других могут пересекаться. Издание каталога стало частью проекта «Владимир Арсеньев и его наследие», реализованного музеем в сотрудничестве с Союзом коренных малочисленных народов Приморского края при финансовой поддержке краевого департамента внутренней политики. Содержание проекта подразумевало не только издание каталога, но и ряд мероприятий просветительской направленности на площадках культурно-исторических парков Приморья: презентацию передвижных выставок, мастер-классы по работе с национальными орнаментами, детские образовательные программы. Большой популярностью у детской аудитории проекта пользовалась программа «Сказки с молоком», реализуемая музеем в рамках основной деятельности с 2015 г. Программа начиналась как работа с наследием коренных народов Приморья, но со временем расширила свои литературные рамки. С большим интересом вовлекаются в работу с текстами произведений В.К. Арсеньева не только дети, но и взрослые: в последние годы появилась специальная программа, ориентированная на взрослую аудиторию.

Реализуемые музеем просветительские проекты во многом отражают стремление реагировать на вызовы времени, когда вектор взаимодействия с аудиторией сдвигается от чисто образовательной направленности в сторону событийности, и тогда презентация наследия происходит в рамках крупномасштабных разноплановых мероприятий, например, фестивалей. Фестиваль «Арсеньев WEEK», который музей проводит с 2020 г., направлен на то, чтобы вовлечь в работу с наследием В.К. Арсеньева максимальное число горожан и гостей Владивостока. Фестиваль традиционно проводится в первую неделю сентября, которую сотрудники музея называют обычно арсеньевской неделей, поскольку в одну неделю хронологически укладываются день рождения и день памяти В.К. Арсеньева – соответственно 10 и 4 сентября (по новому стилю). В течение этих семи дней на разных площадках музея, включая филиалы во Владивостоке и крае, проходят мероприятия, связанные с именем В.К. Арсеньева: лекции, выставки, городские экскурсии, детские программы, кинопоказы. Заключи-

тельный день фестиваля становится крупным событием, когда перекрывается движение на участке улицы рядом с музеем и на образовавшейся площадке аккумулируются различные активности – мастер-классы от художников, презентации книжных изданий, концерты и иммерсивные представления. В юбилейном 2022 г. программа мероприятия собрала около десяти тысяч зрителей и участников. Музей объединил вокруг арсеньевской темы целый ряд разноплановых институций: национальные парки и заповедники («Земля леопарда», «Удэгейская легенда», Лазовский заповедник, Ботанический сад), библиотечную сеть городов Приморья (Находка, Лесозаводск, Арсеньев, Дальнереченск), кинотеатры («Уссури», «Иллюзион»), Океанариум, Детские школы искусств, туристические фирмы, сеть кафе и ресторанов с фестивалем блюд традиционной кухни коренных народов Приморья. На третий год проведения акции поступило предложение от администрации города Владивостока присоединиться к фестивалю и сделать его общегородским событием. В итоге в мероприятии был задействован не только большой участок улицы Светланской, но и центральная площадь города, набережная, Адмиральский сквер и другие площадки.

Мероприятия, подобные Арсеньевской неделе во Владивостоке, демонстрируют возможности музейных институций не только в работе с мемориальным наследием, но и в продвижении символического ресурса, в данном случае – образа В.К. Арсеньева как символа региона. Музей становится местом особой внутрикультурной рефлексии, расширяя жизненные горизонты посетителя за счет знакомства с арсеньевской прозой, с его научным и культурным наследием. Имя Арсеньева таким образом выходит далеко за рамки музея, демонстрируя возможности гуманитарного знания рождать новые смыслы и содействовать качественному изменению личности – обретению людьми нового опыта, постижению ими наследия и принятию его как неотъемлемой части своей духовной жизни.

Особые задачи стояли перед ученым сообществом и специалистами, работающими в сфере публичной истории, в 2022 г., когда отмечали юбилей – 150-летие со дня рождения В.К. Арсеньева. Отмечали не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране: указом президента РФ от 1 ноября 2021 г. юбилейный год был объявлен Годом Арсеньева в России. Общероссий-

ский уровень празднования юбилея стал фактом признания заслуг В.К. Арсеньева и в то же время наложил особые обязательства на музей, хранящий значительную часть его наследия. Предполагая запрос на информацию от общероссийских и региональных музейных институций в связи с обозначенной в президентском указе программой празднования, Музей-заповедник истории Дальнего Востока аккумулировал ресурсы, связанные с презентацией наследия В.К. Арсеньева, на специально созданном сайте [14], который начал работу уже 1 декабря 2021 г. Опираясь на результаты научно-исследовательской и популяризаторской работы предшествующих лет, музейные сотрудники сформировали разноплановый контент, рассчитанный на разную аудиторию. Предваряет знакомство с образом В.К. Арсеньева статья «Счастливая звезда Владимира Арсеньева», погружающая посетителей сайта в детали его биографии. Для студентов и школьников – самой массовой аудитории музея – разработан цикл видео-лекций, посвященных различным аспектам деятельности В.К. Арсеньева, причем хронометраж этих продуктов рассчитан таким образом, чтобы сделать возможным использование видеороликов в течение академического часа. Для младших школьников музей предложил методическую разработку проекта «Сказки с молоком» и школьного урока «Путешествие длиной в жизнь», для самых маленьких – мастер-классы по мотивам рассказов В.К. Арсеньева о тайге и ее обитателях. Научному сообществу и тем, кто интересуется музейным собранием, предлагается обзор собранных В.К. Арсеньевым для музея коллекций с информацией о типологии предметов, времени и месте поступления, состоянии сохранности. На сайте выложена пространная видео-экскурсия по мемориальному дому-музею В.К. Арсеньева. Отдельные страницы отданы конкурсу детского рисунка «Знаю Арсеньева» и подведению его итогов. За год работы сайта его посетили 16 551 пользователей, причем максимальное число посетителей – 2 600 человек – зафиксировано в сентябре 2022 г., в месяц арсеньевского юбилея. Всего за время работы сайта было скачано 2 403 файла размещенных там материалов.

Таким образом, на примере работы с коллекциями В.К. Арсеньева видно, что музей, включая в сферу своей деятельности те или иные объекты наследия, делает их активными факторами культуры настоящего и будущего, демон-

стрируя различные формы работы с памятью. Эту особую вариативность культурной памяти в использовании средств подчеркивает Алейда Ассман, которая относит к арсеналу культурной памяти такие практики, как «консервация следов, архивирование документов, коллекционирование предметов искусства и антикварных предметов...» [1, с. 25]. Список можно продолжить, и он практически совпадет с перечнем музейных коллекций. Это делает очевидным тот факт, что музей является институцией, способной решить важнейшую задачу интерпретации артефактов и формирования на этой основе позитивного образа – личности, сообщества, региона. Решая задачу визуального кодирования материальных объектов памяти, музей позволяет осуществить коммуникацию далеких во времени и пространстве культур. В этой связи работа с наследием В.К. Арсеньева имеет большие перспективы, так как собранные им коллекции рассредоточены по нескольким музеям России. Поскольку в начале XX в., когда Арсеньев проводил сборы, на Дальнем Востоке еще не сложилась научная традиция, исследователям приходилось отправлять предметы в Москву или Санкт-Петербург для атрибуции и введения в научный оборот. К тому же В.К. Арсеньев, не имея систематического образования, часто обращался за консультативной помощью к профессиональным этнографам, а в знак благодарности отправлял им коллекции. Его сборы хранятся сегодня в Российском этнографическом музее, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере), Музее Казанского (Приволжского) федерального университета. Большие сборы были сделаны Арсеньевым для Хабаровского музея им. Н.И. Гродекова, которым он руководил в период с 1910 по 1918 гг. Во Владивостоке наследие хранят две крупные институции – Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева и Приморское региональное отделение Российского географического общества – Общество изучения Амурского края. На протяжении нескольких десятилетий сообщество исследователей и работники музеев мечтали аккумулировать наследие и создать единую информационную базу. Это стало возможным в 2022 г. в рамках Года Арсеньева в России. Для того, чтобы облегчить доступ к наследию и презентовать его публике, музеем был разработан проект «Владимир Арсеньев. Изучая наследие», который получил финансовую поддержку Фонда президентских грантов.

В работу над проектом включились все институции, хранящие наследие В.К. Арсеньева, и в результате был создан сайт «Вселенная Арсеньева», на котором представлены практически все коллекции [15]. Проект имеет большие перспективы: возможно постоянное расширение контента за счет создания новых рубрик, публикации научных исследований, размещения просветительских проектов.

Год Арсеньева в России завершился, но работа с наследием продолжается. Музей участвует в работе по созданию документального фильма об известном путешественнике, запланированы к изданию неопубликованные воспоминания его современников из фондов музея, постоянно ведется поиск новых материалов. На примере реализуемых музеем проектов становится очевидным, что проблематика, заключенная в треугольнике «история-память-общество», превратилась в наши дни в одну из наиболее интенсивно развивающихся областей междисциплинарного знания в социогуманитарной сфере. Опираясь на историческую и культурную память, воздействуя в рамках музея когнитивными и эмоциональными средствами, можно воссоздать исторические реалии, вовлечь человека в мир оживших образов прошлого, вызвать чувство сопричастности значимым событиям, предлагая таким способом соотнести себя с образом коллективно признанного героя. Образ В.К. Арсеньева как человека своей эпохи здесь выступает весьма показательно: сделав однажды выбор в пользу служения Дальнему Востоку и его людям, он остался верен этому решению до конца своих дней и отдал изучению региона тридцать лет своей жизни.

Таким образом, пример работы музея-заповедника демонстрирует, что арсеньевская тема позволяет ему как институции серьезно влиять на ценностные ориентиры: работая с наследием в сфере публичной истории, интерпретируя его разными способами, музей не только отражает представление о себе данного сообщества, его нормы и правила, но и участвует в их формировании. В целом современные музеи как институты памяти и площадки интеллектуального общения имеют преимущество перед другими агентами культуры, так как «обладают особым эмансипирующим измерением, т.е. могут способствовать улучшению жизни своих общин, становиться местами для оживленных дебатов, они порождают исполненные смысла визуальные и текстуальные реконструкции, которые

направлены на передачу определенных посланий, целью своей имеющих улучшение качества жизни общества» [8, с. 5]. Музей как феномен культуры становится в наши дни важным фактором в системе формирования исторической памяти и, следовательно, в жизни общества в целом. Если структура исторической памяти представляет собой единство взаимосвязанных элементов, то музей является тем самым пространством, в котором осуществляется их гармоничное соединение. Каждый компонент памяти играет свою роль в музейном пространстве, а в своей совокупности они способствуют сохранению, актуализации и трансляции наследия из поколения в поколение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: НЛЮ, 2016.
2. Вайль П. Гений места. М.: КоЛибри, 2008.
3. Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2. С. 7–13.
4. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. № 9. URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
6. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004.
7. Мясникова Л.А. Музейная практика как форма культурной памяти и наследования // Дискуссия. 2015. № 9. С. 99–104.
8. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.
9. Овчинникова З.А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1. С. 82–89.
10. Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 55–67.

11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

12. Хмелевская Ю.Ю. История и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1. С. 162–173.

13. Шляхтина Л.М. Современный музей: идеи и реалии // Вопросы музеологии. 2011. № 2. С. 14–19.

14. Проект Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева «150 лет со дня рождения Владимира Арсеньева». URL: <https://годарсеньева.рф>

15. Вселенная Арсеньева. URL: <https://arsenievcollection.ru>

REFERENCES

1. Assman, A., 2016. *Novoe nedovol'stvo materialnoi kulturoi* [The new unease towards the culture of remembrance]. Moskva: NLO. (in Russ.)

2. Vail, P., 2008. *Genii mesta* [Genius loci]. Moskva: KoLibri. (in Russ.)

3. Isaev, E.M., 2016. *Publichnaya istoriya v Rossii: nauchnyi i uchebnyi kontekst formirovaniya novogo mezhdistsiplinarnogo polya* [Public history in Russia: research and educational context of the making of new interdisciplinary field], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 2, pp. 7–13. (in Russ.)

4. Leontieva, O.B. and Repina, L.P., 2015. *Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoi Rossii* [Images of the past, memorial paradigm and «historiography of memory» in modern Russia], *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal «Istoriya»*, Vol. 6, no. 9. URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (in Russ.)

5. Lotman, Yu.M., 1996. *Vnutrimyslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Human being. Text. Semiosphere. History]. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury. (in Russ.)

6. Lowenthal, D., 2004. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

7. Myasnikova, L.A., 2015. *Muzeinaya praktika kak forma kul'turnoi pamyati i nasledovaniya* [Museum practices as a form of cultural memory and inheritance], *Diskussiya*, no. 9, pp. 99–101. (in Russ.)

8. Navarro, O., 2010. *Istoriya i pamyat' v sovremennom muzee: neskol'ko zamechaniy s tochki zreniya kriticheskoi muzeologii* [History and memory in a modern museum: some remarks from the point of critical museology], *Voprosy muzeologii*, no. 2, pp. 3–11. (in Russ.)

9. Ovchinnikova, Z.A., 2018. *Rol' muzeev v formirovanii, podderzhke i translyatsii istoricheskoi i kul'turnoi pamyati* [The role of museums in the formation, support and communication of historical and cultural memory], *Vestnik kul'turi i iskusstv*, no. 1, pp. 82–88. (in Russ.)

10. Repina, L.P., 2015. *Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoi kul'tury epokhi globalizatsii* [Science and society: public history in the context of historical culture in globalization era], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 55–67. (in Russ.)

11. Halbvachs, M., 2007. *Sotsialnye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

12. Khmelevskaya, Yu.Yu., 2016. *Istoriya i «poleznoe proshloe»: k voprosu o distsiplinarnykh granitsakh i distsipliniruyushchikh funktsiyakh istorii v sovremennom obshchestve* [History and «useful past»: to the issue of disciplinary boundaries and disciplinary functions of history in a modern society], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 1, pp. 162–173. (in Russ.)

13. Shlyakhtina, L.M., 2011. *Sovremenniy muzei: idei i realii* [Modern museum: ideas and realities], *Voprosy muzeologii*, no. 2, pp. 14–19. (in Russ.)

14. *Proekt Muzeya-zapovednika istorii Dal'nego Vostoka im. V.K. Arsen'eva «150 let so dnya rozhdeniya Vladimira Arsen'eva»* [The project of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History «150th anniversary of Vladimir Arseniev»]. URL: <https://годарсеньева.рф> (in Russ.)

15. *Vselennaya Arsenieva* [Arseniev's universe]. URL: <https://www.arsenievcollection.ru>

УДК 1.11

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/107-117>

Д.А. Надеина, И.В. Мезенцев*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОСМОЛОГИИ Л.П. КАРСАВИНА И ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается соотношение космологии Л.П. Карсавина и православного догматического учения о творении мира. Авторы обобщают суждения церковных исследователей о карсавинской космологии и показывают, как сам Л.П. Карсавин понимал свою философию в контексте православной традиции. В статье делается вывод о том, что карсавинская метафизика в большей степени соответствует мистико-гностической традиции, а не православной догматике. В то же время космология Карсавина, как и церковная космология, стремится занять срединную позицию между пантеизмом и дуализмом.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин, православие, католицизм, космология, творение, всеединство, пантеизм

On the issue of the relationship between Lev Karsavin's cosmology and the orthodox tradition. DARIA A. NADEINA (Saint Petersburg State University), IVAN V. MEZENTSEV (Independent researcher, Vladivostok, Russia)

The article analyzes the relationship between the cosmology developed by Lev Karsavin and the Orthodox doctrine of creation. The authors summarize the opinions of church scholars about Karsavin's cosmology and show how he understood his philosophy in the context of the Orthodox tradition. The article concludes that Karsavin's metaphysics is more in line with the mystic-gnostic tradition, rather than Orthodox dogmatics. At the same time, it shares with church cosmology its aspiration to take a middle position between pantheism and dualism.

Keywords: Lev Karsavin, Orthodoxy, Catholicism, cosmology, creation, all-unity, pantheism

Вопрос о соотношении Абсолюта и относительного бытия, Единого и многого является одной из главных проблем философии. Ее ста- ли осмыслять еще в досократический период, остается актуальной она и сегодня, несмотря на то, что «современная научная картина мира

* НАДЕИНА Дарья Александровна, соискатель кафедры философии науки и техники Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: bogoslovblog@gmail.com

МЕЗЕНЦЕВ Иван Валерьевич, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Владивосток.

E-mail: mezivan@yandex.ru

© Надеина Д.А., Мезенцев И.В., 2024

свидетельствует не о единстве последнего, а, наоборот, о его множественности и актуальной рассеянности в космическом пространстве» [27, с. 10–11].

В классической философии Единое в той или иной вариации своего понимания было необходимо для осмысления мира и даже для самого мышления. Проблематика Единого остается востребованной и в наши дни по причине того, что человеку как таковому присуще стремление выйти за пределы своей конечности. Это вновь и вновь ставит перед философией вопрос об абсолютном бытии: «Главная задача философии заключается в том, чтобы помогать человеку осознавать его абсолютность и бесконечность, раскрывать бесконечное изменение его бытия» [11, с. 66]. Направленность к абсолютному и бесконечному является естественной для человека, раскрываясь в области философии и религии. Эти две сферы человеческой культуры вступали в разные отношения друг с другом в попытках формализовать предельные смыслы и состояния. Особым образом философские и религиозные контексты переплелись в рамках русской философии всеединства. На наш взгляд, данная тема требует большей разработки в сравнении с популярными объяснениями.

Наиболее распространены два основных пути понимания того, как соотносится религиозное и собственно философское в русской метафизике конца XIX – начала XX вв. С одной стороны, речь идет о стремлении православных церковных авторов жестко противопоставлять официальную догматику метафизике всеединства. Это достигается, например, за счет демонстрации различия между принципами всеединства и соборности: «Идея соборности имеет основания в опыте новой жизни во Христе, в опыте церковного единства. Идея же всеединства имеет своим истоком рационалистическое умозрение и некий мистический опыт единства всего сущего, “растворения” человека в этом единстве. Не оспаривая права каждого свободного индивидуума иметь тот мистический опыт, который он имеет, мы преследовали только цель показать реальное различие опыта соборной Церкви и опыта всеединого Космоса» [1, с. 93]. Традиционно православные авторы указывают на слабые места пантеистических тенденций в учениях русских мыслителей и их неприемлемость для православного догматического сознания. Так, прот. Василий Зеньковский, отмечая огромное творческое влияние

идей В.С. Соловьева на русскую мысль, говорит об ошибочности космологии всеединства: «...Становится ясной вся неизбежность неудачи в построении системы всеединства. Самый замысел этой системы вырос из недостаточной философской оценки идеи творения и вытекающего отсюда учения о коренном дуализме Бога и мира, о коренной трансцендентности мира и Божества. ... Система всеединства верна, поскольку она не выходит за пределы космоса, но неверна с того момента, когда учит об одноприродности Бога и мира» [15, с. 58–59]. Также православная оценка может включать в себя критику альтернативных церковной традиции мистико-гностических истоков метафизики всеединства и софиологического учения. Так, архиеп. Серафим (Соболев) критикует «софианскую ересь» прот. С. Булгакова в том числе за платонические, гностические и каббалистические истоки [26, с. 122].

С другой стороны, имеется тенденция сближения метафизики всеединства и церковной традиции. Во-первых, сами русские философы могли идентифицировать свою космологию как «православную» и подкреплять ее ссылками на древние церковные авторитеты. Во-вторых, церковные авторы могут воспринимать идею всеединства как «предвосхищение и интуитивный поиск соборного единства» [1, с. 93]. Также стоит сказать, что апологетическая стилистика, характерная для многих опытов изложения русской философии конца XIX – начала XX вв., создает благодатную почву для восприятия метафизики всеединства как религиозно-культурного достояния, обусловленного именно церковными истоками. Исследователи, например, могут сближать упомянутые выше понятия «соборность» и «всеединство»: «В своем философском содержании тема соборности выступает как одна из тем и линий в составе метафизики всеединства» [28, с. 25]. Порой встречаются высказывания о православных истоках концепции всеединства: «Концепция Всеединства является плодотворной линией философствования, сложившейся в рамках раннего славянофильства на основе православия» [5, с. 110]. В качестве примера указанного сближения можно привести суждение прот. П. Гнедича, которое он высказывает в книге, посвященной догмату искупления в русской богословской науке. Прот. П. Гнедич приходит к выводу, что «русское богословие и русская религиозная мысль соединяются в стремлении к уразумению основного

христианского догмата и искании смысла жизни» [4, с. 281].

Таким образом, по-прежнему остается открытым вопрос о том, каким же образом соотносится мистико-интуитивное, религиозно-церковное и собственно философское начала в русской метафизике всеединства. Она может мыслиться и как инородное православной традиции образование, и как отделившаяся от церковно-догматического ядра периферия, как ее гетеродоксальная модификация. Иллюстрацией отмеченной нами сложности может служить одно из высказываний церковного публициста о В.С. Соловьеве: «Для “борцов за чистоту Православия” он “экуменист” и вообще “криптокатолик”. А для интеллигентов он “чересчур религиозен в традиционном смысле”» [30]. И.И. Евлампиев указывает на то, что «в русской философии такого ясного отделения мистического содержания идеи Абсолюта от сковывающей его догматической формы до конца так и не произошло, и именно в этом, действительно, заключается ее главная особенность...» [9, с. 6].

На наш взгляд, данная проблема также связана с различными возможностями понимания слова «религиозная» в применении к русской философии конца XIX – начала XX вв. Под «религиозностью» русской мысли можно понимать нахождение внутри церковной культуры (например, в статусе отклонения от богословской нормы). «Религиозность» в применении к отечественной мысли указанного периода может означать тот факт, что она имеет апологетический потенциал, который может быть использован во благо церковной традиции. И, наконец, «религиозность» здесь может трактоваться максимально широко – как указание на тот факт, что в сочинениях русских мыслителей активно использовалась богословская терминология (концепты «Бог», «Троица», «Святой Дух» и т.д.) или имела открытость мистико-интуитивному опыту.

Стремясь прояснить указанное затруднение, в настоящей статье мы обратим внимание на специфику космологических воззрений Л.П. Карсавина. Он не был профессиональным философом по своему образованию и первоначально занимался историей западного Средневековья. Однако с течением времени внутри его исторических штудий стал развиваться метафизический анализ истории, дошедший до разработки метафизики человека в контексте метафизики Абсолюта. На построение карсавинской

системы оказали влияние учения античных и христианских мистиков, которые являлись предметом его профессиональных интересов и лично переживались им. Особенное значение для Л.П. Карсавина имел Николай Кузанский, которому русский философ соответствовал и содержательно, и стилистически. В этом отношении, на наш взгляд, карсавинская мысль представляет собой прямое развитие гностико-мистического подхода к построению метафизики Абсолюта, что придает мыслителю оригинальность в сравнении с другими русскими теоретиками всеединства.

Особый статус карсавинской метафизики заключается также в следующем: «Творчество Л.П. Карсавина завершает известную нам традицию всеединства. С ним она вступила в зрелую форму своего существования. В его метафизике отчетливо просматриваются все ее основные начала, те же из них, которые использовались его предшественниками имплицитно, приобретают форму выверенных определений. Однако, как всякая яркая индивидуальность, Карсавин выходит за рамки традиции, в которой работает, порою вступает с ней в спор» [22, с. 7]. Еще одной особенностью карсавинской метафизики является оригинальное сочетание принципов персонализма и всеединства: «Обычно персонализм и всеединство рассматривают как несовместимые: первый старается избавиться человеческую уникальность от вмешательства индивидуализма и коллективизма, а последнее часто обвиняют в том, оно растворяет личность в Абсолюте и, таким образом, оказывается противопоставлено персонализму. Карсавин, однако, их сочетает и стремится снять эту несовместимость» [24, с. 181].

Система Л.П. Карсавина так же, как и пантеистические системы его идейных предшественников, начиная от античных гностиков и заканчивая Николаем Кузанским, развивалась при господствующем положении креационистской библейско-христианской космологии, закрепленной в церковной ортодоксии. Наше внимание привлекает именно гетеродоксальность позиции русского мыслителя с точки зрения консервативных богословско-философских позиций православной традиции. Метафизика русского философа с историко-философской точки зрения представляет собой уникальный опыт интерпретации догматических постулатов церковной ортодоксии через основоположения мистико-гностической традиции. Прежде чем

рассматривать отношение Л.П. Карсавина к православной космологии и восприятие карсавинской концепции Абсолюта в церковной среде, необходимо изложить основные постулаты метафизики всеединства русского философа.

Л.П. Карсавин в русле философии всеединства обращается к фундаментальной проблеме – вопросу о соотношении Бога как Абсолюта и мира: «Он обращается к наиболее сложной и принципиальной проблеме: пытается понять как можно мыслить наряду с Абсолютом, который охватывает все существующее, еще и тварный мир, не совпадающий с Абсолютом» [2, с. 199]. В решении указанного затруднения Л.П. Карсавин исходит из тезиса о том, что Бог представляет собой всеединство всего сущего: «Бог, как существо высочайшее, должен быть всем, всеединством. Иначе можно помыслить нечто высшее, чем противостоящий тварному Бог, т.е. – помыслить всеединство Бога и твари, которое тогда и будет истинным Божеством. Бог безусловен, а следовательно, рядом с Ним нет и не может быть твари или: тварь – полное ничто» [16, с. 32]. Свое понимание того, как соотносится абсолютное всеединство и тварное множество, русский философ воспринимает как одну из типовых возможностей решить этот вопрос. По мнению Л.П. Карсавина, существует три варианта ответа: дуалистический, пантеистический и православно-христианский. Дуалистическая концепция отделяет мир от Бога, который творит все сущее из некоего низшего по отношению к себе начала. Не устраивает русского мыслителя и противоположная крайность, выраженная в одной из разновидностей пантеистического воззрения. При одностороннем утверждении единства в противовес дуализму «неизбежно отождествление акта творения из ничто с творением из Бога и “ничто” – с Богом» [8, с. 132]. Л.П. Карсавин выступает против смешения Божественного Ничто, которое есть все, с ничто как чистым небытием. Философ подчеркивает, что серьезнейшей ошибкой такого рода пантеизма является отрицание самостоятельного значения ничто, из которого и в котором мир творится Богом.

Карсавинская модель всеединства настаивает на том, чтобы ничто, из которого Бог творит мир, было осмыслено как самостоятельное начало, но в специфическом смысле: «Божество абсолютно, будучи Всеединством и постигаясь нами, как таковое. Но в полноте нашего опыта Оно абсолютно только при том условии, если

как-то существует, не ограничивая Его абсолютности, в каком-то смысле отличное от Него нечто. А это “нечто” для того, чтобы не ограничивать Бога и чтобы, будучи отличным от Него, как-то противостоять Ему, должно не быть самобытием или ничто, т.е. в отличности своей быть совершенным ничто, ибо, если оно хотя бы малейшая самобытийственная точка, оно уже не отлично от Бога или – Его ограничивает. “Иное” может существовать только как создающее и создаваемое Божество, и в тварной отличности своей “ничто”. Но самосозидание Божества не может быть самосозиданием, как раскрытием Божественной Полноты. Самотворение Бога, для того, чтобы быть таковым, должно быть Его вольным самоопределением, т.е. самоограничением и самооконечиванием Абсолюта, ибо только при этом условии Богоявление отлично от Богобытия. И вот это-то Богоявление, а лучше сказать – Богостановление и есть творение конечного и относительного ничто, сущего только самоопределившим Себя Богом и в Боге, а с отшествием Бога прекращающегося в своем условном бытии» [16, с. 40].

Русский мыслитель акцентирует внимание на том, что ничто здесь не представляет собой в строгом смысле бытия, что позволяет Л.П. Карсавину избежать дуализма в космологии. Бог свободно переносит свое бытие в ничто и получается инобытие. Творение в данном случае получает свою свободу от Бога в Боге, двигаясь в то же время к единению со своим первоисточком. Стоит сказать о том, что представленная схема, хоть и не соответствует ортодоксальной версии, в то же время так же, как и православно-догматическая модель, претендует на то, чтобы гармонизировать дуалистическую и пантеистическую крайности.

Мир для Л.П. Карсавина представляет собой, по сути, повторение Богом своей божественной жизни в области ничто, которая осуществляется Богом внутри себя самого за счет самоограничения: «В Божестве-Всеединстве есть Божество-Противостояние твари-ничто. Богу-Всеединству ничто не противостоит или Ему противостоит совершенное ничто. Но дивным и невыразимым образом в этом несуществующем ничто Бог, не переставая быть Всеединством, проявляет или становится Себя путем изливания Себя в ничто, которое тем самым создается или творится Богом, как нечто, отрицающее Его и не перестающее быть ничто» [16, с. 43]. Представленная модель является более простой

схемой понимания того, как соотносятся абсолютное и относительное в сравнении со стандартной эманационной моделью, в которой творение появляется за счет «переливания» Бога через некую онтологическую границу за пределы себя самого. Главнейшей характеристикой всеединства здесь выступает непрерывающееся движение от Абсолюта к ничто и обратно.

Примечательно, что сущность Абсолюта в карсавинской схеме мыслится динамично, а не статично. Для Л.П. Карсавина дискретный аспект бытия становится не менее значимым в сравнении с аспектом единства, поскольку целое совпадает с любой его частью (в реальном мире этот принцип реализуется несовершенным образом). На уровне же совершенного всеединства нет различия между «вертикальным» единством (т.е. единством части и целого) и «горизонтальным» единством (т.е. единством части и другой части). Указанные принципы требуют особого интуитивно-диалектического схватывания: инструментов классической рациональности недостаточно для погружения в карсавинскую концепцию всеединства.

В контексте карсавинской метафизики человек становится относительным всеединством, одновременно и тождественным всеединству-абсолютному, и отличающимся от него. Человек отличается от Бога тем, что он является теофанией Бога в ничто. В итоге человеческий индивид предстает потенциально абсолютным существом, направленным на раскрытие своей божественной природы. Метафизическая модель Л.П. Карсавина приводит к интересным выводам в области гносеологии: «Не я познаю истину – истина сама себя познает во мне ... Не я существую – само бытие во мне существует. Не я становлюсь благим – Всеединое Благо само себя во мне актуализирует» [18, с. 238].

В контексте метафизики всеединства русский мыслитель делает акцент на эмпирической личности как конкретизации абсолютного бытия. В массиве карсавинских идей можно встретить суждения о том, что именно несовершенная человеческая личность является образцом личности. В своем бытии Абсолют определяется противостоящим ему тварным бытием, а не только обуславливает бытие тварных личностей как совершенный образец. Этот вопрос связан с неоднозначным решением фундаментальной проблемы соотношения совершенного и несовершенного: «Если “на поверхности” философской системы мы находим утверждение

об онтологическом приоритете совершенства над несовершенством и признание Абсолюта стоящим “выше бытия и небытия” (т.е. “безразличным” к существованию тварного мира), то в ее “глубине” все оказывается иным. Несовершенство предстает более фундаментальным, чем совершенство, которое должно быть понято как результат восполнения несовершенства» [10, с. 216].

Космогонические взгляды Л.П. Карсавина и соответствующие антропологические выводы из его концепции с церковной точки зрения являются хоть и не крайним пантеизмом, но все же недопустимым отклонением от традиционной «школьной» богословской схемы соотношения божественного и мирового в творении и в историческом развитии. Так, прот. В. Зеньковский отмечает, что у Л.П. Карсавина мы не найдем обычного пантеизма (стоиков или Спинозы), поскольку здесь, во-первых, нет отождествления или уравнивания Бога и мира. Но в то же время с консервативно-церковной точки зрения концепция Л.П. Карсавина не является корректной, поскольку Абсолют не мыслим без мира, а значит у всесовершенного бытия отсутствует важнейшая его характеристика – абсолютная и полноценная свобода. Получается, что вне творческого акта Абсолют не способен реализовать себя в качестве Абсолюта. Ортодоксию не устраивает то, что карсавинская модель отвергает непроходимую границу между божественным и эмпирическим. Соответственно, не увидим мы у Л.П. Карсавина традиционной для православия метафизики божественного промысла, когда Абсолют «входит» в эмпирический мир. Во-вторых, по замечанию прот. В. Зеньковского, карсавинская схема не совпадает с классическим пантеизмом в том плане, что мир здесь мыслится сотворенным не прямо из Бога, а из ничто, и что творение возникает из божественной свободы. Но в то же время мир мыслится как становящийся Абсолют, необходимо полагающий свое «иное». Отдельную оценку прот. В. Зеньковский дает сотериологии Л.П. Карсавина: «Метафизика всеединства неуклонно ведет к тому в религиозной сфере, что мы охарактеризовали в свое время у Достоевского, как “христианский натурализм”, т.е. как учение о том, что в глубине тварного бытия уже реализован Бог, как “всяческая во всех”» [14, с. 798]. Карсавинское мировоззрение характеризуется прот. В. Зеньковским как подчинение богословия философии. В целом православная

оценка Л.П. Карсавина повторяет основные положения церковной критики всеединства как разновидности пантеизма.

Также церковные авторы высказываются против экуменических тенденций карсавинской мысли, которые являются естественным следствием принципов всеединства и софиологии Л.П. Карсавина. Комментируя экуменические тенденции в его работах, необходимо учитывать, что в целом «уже прижизненные отношения Л.П. Карсавина с ревнителями церковной традиции как с родной для мыслителя конфессией – православием, так и с чуждой западной – католичеством, трудно назвать гармоничными» [31, с. 88].

В ранний период своего творчества русский мыслитель считал католицизм максимально полным воплощением идеи всеединства. На первом этапе философ сочетает в себе декларируемую внеконфессиональность с не менее явным филокатолицизмом [12, с. 240]. Позднее его взгляды изменились. На втором этапе своего философского творчества Л.П. Карсавин «обращает свои взоры к глубине православия» [13, с. 196]. Характерным в этом отношении является следующее его высказывание: «Мы противопоставляем отвлеченному христианству, наиболее яркое выражение которого усматриваем в римском католичестве, конкретную полноту Православия как единственной и единой соборной (кафолической) и вселенской Церкви Христовой» [19, с. 208]. Окончательную позицию в отношении католицизма философ сформировал в лагере. Сохраняя критический взгляд на католичество уже с позиций своего личного духовного опыта, имея опыт его «радикальной философской и мистической критики» [7, с. 17], Л.П. Карсавин не становится, однако, противником католицизма. В то же время необоснованным является суждение о сознательном переходе русского философа в католичество на закате своей земной жизни. В.И. Шаронов доказывает, что русский философ до самых последних мгновений своей жизни был верен православному исповеданию, приводя слова А.А. Ванева, ученика Л.П. Карсавина: «Сообщение о том, что Карсавин принял последнее таинство от католического священника, в устной передаче подверглось трансформации вплоть до ошибочного, но сенсационного известия о переходе в католичество. Предположить со стороны Карсавина такой шаг могли только люди, не имевшие никакого представления о нем» [3, с. 168].

Указанная трансформация карсавинского отношения к католицизму приводит нас к выводу о том, что русский мыслитель на разных этапах своего творчества сохранял философскую свободу по отношению к любым формам церковной догматики, в то же время динамически отталкиваясь от многовекового опыта православной и католической традиций в своих построениях. Нужно учитывать, что сам термин «филокатолицизм» может трактоваться различно: от безусловного подчинения авторитету папского престола до симпатий отдельным элементам католической традиции (которые всегда будут иметь определенную степень). «Филокатоликом» могут называть того мыслителя, который отводит католицизму ведущую роль в общественно-культурной жизни страны и предпочитает католический мистический (духовный) опыт православному. Можно предположить, что для Л.П. Карсавина был характерен нетипичный для своей эпохи филокатолицизм. Философ, очевидно, осознавал неизбежные внутренние ограничения любого конфессионального догматизма, с чем в определенной степени согласна церковная догматика как таковая (в контексте рассуждений об ограниченности человеческого мышления и языка в описании предельных феноменов). А.В. Карташев свидетельствует о том, что принятие Святых Таин от униатского священника в случае с Л.П. Карсавиным – «это не измена, не отказ, не сдача восточной позиции, с предпочтением ей униатско-западной, а просто принятие данной единственной реальности с высоты парящего над ней надвероисповедного, кафолического, вселенски-церковного сознания» [23, с. 78].

Симпатия к католицизму не отменяла в случае с Л.П. Карсавиным его фундаментальную симпатию к глубинам православного мистико-богословского опыта. В специальном исследовании В.И. Шаронов приходит к выводу о том, что «сопоставление воспоминаний тех, кто стал свидетелем последних лет жизни Карсавина, и другие документы того времени позволяют утверждать, что история с переходом в другую конфессию не только миф, рожденный восторженностью ревнителей католичества, но она еще и противоречит свидетельству самого умирающего философа» [31, с. 88].

Отношение философии Л.П. Карсавина к православной традиции в исследовательской литературе понимается различно. Этот факт можно воспринимать в качестве частного слу-

чая двойственности в оценке соотношения церковного богословия, философии и индивидуального мистико-интуитивного опыта, когда речь идет о метафизике всеединства. Так, например, Д. Рубин не считает, что исследование Карсавиным святых отцов и его метафизические размышления противоречат друг другу [24, с. 50]. М.С. Городнева отмечает двойственное отношение карсавинской метафизики к традиционному православному богословию: «Учение Л.П. Карсавина завершает линию метафизики Всеединства в русской религиозной философии. Обращаясь к наследию мыслителя, следует понимать, что Л.П. Карсавин сознательно полагал в основу своих суждений христианскую онтологию, однако яркий индивидуальный поиск выносит мысль философа за догматические рамки восточно-патристической традиции, иногда приводя к спору с ней» [6, с. 73]. Аналогично высказывается Н.В. Цепелева, подчеркивая лишь частичное совпадение карсавинского учения о личности с догматическими основами христианской антропологии: «Как видим, учение о личности Карсавина противоречиво. Где-то идеи Карсавина созвучны христианским, а где-то прямо противоположны» [29, с. 9]. С.И. Скороходова приходит к радикальному выводу о том, что «представления Карсавина о смерти расходятся с традицией святоотеческой мысли и в некоторых моментах ближе к *буддистской традиции*, абсолютизирующей Ничто» [25, с. 177].

Сам же Л.П. Карсавин считал свою космологию всецело христианской, понимая в то же время определенное расхождение своих метафизических схем с официальным богословием: «Для меня эта система связывается со святоотеческим богословием, особенно с Григорием Нисским и Максимом Исповедником, на Западе – с такими несомненно восточного типа, но подозрительными для ортодоксии метафизиками, как Николай Кузанский и даже Эриугена, в России – со славянофилами, богословствование которых определено немецкой идеалистической философией, и с некоторыми представителями академического богословия (особенно с Болотовым, А. Спасским, Несмеловым). Владимира Соловьева я ощущаю как католика, а современным русским богословам представляюсь еретиком» [20, с. 159]. Прот. В. Зеньковский отмечал, что русский философ находил в массиве святоотеческой литературы те крупницы, которые могли быть истолкованы в духе всеединства.

В контексте рассматриваемой проблемы важно учитывать то, как Л.П. Карсавин понимал догмат: «В его понимании догмы нет ни холодной абстрактности, ни высокомерия разума, характеризующих отношение к ней В. Соловьева, ни отрицающего последнюю реальность догмы символизма Н. Бердяева, ни фидеистической склонности С. Франка видеть в ней “вне-разумную” истину религии, совершенно недо-ступную мысли» [22, с. 7]. Можно сказать, что для русского философа в этом плане не было характерно ни радикальное отрицание церковной догматики, ни рабское следование ей.

Карсавинская интерпретация православия как такового была оригинальной. Несмотря на присутствие филокатолицизма в жизни русского философа, православие оценивалось им достаточно высоко: «Я повторяю лишь ту же самую мысль, утверждая, что православию в высокой степени присуща малодоступная другим церквям (за исключением древне-восточной) интуиция всеединства. Из этой интуиции вытекает своеобразное, родственное античному, отношение к космосу» [21, с. 280]. В контексте разработки идей евразийства Л.П. Карсавин развивал концепцию «потенциального православия», которая базировалась на двух постулатах: 1) весь мир представляет собой становящуюся церковь, в связи с чем иноверцы в определенной степени уже находятся в церкви; 2) «Евразия представляет собой симфонически-личностную индивидуацию православной церкви и культуры, основание единства и сущность которой – православная вера» [23, с. 314]. Достоинство православия, согласно Л.П. Карсавину, заключается в том, что в нем с достаточной силой осознается невозможность реализовать «вселенское задание» исключительно индивидуальными усилиями [21, с. 352]. В то же время недостатком православия является то, что «оно только хранит, не раскрывая и не развивая потенций хранимого, что оно не действительно, пассивно» [17, с. 205].

Обобщая суждения различных исследователей творчества русского философа и описывая общий характер отношения Л.П. Карсавина к православию, можно сделать вывод, что с ортодоксальной точки зрения карсавинская космология включает в себя элементы недопустимой философизации божественного откровения. Неприемлемыми для ортодоксии являются и концепция творения у Л.П. Карсавина, и представление об отсутствии сущностной границы

между Абсолютом и творением, а также антропологические и сотериологические следствия, которые проистекают из космологической схемы русского мыслителя.

В то же время Л.П. Карсавин в своем отклонении от церковной ортодоксии встраивается в многовековую традицию тех европейских мыслителей, которые развивали спорные с точки зрения официальной догматики пантеистические концепции в контексте библейского мировоззрения. Есть основания полагать, что космогония и космология Льва Платоновича в большей степени соответствует мистико-гностической традиции, а не просто является некоторой модификацией ортодоксального христианского взгляда на происхождение мироздания и его структуру: «Несмотря на все попытки Карсавина доказать соответствие своих философских построений православной догматике, конечно же, более правы его критики, которые утверждали (справедливо утверждают и в наши дни), что идеи Карсавина почти невозможно согласовать с каноническим православием, и их, скорее, нужно считать позднейшей и очень талантливой версией того гностико-мистического мировоззрения, которое восходит к II–III вв. и ярким пунктиром проходит через всю историю европейской философии вплоть до метафизики М. Хайдеггера» [10, с. 138].

Концепция Л.П. Карсавина, как и мистико-гностическая традиция, которой она принадлежит, занимают уникальное место в истории развития христианской космологии. Как известно, последняя формировалась через взаимодействие демиургической и эманативной моделей описания творения и соотношения Бога и мира. Ветхозаветное представление о Творце мироздания уже в период раннехристианской апологетики соотносилось с платонической концепцией Демиурга. Также церковная ортодоксия освоила неоплатоническую модель эманации, подчинив ее библейскому представлению о трансцендентном Боге-Творце и породив концепцию Абсолюта как самораспространяющегося блага – по отношению к тому творению, которое ему сущностно противостоит.

Рассматривая космологию русского философа в широкой историко-философской ретроспективе, мы приходим к выводу о том, что карсавинское понимание творения не совпадает ни с чисто демиургическим описанием творения из иносущной Богу и предсуществующей материи (в платонизме); ни с чисто эманативной космо-

гонией (неоплатонической), когда Единое-Благо «переливается» за пределы и порождает мир через постепенное оскудение; ни с переплетением демиургической и эманативной моделей в официальной догматике, базирующейся на творении мира из ничего; ни с крайней пантеистической точкой зрения, в которой мир совершенно теряет свою самостоятельность перед лицом Абсолюта.

Космология Л.П. Карсавина, в продолжение идеи гностической концепции, отраженной в Евангелии Истины и развитой в сочинениях Николая Кузанского, преодолевает антропоморфность демиургической модели понимания Бога. В сравнении с неоплатонической концепцией эманации карсавинское описание происхождения мира гораздо проще. Как показывает история, мистико-гностическое понимание творения мира как самоограничения и в то же время самосозидания Бога в ничто всегда выступало устойчивой альтернативой ортодоксальному пониманию творения, которое было сформировано на стыке библейских представлений и платонических идей. В то же время карсавинскую модель соотношения Абсолюта и мира сближает с ортодоксальной космологией стремление преодолеть крайности дуализма и пантеизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисин А.Л. К различению «Всеединства» и «Соборности» как онтологических принципов // Омский научный вестник. 2007. № 2. С. 90–93.
2. Борзова Е.П. Триадология. СПб.: СПб-КО, 2013.
3. Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.
4. Гнедич П. Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
5. Городнева М.С. Духовный опыт русской философии: мечта о всеедином // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 108–115.
6. Городнева М.С. Интуиция ума о духовном опыте сердца в философии Л.П. Карсавина // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 72–77.
7. Даренский В.Ю. Метод «мистической критики» католичества у Л.П. Карсавина // Философский полилог. 2018. Вып. 2. С. 17–28.

8. Евлампиев И.И. Два полюса восприятия Николая Кузанского в русской философии (С. Франк и Л. Карсавин) // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 125–138.
9. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв.: русская философия в поисках Абсолюта. Ч. 1. СПб.: Алетейя, 2000.
10. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX вв.: русская философия в поисках Абсолюта. Ч. 2. СПб.: Алетейя, 2000.
11. Евлампиев И.И. Неисказенное христианство и его первоисточники // Соловьевские исследования. 2017. № 4. С. 182–203.
12. Ермолин А.В., Азов А.В. Восприятие католичества в трудах Л.П. Карсавина // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 240–243.
13. Ермолин А.В. Филокатолицизм в философии В.С. Соловьева, Л.П. Карсавина и С.Н. Булгакова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3. С. 194–197.
14. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001.
15. Зеньковский В.В. Идея всеединства в философии Владимира Соловьева // Православная мысль. 1955. Вып. 10. С. 45–59.
16. Карсавин Л.П. SALIGIA или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах // Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 31–72.
17. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 157–216.
18. Карсавин Л.П. О свободе // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 204–249.
19. Карсавин Л.П. Об опасностях и преодолении отвлеченного христианства // Путь. 1927. № 6. С. 32–49.
20. Карсавин Л.П. Письма // Символ. 1994. № 31. С. 108–109, 147–159.
21. Карсавин Л.П. Путь православия // Православие: pro et contra. Антология. СПб.: НОКО, 2012. С. 280–287.
22. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994.
23. Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин // Вестник русского христианского движения. 1960. № 58–59. С. 72–78.
24. Кулешов М.С. Роль и значение концепции потенциального православия нехристианских религий Евразии в социальной философии классического евразийства // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 313–315.
25. Рубин Д. Лев Карсавин. Личность как полнота бытия и православная мысль // Богословие личности. М.: Изд-во ББИ, 2013. С. 181–192.
26. Скороходова С.И. К вопросу о жизни, смерти и бессмертии в творчестве Л.П. Карсавина и Иоанна (Максимовича) Шанхайского // Философский полилог. 2018. № 3. С. 177–190.
27. Серафим (Соболев), архиеп. Защита софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского собора русской зарубежной церкви. София, 1937.
28. Федчук Д.А. Голос «Единого»: Альберт Великий, Фома Аквинский и Дунс Скот. СПб.: Изд-во РХГА, 2019.
29. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.
30. Цепелева Н.В. Философия личности Л.П. Карсавина и христианство // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 6. С. 6–11.
31. Цыплаков Д. «Блудный сын» русской философии // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/48086.html>
32. Шаронов В.И. К истории мифа о переходе Л.П. Карсавина в католичество // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 2. С. 88–96.

REFERENCES

1. Anisin, A.L., 2007. K razlicheniyu «Vseedinstva» i «Sobornosti» kak ontologicheskikh printsiptov [To the issue of distinction between the terms «overall unity» and «sobornost» as ontological principles], Omskii nauchnyi vestnik, no. 2, pp. 90–93. (in Russ.)
2. Borzova, E.P., 2013. Triadologiya [Triadology]. Sankt-Peterburg: SPbKO. (in Russ.)
3. Vaneev, A.A., 1990. Dva goda v Abezi. V pamyat' o L.P. Karsavine [Two years in Abezi. In memory of L.P. Karsavin]. Brussels: Zhizn' s Bogom. (in Russ.)
4. Gnedich, P., 2007. Dogmat iskupleniya v russkoi bogoslovskoi nauke (1893–1944) [The dogma of atonement in Russian theology, 1893–1944]. Moskva: Izd-vo Sretenskogo monastyrya. (in Russ.)
5. Gorodneva, M.S., 2015. Dukhovnyi opyt russkoi filosofii: mechta o vseedinom [Spiritual

experience of Russian philosophy: the dream of All-unity], Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, Vol. 16, no. 4, pp. 108–115. (in Russ.)

6. Gorodneva, M.S., 2015. Intuitsiya uma o dukhovnom opyte serdtsa v filosofii L.P. Karsavina [Mental intuition on spiritual experience of heart in L.P. Karsavin's philosophy], Aspirantskii vestnik Povolzh'ya, no. 3–4, pp. 72–77. (in Russ.)

7. Darenskii, V.Yu., 2018. Metod «misti-cheskoi kritiki» katolichestva u L.P. Karsavina [L.P. Karsavin's method of «mystical criticism» of Catholicism], Filosofskii polilog, no. 2, pp. 17–28. (in Russ.)

8. Evlampiev, I.I., 2010. Dva polyusa vospriyatiya Nikolaya Kuzanskogo v russkoi filosofii (S. Frank i L. Karsavin) [Two poles of perception of Nicholas of Cusa in Russian philosophy (S. Frank and L. Karsavin)], Voprosy filosofii, no. 5, pp. 125–138. (in Russ.)

9. Evlampiev, I.I., 2000. Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vv.: russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta. Ch. 1 [The history of Russian metaphysics in the XIXth and XXth centuries: Russian philosophy in search of the Absolute. Part 1]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

10. Evlampiev, I.I., 2000. Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vv.: russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta. Ch. 2 [The history of Russian metaphysics in the XIXth and XXth centuries: Russian philosophy in search of the Absolute. Part 2]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

11. Evlampiev, I.I., 2017. Neiskazhennoe khristianstvo i ego pervoistochniki [Undistorted Christianity and its primary sources], Solov'evskie issledovaniya, no. 4, pp. 182–203. (in Russ.)

12. Ermolin, A.V. and Azov, A.V., 2017. Vospriyatie katolichestva v trudakh L.P. Karsavina [Perception of Catholicism in the works of L.P. Karsavin], Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, no. 1, pp. 240–243. (in Russ.)

13. Ermolin, A.V., 2012. Filokatolitsizm v filosofii V.S. Solov'eva, L.P. Karsavina i S.N. Bulgakova [Philo-Catholicism in the philosophy of V.S. Solovyov, L.P. Karsavin and S.N. Bulgakov], Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya «Gumanitarnye nauki», no. 3, pp. 194–197. (in Russ.)

14. Zen'kovskii, V., 2001. Istoriya russkoi filosofii [The history of Russian philosophy]. Moskva: Akademicheskii proekt; Raritet. (in Russ.)

15. Zen'kovskii, V., 1955. Ideya vseedinstva v filosofii Vladimira Solov'eva [The concept of all-unity in Vladimir Solovyov's philosophy], Pravoslavnaya mysl', no. 10, pp. 45–59. (in Russ.)

16. Karsavin, L.P., 1993. Saligia, ili ves'ma kratkoe i dushepoleznoe razmyshlenie o Boge, mire, cheloveke, zle i semi smertnykh grekhakh [Saligia, or a very brief and soulful reflection on God, the world, man, evil and the seven deadly sins]. In: Karsavin, L.P., 1993. Sochineniya. Moskva: Raritet, pp. 31–72. (in Russ.)

17. Karsavin, L.P., 1993. Vostok, Zapad i russkaya ideya [East, West and the Russian idea]. In: Karsavin, L.P., 1993. Sochineniya. Moskva: Raritet, pp. 157–216. (in Russ.)

18. Karsavin, L.P., 1994. O svobode [On freedom]. In: Karsavin, L.P., 1994. Malye sochineniya. Sankt-Peterburg: Aleteiya, pp. 204–249. (in Russ.)

19. Karsavin, L.P., 1927. Ob opasnostyakh i preodolenii otvlechenogo khristianstva [On the dangers of abstract Christianity and how to overcome them], Put', no. 6, pp. 32–49. (in Russ.)

20. Karsavin, L.P., 1994. Pis'ma [Letters], Simvol, no. 31, pp. 108–109, 147–159. (in Russ.)

21. Karsavin, L.P., 2012. Put' pravoslaviya [The path of Orthodoxy]. In: Pravoslavie: pro et contra. Antologiya. Sankt-Peterburg: NOKO, 2012, pp. 280–287. (in Russ.)

22. Karsavin, L.P., 2012. Svyatye ottsy i uchiteli Tserkvi (raskrytie Pravoslaviya v ikh tvoreniyakh) [Holy Fathers and Teachers of the Church (disclosure of Orthodoxy in their works)]. Moskva: Izd-vo MGU. (in Russ.)

23. Kartashov, A.V., 1960. Lev Platonovich Karsavin [Lev Platonovich Karsavin], Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya, no. 58–59, pp. 72–78. (in Russ.)

24. Kuleshov, M.S., 2018. Rol' i znachenie kontseptsii potentsial'nogo pravoslaviya nekhristianskikh religii Evrazii v sotsial'noi filosofii klassicheskogo evraziistva [The role and significance of the concept of potential Orthodoxy of non-Christian religions of Eurasia in the social philosophy of classical Eurasianism], Sotsial'no-politicheskie nauki, no. 2, pp. 313–315. (in Russ.)

25. Rubin, D., 2013. Lev Karsavin. Lichnost' kak polnota bytiya i pravoslavnaya mysl' [Lev Karsavin: Personhood as the fullness of being and Orthodox thought]. Moskva: Izd-vo BBI. (in Russ.)

26. Skorokhodova, S.I., 2018. K voprosu o zhizni, smerti i bessmertii v tvorchestve L.P. Karsavina i Ioanna (Maksimovicha) Shankhaiskogo

[On the issues of life, death and immortality in the works of L.P. Karsavin and John (Maximovich) of Shanghai], *Filosofskii polilog*, no. 8, pp. 177–190. (in Russ.)

27. Serafim (Sobolev), 1937. *Zashchita sofianskoi eresi protoiereem S. Bulgakovym pred litsom Arkhiereiskogo sobora russkoi zarubezhnoi tserkvi* [The defense of the heresy of Sophianism by Protopriest S. Bulgakov in the face of the Bishops' Council of the Russian Church Abroad]. Sofia. (in Russ.)

28. Fedchuk, D.A., 2019. *Golos «Edinogo»: Al'bert Velikii, Foma Akvinskii i Duns Skot* [The voice of the "One": Albert the Great, Thomas Aquinas and Duns Scotus]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RKhGA. (in Russ.)

29. Khoruzhii, S.S., 1994. *Posle pereryva. Puti russkoi filosofii* [After the break. The ways of

Russian philosophy]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

30. Tsepeleva, N.V., 2014. *Filosofiya lichnosti L.P. Karsavina i khristianstvo* [L.P. Karsavin's philosophy of personality and Christianity], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, no. 6, pp. 6–11. (in Russ.)

31. Tsyplakov, D., 2011. «Bludnyi syn» russkoi filosofii [«The prodigal son» of Russian philosophy]. URL: <https://pravoslavie.ru/48086.html> (in Russ.)

32. Sharonov, V.I., 2016. *K istorii mifa o perekhode L.P. Karsavina v katolichestvo* [To the history of the myth of L.P. Karsavin's conversion to Catholicism], *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*, no. 2, pp. 88–96. (in Russ.)

ПРИНЦИПЫ НОВОЙ ЭТИКИ ТРУДА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

В статье предпринята попытка обосновать гипотезу о возникновении новой этики труда в рамках позднего капитализма. Особое внимание уделено проблеме изменения смысла и ценности труда для человека. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что современный труд осуществляется в союзе человека и техники, а главным вознаграждением за труд становится самореализация. Современный труд, с одной стороны, предполагает интенсификацию трат и рост потребления, а с другой – необходимость широкого спектра навыков и умений.

Ключевые слова: этика труда, поздний капитализм, самореализация, саморазвитие, самосоздание, человеческий капитал, условия труда

The principles of the new work ethic of late capitalism. OLEG G. NESTEROV (HSE University, Moscow)

The article attempts to substantiate the hypothesis about the emergence of a new work ethics within the framework of late capitalism. Particular attention is paid to the issue of changing the meaning and value of labour for a person. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that modern labour is carried out in the union of man and technology, and the main reward for it is self-realization. Modern labour involves, on the one hand, intensified spending and increased consumption, and on the other hand, the need for a wider range of skills and abilities.

Keywords: work ethics, late capitalism, self-realization, self-development, self-creation, human capital, working conditions

Введение

Сегодня мы наблюдаем изменение отношения к труду, смысла и ценности труда для человека. Изменение этики труда происходит на фоне трансформации самого труда в современном мире. На смену классическому труду приходит нематериальный, интеллектуальный и креативный труд. Рабочее время человека становится пористым. От сотрудников ожидают доступности в режиме 24/7. Человек освобождается от территориальной фиксации – современную работу зачастую можно выполнять

дистанционно. В свою очередь последнее делает доступными для человека другие образы жизни, что предполагает различные социальные феномены: пористость свободного времени [15], путешествия и туристические туры за пределами отпусков (отдых, путешествие, отпуск срастаются с работой и рабочим временем), миграция населения из крупных городов на более экологически чистые территории – поселки, малые города, области (мегаполисы теряют часть своих магнитных свойств). С другой стороны, возрастают социально-экономические

* НЕСТЕРОВ Олег Георгиевич, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: oleg-nesterov_1996@mail.ru

© Нестеров О.Г., 2024

риски сокращения рабочих мест. Происходит снижение социальной защищенности работников – прекаризация и гиг-занятость [11]. Растет расслоение в уровне жизни, распределении свободного времени и условиях труда между богатыми и бедными, между креативным классом и прекариатом. Появляются утопические концепции отказа от труда и этики труда. Вместе с этим сегодня в этике труда действительно происходят заметные перемены. Постулаты традиционной и протестантской этики труда утрачивают актуальность.

Под традиционной этикой труда понимается раннехристианская, предполагающая амбивалентное отношение к труду – с одной стороны, как к наказанию за грехи, с другой – как к сотворчеству с целью прославления Бога. Труд являлся средством практики аскезы и воспитания дисциплины. Протестантская этика труда предполагала честный добросовестный труд, накопительство, обогащение, экономию и сдержанность в тратах для обеспечения себя и близких необходимым, сдержанность в демонстрации роскоши. В качестве вознаграждения за труд выступал не только материальный успех, но и нематериальное утверждение в «избранности»: успех являлся признаком божественного одобрения [3]. Протестантская этика способствовала отношению к труду как к профессиональному призванию. Человек стремился достичь мастерства и максимального результата в своей деятельности. Этика труда в Советском Союзе отличалась культивированием труда: «...СССР – воплощение идеи индустриального государства, цивилизации труда» [18, с. 11]. Труд считался обязанностью добропорядочного гражданина, долгом перед обществом [12]. С другой стороны, культура советского труда, наследуя «православную трудовую этику» [9], характеризовалась коллективизмом, трудоцентризмом, сотрудничеством, но в то же время предполагала отчуждение, что являлось следствием новой организации труда. Как и в случае с протестантской этикой, рабочий мыслил свою жизнь зачастую в рамках одной профессии и предприятия. Труд не только определял распорядок дня человека, но и способствовал поддержанию традиционных отношений в семье [1; 2].

Автоматизация, цифровизация, индивидуализация, приход нематериального труда на смену классическому, гибкие контракты занятости, рост креативного класса и прочее привели к изменению этики труда. О ее изменении в латент-

ной форме пишут многие мыслители современности [4; 7; 16; 17; и др.]. Современная этика труда до недавнего времени оставалась для европейских обществ в большей степени протестантской, а в странах бывшего СССР наследовала принципы труда советской идеологии. Как отмечают Р. Инглхарт и К. Вельцель: «После этого (возникновения постиндустриального общества. – прим. авт.) переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс – переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации» [7, с. 39]. Сегодня мы являемся свидетелями появления новой этики труда, направленной на совершенствование человека, союз человека и техники, развитие новых форм профессиональных коммуникаций и бережного отношения к природе.

Симбиоз человека и техники

Новая этика труда в существенной степени формируется под воздействием изменившегося отношения человека к технике. В то время как для луддитов было характерно враждебное отношение к ней, а индустриализация, разделение труда и распространение конвейерного способа производства сформировали образ человека как придатка машины [13], отношение к технике современного человека сопряжено с надеждой на то, что она позволит сделать жизнь человека лучше. О союзе человека и техники можно судить по распространению гаджетов и высоких технологий в качестве ключевых средств производства и перемещению различных видов деятельности в виртуальный мир [5; 6; 29]. Представители креативного класса, работники сферы образования и услуг, прекариат – большинство так или иначе использует возможности современной техники для осуществления своих рабочих обязанностей. Непрерывный выход нового программного обеспечения и изобретение новых технологий открывают перед человеком новые возможности жизни, развития, потребления и труда. Новые технологии, программы и техника требуют от человека непрерывного образования и периодического переобучения. Знание технологий и умение работать с новыми, «передовыми» востребованными программами становятся конкурентными преимуществами работника на рынке труда.

Сегодня человек не является придатком машины, а находится в процессе сосуществования и кооперации с техникой. Он становится частью техники точно так же, как и техника становится частью человека. В одном из интервью Илон Маск высказал мнение, что современный человек уже сегодня является «киборгом» потому, что гаджеты, в частности смартфоны, стали неотъемлемой частью человека, а человеческая память «отдана компьютерам на аутсорсинг» [28]. Действительно, гаджет сопровождает человека в течение дня и ночи, является продолжением человека, открывающим вход в мир виртуального пространства, дистанционной коммуникации и нематериального цифрового труда, дающим доступ к большому количеству всевозможной информации и контента, образовательным курсам и программам.

Согласно Ж. Симондону, отношение человека к взаимодействию с техникой как к соучастию и со-творчеству, что требует глубокой технической экспертизы работников, образования профессиональных сообществ и коллективов, способствует уменьшению до-капиталистического отчуждения человека. Такое отношение к технике Ж. Симондон определяет как трансиндивидуальное: «Технический объект, взятый в своей сущности, то есть такой, каким человек его изобрел, помыслил ... и признал, становится опорой и символом этого отношения, которое мы хотели бы назвать трансиндивидуальным» [37, р. 252]. С другой стороны, Б. Стиглер, наследник и критик идей Симондона, подчеркивает, что техника является фармаконом¹. По мнению мыслителя, союз техники и человека является временным, если не предпринять превентивных усилий, поскольку в перспективе современные технологии и автоматизация могут привести к де-профессионализации, утрате технического знания, остановке «событийного» времени и исчезновению интеллектуального труда: «...Цифровому мозгу неотвратимо суждено оказываться медленно, но верно закороченным автоматами и неспособным составлять новую форму общества с другими цифровыми мозгами – и тогда время просвещения заменит общество политическое обществом автоматическим» [20]. Вопреки представлениям

¹ Понятие «фармакон» (φάρμακον) означает одновременно лекарство и яд, отражая один из древнейших принципов медицины: лекарство может становиться ядом, а яд в определенной дозировке может оказывать лечебный эффект.

Симондона о том, что трансиндивидуальные профессиональные коллективы, в которых функционируют технические ансамбли [37], могут быть основой будущего труда, поздний капитализм порождает обезличенных автономных агентов труда, а автоматизация вновь продуцирует отчуждение человека от глубокого технического знания и адекватного восприятия реальности. По этой причине Стиглер является апологетом культуры «де-автоматизации» с целью защиты ценности интеллектуального труда и профессионального общения. Идеи мыслителя проблематизируют популярную сегодня повестку «акселерационизма» и ставят вопрос о пределах синергии человека и техники. Однако двух мыслителей сближает надежда на абсолютный союз человека и техники, а также вера в необходимость профессиональной коммуникации на основе технического знания.

Общество «само-предприятий»

В отличие от протестантской этики и этики труда в Советском Союзе, в рамках которых работник оставался верным своему делу и компании, современные работники перестают быть лояльными работодателям и могут кардинально менять сферу деятельности в течение трудовой жизни, что является следствием: уменьшения социальной ответственности компаний перед работниками [22], что ведет к снижению доверия работодателю со стороны работников [10]; роста требований к спектру профессиональных навыков и компетенций сотрудников (сегодня ценится разноплановый опыт, умение работать с различными технологиями, понимание достоинств и недостатков различных технических и технологических решений) [25]; быстрого развития техники и технологий (устаревание или обесценивание одних профессий в пользу новых или других); прочих причин текучести кадров, среди которых – различие в заработных платах новых и старых работников, условиях труда и пр.).

Изменения в отношениях происходят не только между работодателем и сотрудником, но и между коллегами. Индивидуализация вместе с характерным для капитализма духом конкуренции не способствует формированию долгих устойчивых связей [1; 2]. П. Коллиер отмечал рост недоверия как один из симптомов «болезни» современного капитализма [10]. Если в советском обществе между работниками одного завода существовали отношения взаимопомо-

щи и товарищества, то сегодня работники становятся отдельными автономными «предприятиями», реализующими конкретную функцию и выполняющими «заказы» (задания) друг для друга. Креативный труд требует более гибкой системы взаимоотношений [25]. Распространение гибких систем управления (Agile, Scrum, Kanban и пр.) стремится свести отношения руководителей и подчиненных до уровня равноправных «коллег», сосредоточенных на отдельных сферах ответственности. В свою очередь это означает, что выводы об отношениях между работниками становятся верными как для горизонтальных, так и для вертикальных организационных связей.

М. Фуко предвосхитил возвышение «человеко-предприятия» – антрепренера себе самому, «который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов» [23, с. 285]. Затем А. Горц расширил представление о человеке как о «само-создании»: «Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности и мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время» [4, с. 31]. В данной статье мы говорим об эволюции «само-предприятия» от осознания себя до формирования отношения к «другому» как к автономному «само-предприятию». Работники сегодня выполняют отдельные функции. Их общение сводится к обмену «заявками на работу» (задачами), сообщениями по электронной почте и в мессенджерах, разговорам по мобильной и видеосвязи с целью уточнения информации о ходе выполнения работ. Такому положению дел способствует распространение дистанционного и гибридного (полу-дистанционного) форматов работы. Работники отдаляются друг от друга, обретая все большую независимость как в организации рабочего дня, так и при непосредственном выполнении работы. При этом совершенствование технологий и процессов требует от работников соответствующей консистентности знаний, навыков и умений. Общение автономных агентов-работников предполагает, что каждый участник взаимоотношений развивает себя с целью соответствия развитию профессиональных и рабочих контекстов. Таким образом профессиональная переподготовка и повышение квалификации становятся перманентной обязанностью современного работника, желающего сохранить конкурентоспособность на рынке

труда. Культура мышления себя как «само-создания» сформировала адекватное восприятие «других» как подобных «само-предприятий», вписывая человека в систему позднекапиталистических рабочих взаимоотношений. Система начала воспроизводить саму себя.

Труд как саморазвитие и саморазвитие как труд

Сегодня происходит трансформация классического труда в цифровое «творчество» [5], интеллектуальный труд [4], техническую [17; 20; 21; 33; 37] и креативную [25] деятельность. Труд становится процессом, способствующим развитию человека. Критериями успеха новой деятельности становятся популярность, выраженная в количестве подписчиков и прочих характеристиках охвата и активности аудитории в социальных сетях [5] и на платформах [19], уважение профессионального сообщества, «статус» как индикатор достижения определенного уровня знаний и умений, самореализация как самоосуществление, как реализация личных интенций.

Вместе с тем «саморазвитие» становится всепоглощающим «бесплатным» трудом. Под влиянием конкурентной среды на рынке труда и культурных изменений досуг и отдых становятся частью работы и, соответственно, рабочего времени, в которое человек занимается развитием профессиональных навыков и умений и приращением профессионального знания, накапливая «человеческий капитал»: «Такие традиционные “дресс-коды” капиталистического способа производства, как “трудолюбие” и “платежеспособность”, дополняются более современно звучащими “креативностью”, “позитивностью”, “коммуникабельностью”, формируя так называемый человеческий капитал, что позволяет эксплуатировать интеллектуальную, эмоциональную и социальную стороны природы человека» [16, с. 160].

Постулатом новой этики труда становится лозунг «развивай себя», где «развитие» должно пониматься в широком смысле слова, как всестороннее совершенствование человека. Необходимость постоянного обучения и конкурентная среда формируют новые принципы труда. Современный человек не просто должен быть «предприятием для себя» – он должен заниматься оптимизацией и совершенствованием процесса само-создания, следить за эффективностью и результативностью соответствующе-

го труда. Продуктивность и прагматичность становятся атрибутами выбора и организации труда. При этом навыки, умения и знания требуют дополнительных затрат: «Что значит формировать человеческий капитал, формировать ... виды компетенций-машин ...? Это значит ... заниматься ... образовательными инвестициями» [23, с. 289].

От накопительства к максимизации потребления

Как отмечает Б.Н. Миронов, современную этику труда можно считать «гедонистской», что выражается в том, что современный человек трудится преимущественно ради потребления [14]. Потребительство предполагает максимизацию трат, что в свою очередь создает новые образы жизни – например, «жизнь в кредит». Растущее потребление свидетельствует о де-актуализации ценности «умеренности». Современный человек стремится не к накоплению, а к увеличению индивидуальной «платежеспособности» (возможности в случайный момент времени удовлетворить все свои потребности и желания), что предполагает постоянное стремление к увеличению заработка, отчасти обуславливающее современный труд-центризм [18]. Интенсификация потребления предполагает, что человек не стремится иметь собственность (машины, дома и пр.), а все чаще прибегает к аренде («sharing economy»). В свою очередь это означает наличие свободных средств, которые, с одной стороны, обмениваются на потребление, а с другой – инвестируются с целью извлечения «ренды». Рента также способствует потребительскому образу жизни, но в то же время является «допингом» в формировании новых образов жизни и новой этики труда. С другой стороны, сегодня утратил свою актуальность постулат протестантской этики, предполагающий «сдержанность» в демонстрации роскоши. Демонстрация светского досуга, потребления, превосходства, богатства и экспертности становятся атрибутами современной культуры, частью цифровой деятельности и новым источником ренты, о чем можно судить, например, по характеру и сюжетам публикаций пользователей популярных сегодня социальных сетей.

Все перечисленное также меняет отношение человека к труду, призванию, образованию и человеку как таковому. Изменению представлений о человеке способствуют новые гибкие

условия труда, которые становятся сегодня имманентным вознаграждением за труд.

Новые вознаграждения за труд

Сегодня мы можем говорить о том, что постулат традиционной этики труда – «вознаграждение за труд» – продолжает сохранять свою актуальность. Однако имеет место изменение представлений человека о сути вознаграждения. В протестантской этике вознаграждением за труд считался успех в деятельности, как следствие «избранности» и божественного благословения. В советском обществе труд был гарантом «стабильности» семейных и социальных отношений. В капиталистической этике вознаграждением за труд являются деньги, статус и возможности потребления. В рамках позднего капитализма в качестве вознаграждения выступает, во-первых, самореализация (самоосуществление и реализация личных интенций), общественное признание или признание определенной социальной группы (профессиональное сообщество, коллеги, семья, клиенты и т.д.), во-вторых, синтетическая свобода в виде новых гибких условий труда и возможности ведения гибких образов жизни, свобода и доступность заработка, информации, действий, перемещений и т.д.; в-третьих, расширенные возможности потребления, которое может являться одновременно и условием труда (поскольку потребление является объектом демонстрации), и его содержанием², и вознаграждением. Первый и последний феномены были рассмотрены в статье ранее. Далее будет рассмотрен подробнее феномен синтетической свободы. Это понятие, введенное Н. Срничеком и А. Уильямсом, означает не только «формальную» либеральную свободу «невмешательства», но также и наличие средств на ее реализацию. Например, формальная свобода человека на перемещение ограничена тем, что перемещение на большое расстояние или преодоление природных преград требует денежных

² Наверное, крайним примером потребления как труда является демонстрация поедания различных блюд, сопровождаемая описанием своих впечатлений. Данный формат видеоконтента, примеры которого легко найти в Интернете, называется «обзор» – неологизм, сформированный из слов «обзор» и «обжорство». Поконкурировать с этим трудом, вероятно, смогут только мусанги, производящие самый дорогой в мире кофе «Kopi-luwak Wild» путем поедания и переваривания кофейных ягод.

средств. Синтетическая свобода предполагает не только формальную возможность, но и наличие необходимых ресурсов для ее реализации. В основе синтетической свободы лежит различие реальной и формальной свободы Ф. Ван Парайса: «...В отличие от формальной свободы, реальная свобода – это не только вопрос наличия права делать то, что человек, возможно, хотел бы делать, но и вопрос наличия средств для этого» [31, р. 4]. Синтетическая свобода приходит на смену либеральной, «негативной» свободе. Как отмечает Ф.А. фон Хайек, различие между «позитивной» и «негативной» свободой впервые проведено Т. Грином [30] и в конечном итоге восходит к Гегелю [27, с. 39]. Тем не менее следует отметить, что различие «негативной» и «позитивной» свободы проводилось еще раньше и восходит по меньшей мере к И. Канту [8, с. 104–105]. «Негативной» называют свободу от внешнего вмешательства, в то время как «позитивной» свобода становится только в результате ее апроприации и последующего использования [27, с. 39].

Сегодня синтетическая свобода становится новым «вознаграждением» за труд, поскольку предполагает наличие гибких условий труда, возможности дистанционной и гибридной работы, гиг-занятости (предполагающей работу несколько дней в неделю или только в определенные часы), пористости рабочего времени. Отсутствие непосредственного контроля (наблюдения) за деятельностью работника вместе с переходом к контролю результатов труда (в рамках гибких методологий управления и концепции управления целями [39]) усиливает гранулярность пористости, поэтому сегодня можно говорить о дисперсии рабочего времени и его практически полной диффузии со свободным. Новые условия труда создают плацдарм для всестороннего развития человека. Однако, чтобы адекватно вписать человека в новые принципы труда, человеку необходимо измениться.

Изменение человека как плацдарм для новой этики труда

Труд будущего тесно связан с феноменом постчеловека и этикой как таковой. Если сегодня человек пытается понять, что он такое, то в обществе будущего человеку необходимо изобрести себя заново путем экспериментов и исследования границ своих и общественных возможностей [19, с. 121]. Расширение синтетической свободы означает масштабный про-

ект по переосмыслению привычных ценностей и социальных практик: «Свобода проявляется множеством способов – среди них экономические и политические, эксперименты с сексуальностью и репродуктивными структурами, появление новых желаний, расширение эстетических способностей, новые формы мышления и доказательства и, наконец, совершенно новые способы быть человеком. Расширение пространства желаний, потребностей, стилей и образа жизни, сообществ, возможностей – все это пробуждается к жизни проектом всеобщего освобождения» [19, с. 260–261]. Труд будущего сконцентрирован на расширении границ возможного и привычного: «Искусственная жизнь, киборгизация, синтетическая биология и технологически опосредованная репродукция – примеры такой работы. Тем самым общей целью должен стать непрерывный проект по высвобождению всех существующих потребностей и превращению их в стройматериал для создания будущей свободы» [19, с. 120]. Непрерывность предпринимаемых усилий, вечный поиск лучшего будущего, попытки расширить границы возможного, пересборка привычного и постоянное переизобретение себя меняют этику труда, формируя новую трудовую мораль, которую можно назвать трансгуманистической. Трансгуманизм способствует более адекватному восприятию человека в союзе³ с техникой, усвоению императива о необходимости постоянного саморазвития, отношению к себе и окружающим как к конкурирующим «само-предприятиям».

Принцип «экологичности»

Наряду с изменением человека, отношения человека к технике и другому человеку меняются и отношение человека к природе. Международная «экологическая» повестка вместе с растущими запросами креативного класса на более экологичные условия жизни и труда [25] приводят к формированию экологичной этики труда. О значении экологии в жизни и деятельности современного человека писали многие мыслители [1; 2; 4; 19; 33; 34; 35; 36]. Актуальным сегодня становится замечание Б. Стиглера о том, что «акселерационизм», культура «авто-

³ Вместе с тем следует обратить внимание на критику трансгуманизма как технологии принципиальной трансформации «человеческого» (в биологическом, физиологическом, психологическом и др. смыслах) [24; 26].

матизации», усложнение современных технологий и алгоритмов приводят человека к тому, что он утрачивает способность мыслить технику адекватно растущим экологическим и техногенным рискам. Экологичная этика труда вместе с бережным отношением к природе как таковой означает необходимость быть образованным, технически грамотным, готовым брать на себя ответственность за профессиональные решения, развивать экспертизу, осуществлять наукоемкий интеллектуальный труд, вести диалог и коммуникацию, быть внимательным к окружающему миру. Необходимость взаимодействия с другими людьми характеризует этику труда как экологичную в широком смысле слова, т.е. направленную на нивелирование противоречивых социальных тенденций позднего капитализма, таких как «разобшение», индивидуализация, утрата долгосрочных и крепких общественных связей, распространение дистанционного формата работы, анонимность в сети и т.п. Таким образом, принцип «экологичности» – как в отношении к природе, так и в коммуникации с другими людьми – становится важным принципом новой этики труда.

Заключение

В данной статье мы предприняли попытку выдвинуть и обосновать гипотезу о возникновении новой этики труда в рамках позднего капитализма. Большинство постулатов и ценностей протестантской этики труда и принципов труда советского общества утрачивают актуальность. Современная капиталистическая этика труда меняется вместе с трансформациями труда и капитализма. Сегодня возникает новый труд, направленный на саморазвитие человека, но в то же время саморазвитие становится негласной обязанностью человека, своего рода «бесплатным» трудом, выходящим за пределы рабочего времени. На смену протестантским ценностям скромности и сдержанности приходит демонстрация потребления, роскоши и достатка. Саморазвитие становится новым источником собственности и богатства, а самореализация – «здоровым смыслом» труда. Новый труд предполагает, что человек обладает широким спектром разнообразных навыков и умений. Ключевыми становятся навыки работы с техникой и различным программным обеспечением, а также способность к постоянному обучению и переподготовке. В свою очередь данные факты предполагают симбиоз человека и техники. Со-

временный труд – это результат синергии человека и техники. Союз человека и техники актуализирует техническое знание и способствует формированию профессиональных сообществ и коллективов.

Вместе с тем происходят изменения в отношениях работодателя и работника, начальника и подчиненного, коллег и товарищей. Перманентная необходимость дообучения, индивидуализация, конкуренция на рынке труда, развитие гибких подходов в управлении креативными командами, а также новые условия труда способствуют, во-первых, изменению моделей построения карьерных траекторий (лояльность работника одному работодателю становится неэффективной тактикой профессионального развития), во-вторых, горизонтализации вертикальных связей, в-третьих, формированию общества «само-предприятий», предполагающего отношение к другому человеку как к непрерывно развивающемуся и функционирующему автономному предприятию. Постоянное повышение требований к квалификации, навыкам и умениям работников вместе с принципом конкуренции означает необходимость постоянного развития и переобучения человека. В то же время это приводит к формированию новых ожиданий от труда – труд должен развивать. Продуктивность и прагматичность становятся атрибутами выбора и организации труда.

В условиях позднего капитализма меняются представления человека о вознаграждении за труд. Сегодня в качестве справедливого и целесообразного эквивалента, получаемого в обмен на труд, человек ожидает самореализации (как самоосуществления), в т.ч. общественного признания или признания со стороны представителей определенной социальной группы (профессионального сообщества, коллег, семьи и т.д.), расширенных возможностей потребления и новых условий труда. К новым распространенным условиям труда можно отнести феномены дистанционного и гибридного формата работы, гиг-занятость, диффузию рабочего и свободного времени, потребление. Таким образом, потребление парадоксальным образом становится целью, условием и содержанием труда.

Плацдармом развития новой этики труда является изменение человека. Развитие трансгуманистической морали способствует включению человека в новый труд, а также союзу человека и техники. Важным становится принцип «экологичности», который следует пони-

мать в широком смысле слова – как требование бережного отношения к природе и уважительной коммуникации друг с другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
4. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
5. Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
8. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005.
9. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96.
10. Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
11. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
12. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии: сборник научных трудов. М.: ИТРК, 2009. С. 28–29.
14. Миронов Б. Трудовая этика российского работника: XIX–XX вв. // Культуролог. URL: <https://culturolog.ru/content/view/3779/92/>
15. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 72–87.
16. Погребняк А. Дефетишизировать свободное время: от акрасии – к профанации // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 159–188.
17. Подорога Б.В. Краткий очерк истории мнемотехник Бернарда Стиглера // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 4. С. 42–47.
18. Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? М.: Алетея, 2018.
19. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
20. Стиглер Б. Дух просвещения в эпоху философской инженерии // Художественный журнал. 2018. № 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775>
21. Стиглер Б. Искусственный интеллект – это искусственная глупость. URL: <http://colta.ru/articles/society/21731-bernar-stigler-iskusstvennyu-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost>
22. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014.
23. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
24. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ; ЛЮКС, 2004.
25. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. М.: Классика XXI, 2012.
26. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002.
27. Хайек Ф.А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.
28. Chowdhury, H., 2023. Elon Musk says people are ‘already cyborgs’ because machines maintain our memory for us. URL: <https://www.businessinsider.com/elon-musk-cyborgs-machines-ai-technology-2023-6>
29. Dean, J., 2014. Communicative capitalism and class struggle. Spheres: Journal for Digital Cultures, Vol. 1, no. 1, pp. 1–16.
30. Green, T.H., 1888. Lecture on liberal legislation and freedom of contract. In: Nettleship, R.L. ed., 1888. Works of Thomas Hill Green. Vol. III. Miscellanies and memoir. London: Longmans, Green, and Co., pp. 365–386.
31. Van Parijs, P., 1995. Real freedom for all. What (if anything) can justify capitalism? Oxford: Oxford University Press.
32. Stiegler, B., 1998. Technics and time, 1: The fault of Epimetheus. Stanford: Stanford University Press.
33. Stiegler, B., 2015. Automatic society 1: The future of work – Introduction. La Deleuziana. Online Journal of Philosophy, no. 1, pp. 121–140. URL: <http://www.ladeleuziana.org/wp-content/uploads/2015/05/Stiegler.pdf>

34. Stiegler, B., 2015. La société automatique. T. 1. L'avenir du travail. Paris: Fayard.

35. Stiegler, B., 2018. Artificial stupidity and artificial intelligence in the Anthropocene. Institute of Ereignis, Shanghai. URL: https://www.academia.edu/37849763/Bernard_Stiegler_Artificial_Stupidity_and_Artificial_Intelligence_in_the_Anthropocene_2018_

36. Stiegler, B., 2018. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press.

37. Simondon, G., 2017. On the mode of existence of technical objects. Minneapolis: Univocal Publishing.

38. Wodtke, Ch., 2021. Radical focus: achieving your most important goals with objectives and key results. California: Cucina Media.

REFERENCES

1. Bauman, Z., 2002. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]. Moskva: Logos. (in Russ.)

2. Beck, U., 2001. Chto takoe globalizatsiya? [What is globalization?]. Moskva: Progress-Traditsiya (in Russ.)

3. Weber, M., 1990. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. In: Weber, M., 1990. Izbrannye proizvedeniya. Moskva: Progress, pp. 61–272. (in Russ.)

4. Gorz, A., 2010. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital [The immaterial: knowledge, value and capital]. Moskva: GU-VShE. (in Russ.)

5. Davydov, D.A., 2021. Postkapitalizm i rozhdenie personaliata [Post-capitalism and the birth of the personaliat]. Moskva: RIPOL klassik. (in Russ.)

6. Jamison, F., 2019. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

7. Inglehart, R. and Welzel, K., 2011. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

8. Kant, I., 2005. Kritika prakticheskogo razuma [The critique of pure reason]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

9. Koval, T.B., 1994. Pravoslavnyaya etika truda [Orthodox work ethics], Mir Rossii, no. 2, pp. 54–96. (in Russ.)

10. Collier, P., 2021. [The future of capitalism: facing the new anxieties]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

11. Crouch, C., 2020. Pobedit li gig-ekonomika? [Will the gig economy prevail?]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

12. Magun, V.S., 1998. Rossiiskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie [Russian labor values: ideology and mass consciousness], Mir Rossii, no. 4, pp. 113–144. (in Russ.)

13. Marx, K. and Engels, F., 2009. Manifest Kommunisticheskoi partii [The manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and Engels, F., 2009. Printsipy kommunizma. Manifest Kommunisticheskoi partii: sbornik nauchnykh trydov. Moskva: ITRK, pp. 28–29. (in Russ.)

14. Mironov, B., 2020. Trudovaya etika rossiiskogo rabotnika: XIX–XX vv. [Work ethics of a Russian worker: XIXth–XXth centuries]. URL: <https://culturolog.ru/content/view/3779/92/> (in Russ.)

15. Mayatskii, M., 2015. Osvobozhdenie ot truda, bezuslovnoe posobie i glupaya volya [Liberation from work, unconditional income and foolish will], Logos, Vol. 25, no. 3. pp. 72–87. (in Russ.)

16. Pogrebnyak, A., 2019. Defetishizirovat' svobodnoe vremya: ot akrasii – k profanatsii [Defetishizing free time: from akrasia to profanation], Logos, Vol. 29, no. 1, pp. 159–188. (in Russ.)

17. Podoroga, B.V., 2020. Kratkii ocherk istorii mnemotekhnik Bernarda Stiglera [Essay on Bernard Stiegler's history of mnemotechnics], Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'», Vol. 5, no. 4, pp. 42–47. (in Russ.)

18. Sidorina, T.Yu., 2018. Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie? [Life without work or work for salvation?]. Moskva: Aleteiya. (in Russ.)

19. Srnicek, N. and Williams, A., 2019. Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda [Inventing the future: postcapitalism and a world without work]. Moskva: Strelka Press. (in Russ.)

20. Stigler, B., 2018. Dukh prosveshcheniya v epokhu filosofskoi inzhenerii [The spirit of enlightenment in the era of philosophical engineering], Khudozhestvennyi zhurnal, no. 106. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775> (in Russ.)

21. Stigler, B., 2019. Iskustvennyi intellekt – eto iskustvennaya glupost' [Artificial intelligence is artificial stupidity]. URL: <http://colta.ru/articles/>

society/21731-bernar-stigler-iskusst-venny-intellekt-eto-iskusstvennaya-glupost (in Russ.)

22. Standing, G., 2014. Prekariat: novyi opasnyi klass [The precariat: the new dangerous class]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

23. Foucault, M., 2010. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [The birth of biopolitics: lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

24. Fukuyama, F., 2004. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: consequences of the biotechnology revolution]. Moskva: AST; LYuKS. (in Russ.)

25. Florida, R., 2012. Bol'shaya perezagruzka. Kak krizis izmenit nash obraz zhizni i rynek truda [The great reset: how new ways of living and working drive post-crash prosperity]. Moskva: Klassika XXI. (in Russ.)

26. Habermas, J., 2002. Budushchee chelovecheskoi prirody [The future of human nature]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

27. Hayek, F.A., 2018. Konstitutsiya svobody [The constitution of liberty]. Moskva: Novoe izdatel'stvo. (in Russ.)

28. Chowdhury, H., 2023. Elon Musk says people are 'already cyborgs' because machines maintain our memory for us. URL: <https://www.businessinsider.com/elon-musk-cyborgs-machines-ai-technology-2023-6>

29. Dean, J., 2014. Communicative capitalism and class struggle. Spheres: Journal for Digital Cultures, Vol. 1, no. 1, pp. 1–16.

30. Green, T.H., 1888. Lecture on liberal legislation and freedom of contract. In: Nettleship, R.L. ed., 1888. Works of Thomas Hill Green. Vol. III. Miscellanies and memoir. London: Longmans, Green, and Co., pp. 365–386.

31. Van Parijs, P., 1995. Real freedom for all. What (if anything) can justify capitalism? Oxford: Oxford University Press.

32. Stiegler, B., 1998. Technics and time, 1: The fault of Epimetheus. Stanford: Stanford University Press.

33. Stiegler, B., 2015. Automatic society 1: The future of work – Introduction. La Deleuziana. Online Journal of Philosophy, no. 1, pp. 121–140. URL: <http://www.ladeleuziana.org/wp-content/uploads/2015/05/Stiegler.pdf>

34. Stiegler, B., 2015. La société automatique. T. 1. L'avenir du travail. Paris: Fayard.

35. Stiegler, B., 2018. Artificial stupidity and artificial intelligence in the Anthropocene. Institute of Ereignis, Shanghai. URL: https://www.academia.edu/37849763/Bernard_Stiegler_Artificial_Stupidity_and_Artificial_Intelligence_in_the_Anthropocene_2018

36. Stiegler, B., 2018. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press.

37. Simondon, G., 2017. On the mode of existence of technical objects. Minneapolis: Univocal Publishing.

38. Wodtke, Ch., 2021. Radical focus: achieving your most important goals with objectives and key results. California: Cucina Media.

